

СОДЕРЖАНИЕ

- Предисловие
Судьба языков в глобализующемся мире
Е.И. Филиппова..... 5

- Принять нельзя отвергнуть? К вопросу о ратификации
Европейской Хартии региональных языков или языков
меньшинств в России
С.В. Соколовский 17

- Языковые ситуации в Поволжье в зеркале
переписей населения
О.Н. Подлесных 48

- Ситуация с чувашским языком у школьников старших
классов крупных и средних населенных пунктов
Чувашской Республики
Эктор Алос и Фонт..... 73

- Меньшинство внутри меньшинства:
ногайский язык в Дагестане и Карачаево-Черкесии
А.А. Ярлыкапов 89

- Языковые проблемы шапсугов
современного Причерноморья
И.Л. Бабич..... 98

- Мы столкнулись с врагом, и он – это мы:
бретонский язык вчера, сегодня, завтра
Ронан Ле Коадик 104

- Официальное признание двуязычия на Корсике:
итоги и перспективы
Филипп Пестей..... 125

- Тамильский язык – язык иммигрантов в Парижском регионе: «Вы говорите на фрамильском?»
Мелоди Бюр..... 145
- Межпоколенная передача арабского и берберского языков во Франции
Александра Филон 171
- От колониальной школы к школе алжирской:
проблемы языка, религии и истории
Камель Катэб..... 185
- Об авторах 201

ПРЕДИСЛОВИЕ СУДЬБА ЯЗЫКОВ В ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Е.И. Филиппова

Эта книга – результат продолжающегося российско-французского диалога по актуальным проблемам социальной антропологии¹. На сей раз темой для обсуждения стало положение языков шинств. Как известно, ни Россия, ни Франция не ратифицировали Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств, однако причины, стоящие за отказом от ратификации, государственная политика в отношении так называемых *миноритарных* языков, их юридический статус и степень сохранности в наших странах различны. Собранные под одной обложкой статьи российских и французских ученых – антропологов, социологов, демографов – выявляют интересные параллели и заставляют задуматься над целым рядом вопросов.

В какой мере юридический статус языков меньшинств влияет на их жизнеспособность, можно ли ожидать, что официальное признание позволит обратить вспять языковой сдвиг? Насколько вообще судьба языков зависит от государственной политики? Есть основания полагать, что эта зависимость не так высока и не так однозначна, как может показаться. Так, во Франции, несмотря на жесткие запрети-

---

¹ См. предыдущие публикации: Диалоги об идентичности и мультикультурализме// *Débats sur l'identité et le multiculturalisme* (двуязычное издание). Отв. ред. Е. Филиппова и Р. Ле Коадик. М., ИЭА РАН, 2005. Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции. Отв. ред. Е. Филиппова. М., ИЭА РАН, 2008. Социальная антропология во Франции. XXI век. Отв. ред. Е. Филиппова и Б. Петрик. М., ИЭА РАН, 2009. *Panorama de l'anthropologie russe contemporaine* (Панорама современной российской антропологии). Dir : Petric B., Filippova E. Paris, l'Harmattan, 2011.

тельные меры в отношении региональных языков, они все же сохранили свою жизнеспособность вплоть до середины XX века и начали резко сдавать позиции как раз в тот момент, когда государственная политика стала смягчаться (об этом в нашем сборнике пишут Р. Ле Коадик и Ф. Пестей). В России (вернее, в СССР) открытых гонений на языки меньшинств не было. Напротив, для целого ряда бесписьменных дотолер языков были созданы алфавит и письменность, существовали «национальные» школы, однако языковой сдвиг в пользу русского языка, тем не менее, произошел на большей части территории, причем примерно в то же время – начиная с 1950-х годов, и был связан не с «языковой политикой», а с ускорившейся модернизацией и урбанизацией. «В 1958 году, при Хрущеве, когда родителям было разрешено выбирать язык преподавания для своих детей, во всей стране количество национальных школ резко уменьшилось. Этому способствовали целенаправленные административные меры, но они фактически поддерживались населением, воспринимались им как естественные», – пишет В. Алпатов (2005:213). Речь здесь идет о том самом «пособничестве», без которого, по мнению П. Бурдье, невозможно никакое символическое господство и которое «не тождественно ни пассивной покорности внешнему давлению, ни свободному приятию неких ценностей (...) Связь между овладением официальным языком и возможностями материального и символического преуспевания становится внятна всем без исключения: законы формирования цен в определенном секторе рынка объективно сулят это преуспевание только тем, кто владеет определенным языковым капиталом» (Бурдье, 2005). Скорее прагматический, нежели политически или символически обусловленный подход к выбору языка для своих детей и связанные с ним внутрисемейные стратегии межпоколенной передачи языка зафиксированы авторами этой книги и у представителей национальных меньшинств (Э. Алос и Фонт, И. Бабич, А. Ярлыкапов, Р. Ле Коадик, Ф. Пестей), и у мигрантов (М. Бюр, А. Филон). При этом наличие у одних языков (чувашского, ногайского) официального статуса «государственного» на соответствующих территориях и его отсутствие у других (корсиканского, бретонского, а также языков мигрантских меньшинств) не играет существенной роли. Из личного полевого опыта вспоминается, как реагировали в 1989 году вепсы Шелтозерского и Шокшинского сельсоветов республики Карелия на предложение ввести преподавание вепского языка в местных школах: «А зачем? Уж лучше финский! С ним наши дети хоть в Финляндию ездить смогут». А в 2004 году во Франции на

аналогичное поведение родителей сетовала в беседе со мной региональный консультант по преподаванию окситанского языка: ей никак не удавалось убедить их сделать выбор в пользу «регионального» языка, который предлагался детям в школе наряду с английским и испанским.

Конкурировать с языком-кормильцем, языком «ремесла и хлеба», открывающим доступ к социальному росту и к лучшей, более обеспеченной жизни сложно, если не невозможно. Это иногда оказывается не под силу даже независимым государствам. В этой книге читатель найдет примеры Ирландии, где ирландский имеет статус государственного языка, преподавание его ведется во всех школах с первого до последнего класса – и тем не менее, для 95% населения по-прежнему родным языком является английский (Ф. Пестей), и Алжира, где вопреки усиленному насаждению арабского языка за последние сорок лет национальная система образования «произвела больше франкофонов, чем за 130 лет ассимиляторской политики колониальной Франции» (К. Катэб).

Сегодня отношение к языкам меньшинств в мире поменялось. Они воспринимаются отныне не как атрибут сельской жизни, признак отсталости и малограмотности, а как часть культурного наследия человечества. Даже Франция признала этот факт, дополнив в 2008 году действующую Конституцию статьей 75-1² – впрочем, статья 2 по-прежнему гласит, что «языком Республики является французский». Пересмотрена и точка зрения, согласно которой языки меньшинств препятствуют полноценному овладению их носителями государственным языком. Напротив, теперь общепризнанна когнитивная ценность двуязычия, не только облегчающего овладение каждым следующим языком, но и в целом положительно влияющего на мыслительную деятельность. Тем не менее, успехи в деле «возрождения» языков меньшинств почти везде достаточно скромны, что вызывает определенное разочарование и охлаждение как у всех участников учебного процесса – учеников, учителей и родителей, – так и у многих борцов за права этих языков. Создается даже впечатление, что, перестав быть гонимыми и запрещенными, языки меньшинств не приобрели, а потеряли. Действительно, одно дело – митинговать под лозунгами за возвращение «национального» языка и писать на эту тему статьи и книги (кстати, чаще всего – на государственном языке), и совсем другое – затратить время и усилия на изучение этого

---

² «Региональные языки принадлежат к французскому наследию»

языка, последовательно использовать его в повседневной жизни. А. Филон, изучив языковое поведение в семьях иммигрантов, сделала вывод о том, что «внутрисемейная передача языков – в первую очередь следствие языковой компетенции родителей, а не их осмысленного выбора», поскольку «люди предпочитают говорить на том языке, который они знают лучше всего». Сказанное, очевидно, верно не только в отношении иммигрантов. Другие авторы этой книги констатируют, применительно к разным языкам меньшинств, что, вопреки открывшимся возможностям, общее число носителей языка продолжает падать, сокращается и его внутрисемейная передача (Р. Ле Коадик, Э. Алос и Фонт); что сфера использования языка сужается и все более отдаляется от «нормального» языкового поведения (Ф. Пестей); что законодательно предусмотренное обязательное преподавание языка заменяется факультативным, поскольку интерес к нему у населения снижается (И. Бабич); что число учебных часов, отводимых на изучение языка, сокращается, а число учащихся, отказывающихся посещать эти занятия, растет (А. Ярлыкапов). Отмечены также характерные признаки диглоссии: в школах язык меньшинства чаще употребляется в неформальном общении между учителем и учениками, нежели собственно в учебном процессе (Ф. Пестей), лишь немногие дети, говорящие на языке меньшинства дома, прибегают к нему при разговоре с персоналом школы – причем тем реже, чем выше статус собеседника (Э. Алос и Фонт).

Французский лингвист Ж. Ле Ду предлагает своим коллегам, ратующим за спасение бретонского языка, ответить на следующие вопросы: «действительно ли власти, с одной стороны, и массы людей, с другой, хотят, чтобы язык был «спасен»? И если да, то что означает «спасти» язык? Как далеко власть готова зайти, т.е. как много средств она готова на это затратить? Волнует ли вопрос спасения языка обычных людей? Каковы истинные цели защитников языков меньшинств? Верят ли они в то, что на языке, который они защищают, снова заговорит все общество? Стоит ли писать на нем учебники химии или математики?» (Le Dû, 2009:89).

Попытаемся ответить на некоторые из них.

Европейская Хартия приводит два аргумента в пользу защиты языков меньшинств: «поддержание и развитие культурного богатства и традиций Европы» и обеспечение «права пользоваться региональным языком или языком меньшинства в частной и общественной жизни». Это, на мой взгляд, две совершенно разные задачи, и решаться они должны совершенно разными способами. С. Соколов-

ский обращает внимание на то, что под защитой Хартии, ратифицированной на сегодня 24 странами, находятся всего 46 языков, «причем 29 из них являются государственными либо в странах-участниках Хартии, либо в соседних государствах». Очевидно, что эти 29 языков, в числе которых, например, русский, немецкий, турецкий, итальянский, будут существовать до тех пор, пока существуют соответствующие национальные государства. Следовательно, в этих случаях речь идет не о сохранении языков, а именно о защите прав их носителей, проживающих за пределами основного языкового ареала – хотя хартия специально оговаривает, что предметом ее ведения является не защита прав меньшинств, а защита бытования самих языков. Не вполне понятно, впрочем, как языки могут бытовать сами по себе, отдельно от языковых сообществ, которые, называемы их меньшинствами или нет, в стране с иным доминирующим языком де факто таковыми являются. В судьбе этой группы языков немаловажная роль принадлежит «языковой метрополии», которая по умолчанию берет на себя заботу о развитии самого языка (финансируя, в частности, работу по составлению и обновлению словарей, грамматик и учебников, а также поддерживая создание литературы и иных художественных текстов и содействуя их распространению за пределы национальной территории), а также отстаивает интересы его носителей в других странах, часто – на основе взаимности. Показательна в этом отношении поддержка французского языка в мире, традиционно являющаяся одним из приоритетов внешней политики Франции. Россия, в первые годы после распада СССР оставившая русскоязычное пространство без внимания, что привело к резкому и стремительному сокращению носителей русского языка за пределами РФ, сейчас также предпринимает определенные шаги по возвращению былого влияния.

Но как быть с теми языками, за спиной у которых не стоит национальное государство и которые действительно находятся под угрозой исчезновения? Кто позаботится о них? Как показывает опыт, в отсутствие национального государства, чье «дисциплинарное общество» нуждается в «дисциплине общей грамматики» (Биллинг, 2005:78) создание стандартизованного литературного языка на базе множества местных диалектов и говоров – задача практически нереализуемая. Результатом попыток стандартизации бретонского языка стало создание его унифицированной письменной формы, которую Ж. Ле Ду и И. Ле Берр характеризуют как «фантазмагорическую конструкцию, созданную кружком интеллектуалов, имевших весьма мало об-

щего с большинством носителей языка» (Le Dû, Le Verge, 1987 : 23). Этот язык, который преподается теперь в школах, звучит по радио и телевидению, воспринимается немногочисленными оставшимися «спонтанными» носителями языка как еще один не знакомый им диалект. Дети, выучившие его, чтобы сделать приятное своим деревенским бабушкам и дедушкам, с удивлением обнаруживают, что те их не понимают. В итоге растет пропасть между «спонтанными» и «сознательными» носителями языка, которые к тому же в силу различия их социального и демографического статуса мало взаимодействуют друг с другом (Р. Ле Коадик).

Более того, оказавшись вне пределов национального государства, где существует стандартизованный письменный официальный язык (в результате эмиграции, в частности), его носители оказываются не в состоянии передать его в полном объеме своим детям. Помимо типичного для второго поколения мигрантов в любой стране пассивного владения языком родителей (родители обращаются к детям, например, по-русски или по-арабски, а те отвечают им по-английски или по-французски), в отсутствие школьного образования лишь немногие дети овладевают навыками чтения и грамотного письма. Пример обратного превращения письменного языка в устный в среде тамильской диаспоры во Франции описан в статье М. Бюр. Особенно интересны последствия такой «вторичной бесписьменности»: родившаяся в эмиграции тамильская молодежь в стремлении к созданию своей среды общения в сети интернет идет по пути креолизации, создавая новый вариант письменного тамильского языка на базе латинского алфавита и фонетического письма, избыливающего к тому же вкраплениями французской лексики. Рождающиеся в результате тексты непонятны старшему поколению, т.е. мигрантам, получившим образование в Индии или на Шри Ланке, что лишь увеличивает разрыв между поколениями и осложняет внутрисемейную передачу языка.

Можно заключить, таким образом, что для полноценного функционирования и гармоничного развития языка необходимо, чтобы существовало некое сообщество, во всех сферах жизни которого использовался бы этот язык, сопровождая каждого члена сообщества от рождения до смерти. В противном случае школьное и даже университетское образование на языке не дает тех результатов, на которые рассчитывают борцы за языковые права. Если единственной сферой применения знания языка остается его преподавание, то эта ниша сектора занятости очень быстро оказывается заполненной, новые выпускники не находят работу по специальности, и вскоре факульте-

ты, где готовят таких преподавателей, сокращают набор абитуриентов, а то и вовсе закрываются (А. Ярлыкапов, Ф. Пестей). Как же тогда объяснить настойчивые требования официального обучения на языках меньшинств? Э. Хобсбаум (2005) склонен видеть в них «требования признания, власти или статуса» (с. 54). Он также напоминает, что эти требования, появившиеся в 1960—1970-х годах, «имели отношение скорее к политике, нежели к образованию, и были связаны с тогдашним подъемом новой политики этничности и идентичности» (с. 52).

Вопрос о соотношении языка и идентичности особенно интересен. Один из авторов этой книги, Э. Алос и Фонт, приехавший в Россию из Барселоны, столкнулся здесь с новой и непривычной для человека из Европы ситуацией. «Постороннего наблюдателя, – пишет он в своей недавней статье, – удивляет значимость понятия «национальность» в России. С трудом можно вообразить другое европейское государство (кроме отдельных бывших советских стран), где было бы возможно спросить у граждан об их этнической принадлежности в переписи населения [не встретив] полного непонимания большинства населения. Еще труднее вообразить, где [данные об этнической принадлежности] вызвали бы больший интерес..., чем ситуация с коренными языками страны» (Алос и Фонт, 2013:270). По-видимому, только в России (и, возможно, постсоветских странах) существует такое парадоксальное понятие, как «лица, не владеющие родным языком», поскольку родной язык традиционно трактуется в нашей стране как язык «своей» национальности. Как следствие, утрата языковых навыков не связывается здесь напрямую с утратой идентичности, ведь номинально «родной язык» остается прежним. Этим обстоятельством объясняется, в частности, непригодность данных переписи населения о «родном языке» для разработки и реализации языковой политики, в том числе в перспективе возможной ратификации Россией Европейской хартии (см. об этом в статье О. Подлесных).

Напротив, корсиканские националисты вот уже 50 лет ведут свою борьбу под лозунгом «смерть языка – смерть народа», последовательно добиваясь сначала признания корсиканского «региональным языком Франции», а не «диалектом итальянского»; потом – на этом основании – внедрения его в сферу образования на всех уровнях, от дошкольного до университетского; и, наконец, требуя придания ему статуса второго официального языка на острове – до настоящего времени безуспешно, поскольку подобное официальное двуязычие противоречило бы Конституции. «Требование обязательного преподавания корсиканского языка – основа для пересмотра системы при-

ема на государственную службу», – предупреждают авторы исследования «Корсиканская геополитика» М. Лефевр и Ж. Мартинетти (Lefèvre, Martinetti, 2007). Действительно, до сих пор французская система государственной службы (частью которой является и система образования) основывается на общенациональных конкурсах и предполагает возможность направления специалиста на работу в любой регион страны. Это расширяет возможности для карьерного роста и способствует сохранению территориального единства государства. Однако создание должностей, в профиль которых включается владение региональным языком, неминуемо превращает общенациональный конкурс в региональный, причем большая часть потенциальных претендентов на ту или иную должность отсекается еще на этапе подачи досье. Напротив, другая (существенно меньшая) часть кандидатов, владеющая региональным языком, получает преимущество, что создает возможность «предоставления престижных рабочих мест множеству националистических или регионалистских активистов» (Хобсбаум, 2005:58). А ведь речь идет не только об учителях, преподавателях университета или почтальонах, но и о полицейских и чиновниках. Таким образом, язык может стать невидимой границей, оберегающей сообщество его носителей от проникновения «чужаков». И вот уже «большинство» в масштабах страны оказывается «меньшинством» в границах той или иной территории, где действует отличный от общегосударственного официальный язык. Такой сценарий хорошо знаком российскому читателю по ситуации в республиках в составе РФ.

Языковой вопрос является стратегическим для сепаратистов, поскольку широко распространено мнение о том, что «общины, говорящие на особом языке, могут желать создания собственного национального государства» (Биллинг, 2005:61). Очевидно, однако, что такой идеал – каждому языку по государству – недостижим. Означает ли это, что «безгосударственные» языки обречены на исчезновение? Многие авторитетные специалисты уверены, что нет. Р. Ле Коадик цитирует в своей статье Дж. Фишмана, по мнению которого, повернуть вспять языковой сдвиг возможно, ибо «нет таких языков, для которых совсем ничего нельзя сделать». Э. Хобсбаум делает акцент на том, что «мы больше не живем исключительно в культуре чтения и письма», что благодаря современным коммуникационным технологиям, «чтобы вывести язык из дома и с улицы в широкий мир, его больше не нужно делать официальным», а потому «языки меньшинств можно поддерживать без серьезных затрат» (Хобсбаум, 2005:55).

Действительно, сегодня появились небывалые прежде возможности для создания независимых экстерриториальных языковых сообществ, для распространения через «всемирную паутину» художественной продукции на любых языках. Авторы могут делать свои тексты достоянием публики, не прибегая к дорогостоящим услугам редакторов и издателей. Любой желающий изучать тот или иной язык может найти с помощью все того же интернета его носителя, с которым сможет виртуально общаться, получить доступ к различным учебникам, аудио- и видеокурсам. Теле- и радиовещание на языке не требует его непрременной стандартизации, а присутствие в эфире разных локальных вариантов, как показывает опыт Корсики, способствует не только лучшему взаимопониманию между использующими многочисленные варианты этого «полиномичного языка», но и сглаживанию различий между вариантами (Ф. Пестей). Другими словами, теперь радеющим за судьбу миноритарных языков нет необходимости ждать разрешения от государства, они могут активно взять эту судьбу в свои руки, в частности, отвоевывая виртуальное пространство для создания языковой среды.

Обнадеживает и тот факт, что интерес к языкам меньшинств выходит за рамки «этнических» сообществ. Сегодня корсиканский, бретонский, окситанский, не говоря уже о баскском и каталонском языках нередко учат дети и взрослые, не имеющие соответствующих «корней». Курсы бретонского действуют не только на территории Нижней Бретани, где этот язык прежде был разговорным, но и в Верхней Бретани, где традиционно говорили на другом региональном языке – галло, и в Париже, и даже в Москве и Нью-Йорке. В Париже есть и школа, где дети изучают бретонский язык. Она совсем не похожа на «этнокультурные школы», которые мне приходилось посещать в Москве. Большинство ее учеников – дети иммигрантов из разных стран и «коренные» парижане. В понимании преподавателя бретонского языка, молодого энтузиаста, самостоятельно мастерящего учебные пособия, поскольку готовых пока не хватает, его задача – не «научить маленьких бретонцев их «родному» языку», а увлечь школьников самого разного происхождения этим языком, доказав, что он может быть интересен сам по себе, как одна из форм мировосприятия и самовыражения. Отмеченная тенденция свидетельствует о стремлении, осознанном или нет, «разорвать» связь между языком и идентичностью. В ситуации, когда языковой сдвиг зашел слишком далеко, когда межпоколенная передача языка прервана, когда стареющее поколение «спонтанных» носителей языка не замеща-

ется молодежью, остается уповать на тех, кто осознает важность сохранения культурного наследия человечества, или на тех, кто готов изучать незнакомый и редкий язык в качестве интеллектуальной гимнастики. А это значит, что язык не должен восприниматься как признак «национальности» – как это имеет место в России.

Интересно понаблюдать за языковым поведением мигрантов и их детей (см. статьи М. Бюр и А. Филон). Языки мигрантов, напомним, не находятся под защитой Европейской хартии и не имеют никакого официального статуса. Преподавание их (там, где оно ведется) организуют ассоциации или частные лица из числа самих мигрантских меньшинств. Для речевых практик мигрантов характерно не столько двуязычие, сколько языковой «микс» (Blommaert, 2013), постоянное переключение с одной системы языковых кодов на другую – в зависимости от темы разговора, собеседника, обстоятельств речевого контакта. Осознавая практическую необходимость овладения языком страны, в которой они оказались, мигранты, в то же время, не отказываются полностью от родного языка, используя его в семье или с друзьями, выражая на нем эмоции и ощущения. Происходит взаимопроникновение языков, возникают их гибридные формы. Но что-то похожее происходит сегодня и с региональными языками. Не будучи в состоянии поддерживать на них разговор на любые темы, современные горожане могут вставлять в речь слова или фразы, обмениваться репликами, шутить. Одна из моих информанток, родом с Мартиники, живущая сейчас в Бретани, призналась, что когда они с сестрами хотят как следует посмеяться, они переходят на креольский язык, хотя в повседневной жизни говорят по-французски: такое «переключение» на родной язык придает общению особую теплоту, сердечность и интимность.

Уже цитировавшийся выше Дж. Фишман напоминает о том, что «многоязычные общества с двумя, тремя, четырьмя и даже большим числом языков, используемых в различных целях (светских и религиозных, современных и традиционных), рассеяны по всему земному шару и прекрасно существуют веками и даже тысячелетиями» (Фишман, 2005:138). Так есть ли необходимость добиваться распространения языков, оказавшихся в ситуации меньшинства, на все сферы жизни общества? Или же стоит согласиться с тем, что «в нашем распоряжении сегодня имеются не равноценные, а взаимодополняющие языки, независимо от наличия или отсутствия у них официального статуса» (Хобсбаум, 2005:57)?

И, наконец, последний вопрос. В чем причина стремления объединенной Европы заставить национальные государства защищать языки меньшинств, оказавшиеся в уязвимом положении именно в результате строительства и утверждения национальных государств как универсальной формы политического устройства? Языки, многие из которых подвергались сознательному искоренению во имя безраздельного господства национальных языков? Вспомним П. Бурдьё: «Узнаваемый и признаваемый (в большей или меньшей степени) на всем пространстве, подчиняющемся определенной политической власти, язык, со своей стороны, помогает укреплению той самой власти, которая его насаждает: он обеспечивает между всеми членами «языкового сообщества (...) минимум коммуникативных связей, без которого невозможны ни экономическое производство, ни символическое господство» (Бурдьё, 2005). Не приведет ли «реабилитация» региональных языков к ослаблению позиций языков национальных, а вкупе с политикой децентрализации, повышения автономного статуса европейских регионов и установления прямых экономических и культурных связей между ними – и к ослаблению самих национальных государств? Случайно ли принятие Европейской хартии произошло вскоре после заключения Маастиртских соглашений – нового этапа экономической интеграции Евросоюза – и введения единой валюты? Фактический отказ от языкового равноправия стран-членов в деятельности общеевропейских институтов (технически вполне объяснимый и даже неизбежный в связи с расширением сообщества), все большее распространение английского как международного языка коммуникации, вытесняющего в некоторых странах национальные языки, по меньшей мере, в сфере бизнеса и науки, – не свидетельствует ли все это о превращении последнего в новый легитимный язык, подчиняющийся новой наднациональной политической власти и способствующий ее укреплению, насаждая новое «унифицированное мышление», основанное на неолиберальной идеологии (Hagège, 2012)? Речь идет о том, чтобы «утвердить новый дискурс власти, новый политический словарь со своими терминами и понятиями, со своими адресатами и ориентирами, со своими метафорами и эвфемизмами, – дискурс и словарь, за которыми стоит своя картина социального мира, связанная с новыми интересами новых групп» (Бурдьё, 2005).

Уже сегодня многим во Франции кажется, что французский язык из национального и даже интернационального превращается в «язык меньшинства», нуждающийся в законодательной защите от агрессивного натиска английского. Эту роль выполняют, в частности, вто-

рая статья действующей Конституции, добавленная в 1992 году и провозглашающая французский единственным языком Республики, и принятый в 1994 году закон Тубона об обязательном использовании французского языка. И несмотря на это, сегодня не только некоторые частные фирмы требуют от своих сотрудников составлять документы и участвовать в совещаниях на английском языке, но и в государственных научных институтах выше ценятся статьи, опубликованные на английском языке, чем на французском.

Нам в России тоже не стоит недооценивать ситуацию. Хотя запретительными мерами делу не поможешь, и иностранные языки, безусловно, учить необходимо, но и русский язык нуждается в бережном к себе отношении. Не стоит забывать: судьба языка зависит от количества и качества его носителей.

Библиография

- АЛОС И ФОНТ, 2013 – Алос и Фонт Э. Этноязыковая ситуация в городах Чувашской Республики: социологический аспект// Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сборник статей / сост. и науч. ред. А.В. Кузнецов. – Вып. 2. – Чебоксары: ЧГИГН. – 2013. – С. 265-293
- АЛПАТОВ, 2005 – Алпатов В. Языковая ситуация в регионах современной России. «Отечественные записки», № 2 (23) 2005. С. 210-219
- БУРДЬЕ, 2005 – Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] «Отечественные записки», № 2 (23) 2005. <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka>. Дата обращения: 1 сентября 2013
- ФИШМАН, 2005 – Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни «Логос», № 4 (49) 2005. С. 132-140
- ХОБСБАУМ, 2005 – Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность. «Логос», № 4 (49) 2005. С. 49-59
- BLOMMAERT, 2013 – Blommaert, J. *Language and the study of diversity*. Tilburg papers in culture studies. Paper 74, September 2013. 14 p.
- HAGÈGE, 2012 – Hagège C. *Contre la pensée unique*. Paris, Odile Jacob, 2012
- LE DÛ, LE BERRE, 1987 – «Contacts de Langues en Bretagne». *Travaux du Cercle Linguistique de Nice*, 9, 1987, /paru en juillet 1988/, pp. 11-33
- LE DÛ, 2009 – Le Dû, J. Can a language be “saved”? The case of Breton. Marja Kallmaa, Vilja Ijan eds, *Kodukeela ja keele kodu – Home language and the home of a language*, Eesti Keele Sihtasutus, Tallinn, 2009, 77-89.
- LEFÈVRE M., MARTINETTI J. Géopolitique de la Corse. Editions Armand Colin, 2007. 260 p.

ПРИНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ОТВЕРГНУТЬ? **К вопросу о ратификации Европейской Хартии** **региональных языков или языков меньшинств в России**

С.В. Соколовский

Целью статьи является рассмотрение последствий принятия Хартии региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия) в государствах, ее ратифицировавших, и оценка проблем, с которыми может столкнуться Россия, эту Хартию подписавшая, но ее пока не ратифицировавшая. Основными источниками, использованными при подготовке статьи, стали периодические отчеты государств-участников Хартии, комментарии экспертов Совета Европы, рекомендации Комитета министров Совета Европы, а также опыт участия автора в конференциях, семинарах и рабочих группах экспертов, проводимых представительством Европейского Союза в России и Министерством регионального развития Российской Федерации.

Хартия представляет собой международный договор с весьма сложной структурой, объектами попечения и защиты которого являются не граждане, меньшинства или их языковые права, но именно *языки*. Этот документ относится к так называемым *документам обязательств*, а не к документам, гарантирующим соблюдение прав, поскольку государства-участники принимают на себя по выбору набор обязательств (систему пунктов или параграфов Хартии) для защиты недоминирующих или менее используемых языков, на которых говорят граждане этих государств; при этом в отношении каждого из таких языков и даже каждой из территорий, на которых они распространены, можно создавать уникальные наборы обязательств из конкретных пунктов и норм Хартии.

В основу механизма выполнения обязательств по Хартии, помимо уже упомянутой периодической отчетности и заключений Комитета экспертов Совета Европы, положена идея постоянного совершенствования системы обязательств, нацеленных на постепенное развитие языков и обеспечение языковых прав граждан государств-участников. По мере прохождения новых циклов отчетности и решения очередных задач управления языковым многообразием практически у каждого из государств-участников появлялись новые задачи и цели, под защитой Хартии оказывались новые, прежде неучтенные языковые сообщества, и число языковых единиц, подпадающих под защиту Хартии, постоянно росло. Как это следует из комментариев к *Таблице 1*, вопреки утверждению, что Хартия защищает только языки, а не диалекты (в Ст.1 Хартии приводится определение: «региональных языков или языков меньшинств» с оговоркой, что «они не включают в себя ни диалекты государственного языка /языков/ этого Государства, ни языки мигрантов»), в перечне защищаемых языков оказалось немало диалектов, поэтому различные эксперты по-разному подсчитывают количество защищаемых Хартией «языковых единиц». Помимо 24 стран, ратифицировавших Хартию и представивших ратификационные грамоты, девять государств, подписавших Хартию (Азербайджан – в 2001 году, Босния и Герцеговина – в 2005 году, Исландия – в 1999 году, Италия – в 2000 году, Македония – в 1996 году, Мальта – в 1992 году, Молдова – в 2002 году, Россия – в 2001 году и Франция – в 1999 году), до сих пор не ратифицировали ее, и еще 14 стран-членов Совета Европы (Албания, Андорра, Бельгия, Болгария, Грузия, Греция, Ирландия, Латвия, Литва, Монако, Португалия, Сан-Марино, Турция и Эстония) не подписывали Хартии.

Риски, связанные с ратификацией

Возможные риски ратификации Россией Хартии можно объединить в пять проблемных областей. Первой из таких областей является российский *диапазон*, или *масштаб языкового разнообразия*, беспрецедентный в границах зарубежной Европы. Если руководствоваться лингвистическими, а не политическими критериями, то языковое многообразие охватываемых Хартией 24 государств исчерпывается 46 языками, причем 29 из них являются государственными либо в странах-участниках Хартии, либо в соседних государствах. Государственные языки обладают развитой и исторически сложившейся ин-

фраструктурой обеспечения языковых прав и языкового развития, и их существованию, строго говоря, ничто не угрожает. В то же время некоторые вымирающие языки, число носителей которых, по оценкам лингвистов, уже сегодня составляет менее 1000 чел. (как, например, истророманский или истриотский в Хорватии), по каким-то причинам оказались за рамками действия защитных норм Хартии. Число языковых сообществ в России втрое, а то и вчетверо превосходит число языков во всех до сих пор ратифицировавших Хартию государствах вместе взятых. При этом подавляющее большинство языков не являются государственными ни в России, ни за ее пределами, а стало быть, и не располагают развитой инфраструктурной обеспеченностью (ни в стране, ни за ее пределами нет готовых учебников и словарей, которые можно ввезти, экспертов, которых можно пригласить для переподготовки учителей, а в отдельных случаях – нет и письменности и, стало быть, литературной традиции и развитых отраслевых тезаурусов). Уровень затрат по поддержке таких языков будет заведомо более высоким, чем для официальных старописьменных языков, не говоря уже о языках, которые используются соседними государствами в качестве государственных или официальных. Читатель легко обнаружит значительное число именно государственных языков, оказавшихся под защитой Хартии, разработчики которой всегда подчеркивали и продолжают подчеркивать, что она защищает именно языковое многообразие, а не языковые права, и нацелена прежде всего на сохранение исчезающих языков или языков, находящихся под угрозой исчезновения. Это противоречие между провозглашаемыми принципами и практикой применения, как мы убедимся, оказывается не случайным, а вытекает из самого характера документа.

Масштаб языкового разнообразия имеет и пространственный, т.е. *территориальный аспект*. Россия по своей площади превосходит почти втрое площадь зарубежной Европы, что создает существенные трудности при сборе социолингвистической информации, мониторинге потребностей в области языковых прав, а также многократно повышает расходы на исследования. Сложность административно-территориального деления страны и неполнота информации относительно характера расселения носителей языков и их потребностей в дошкольном и школьном образовании усложняет исследовательскую и мониторинговую стороны имплементации. Даже инвентаризация правовых норм, действующих в сферах языка и образования на уровне субъектов федерации, становится самостоятельной и требующей значительных усилий задачей, поскольку речь идет о тысячах

законодательных актов. Без информации на уровне муниципальных образований и выработки адекватных моделей защиты каждого из языков представляется невозможным планирование образования и определение потребностей в обучении языку или на языке. Перечень берущихся под защиту Хартии языков обязательно должен быть снабжен подробным перечнем территорий их распространения, а сами модели защиты адаптированы к особенностям расселения и уровню потребностей населения в конкретных условиях бытования языковых сообществ, то есть на уровне районов и отдельных поселений. Это означает, что ратификационный документ в случае России будет иметь сложную структуру, опирающуюся не на одну-две, а на, как минимум, пять-шесть моделей, дифференцированных в зависимости от уровня развития языков, характера пространственно-территориального распространения их носителей и реальных потребностей в обучении конкретным языкам у населения.

Все перечисленное делает очевидной значимость *экономических проблем* имплементации. Без специального исследования экспертные оценки финансовых рисков имплементации Хартии в России могут быть сегодня только сугубо предварительными. Особенно затратной станет поддержка в рамках механизма Хартии т.н. младо- и новописьменных языков (в России таких языков 20)¹, или языков с прерванной и относительно недавно возобновленной традицией письменности (8 языков), а также бесписьменных языков, которых, по данным российских социолингвистов, только в Дагестане более двадцати (Письменные языки..., XVII-XX). Большинство языков этой группы (за исключением эвенского), которую я предлагаю условно называть языками с неразвитой или слабой инфраструктурой поддержки, не используются в качестве языка обучения в школьном образовании. Бесписьменные языки, если и преподаются в школах, то лишь факультативно. Только на двух из 26 бесписьменных языков, исследованных лингвистами (негидальском и орокском), существуют программы радиовещания; остальные бесписьменные языки в СМИ не используются. Именно языки этой группы нуждаются в первоочередной поддержке и защите, однако такая защита требует и наибольших финансовых затрат. В случае России инфраструктурно слабых языков, как минимум, вдвое больше чем во всех 24 странах,

---

¹ Уместно еще раз напомнить, что перечень языков оказавшихся под защитой Хартии, на сегодняшний день включает лишь 19 негосударственных языков во всех европейских государствах, ратифицировавших хартию, суммарно.

ратифицировавших Хартию, вместе взятых. Следовательно, и уровень затрат в России будет на порядок выше, чем в любой другой ратифицировавшей Хартию стране.

Таблица 1. Сроки вступления в силу Европейской Хартии, поступления отчетов и перечни защищаемых языков (по состоянию на ноябрь 2009 г.)

Страны и даты вступления	Отчеты	Защищаемые языки
Австрия 28.06.2001	2003, 2007	венгерский, словенский, хорватский Бургенланда, цыганский язык австрийских цыган, чешский
Армения 25.01.2002	2003, 2008	ассирийский, греческий, езидский, курдский, русский
Великобритания 27.01.2001	2002, 2005, 2009	валлийский, гэльский, ирландский, шотландский (включая шотландский Ольстера)
Венгрия 16.03.1999	1999, 2002, 2005, 2009	немецкий, румынский, сербский, словацкий, словенский, хорватский, цыганский (беас)
Германия 16.09.1998	2000, 2004, 2007	датский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, нижне-немецкий, сатерландский (старовосточнофризский), северофризский, цыганский немецких синти и рома**
Дания 08.09.2000	2002, 2006	немецкий Южной Ютландии
Испания 09.04.2001	2002, 2007	арагонский*, астурийский*, аранский [диалект окситанского], баскский [эускари], галисийский, каталанский (включая валенсийский), португальский
Кипр 26.08.2002	2005, 2008	армянский, арабский маронитской общины Кипра
Лихтенштейн 18.11.1997	1999, 2002, 2005, 2008	–
Люксембург 08.04.2005	2007	–
Нидерланды 02.05.1996	1999, 2003, 2007	фризский; нижнесаксонский, лимбургский, идиш**, цыганские языки**
Норвегия 10.11.1993	1999, 2002, 2005	саамский, квенский [диалект финского], цыганские**
Польша 12.02.2009	–	армянский, белорусский, идиш**, караимский, кашубский, лемковский, литовский, немецкий, рус-

Страны и даты вступления	Отчеты	Защищаемые языки
		ский, словацкий, татарский, украинский, чешский, цыганский**
Румыния 29.01.2008	–	албанский, армянский, болгарский, венгерский, греческий, идиш, итальянский, немецкий, македонский, польский, русинский, русский, сербский, словацкий, татарский, турецкий, украинский, хорватский, цыганский, чешский
Сербия 15.02.2006	2007	албанский, боснийский, болгарский, венгерский, румынский, русинский, словацкий, украинский, хорватский, цыганский
Словакия 05.09.2001	2003, 2008	
Словения 04.10.2000	2002, 2005, 2009	венгерский, итальянский, цыганский
Украина 19.09.2005	2007	белорусский, болгарский, венгерский, гагаузский, греческий, идиш, крымскотатарский, молдавский, немецкий, польский, румынский, русский, словацкий
Финляндия 09.11.1994	1999, 2002, 2006	русский**, саамский, татарский**, цыганский**, шведский
Хорватия 05.11.1997	1999, 2003, 2006	итальянский, венгерский, русинский, сербский, словацкий, украинский, чешский
Черногория 15.02.2006	2007	албанский, цыганский
Чехия 15.11.2006	2008	немецкий, польский, словацкий, цыганский
Швейцария 23.12.1997	1999, 2002, 2006	итальянский, ретороманский [романшский]
Швеция 09.02.2000	2001, 2004, 2007	идиш**, саамский, торнедалский [диалект финского], цыганский**

* неофициальные языки; ** нетерриториальные языки

В странах, ратифицировавших Хартию, поддерживается 60 языковых единиц (считая диалекты), или 46 языков, причем более половины из них являются государственными языками соседних стран: албанский, арабский [вкл. *арабский кипрских маронитов*], арагонский, аранский, армянский, ассирийский, астурийский, баскский (*эускари*), белорусский, болгарский, валлийский, венгерский, гагаузский, галисийский, греческий, гэльский (Шотландия и о-в Мэн), датский, езидский, идиш, ирландский, итальянский, караимский, каталанский [вкл. *валенсийский*], крымскотатарский, курдский,

литовский, лужицкий [вкл. *верхне-* и *нижнелужицкий*], македонский, немецкий [вкл. *нижненемецкий* и *нижнесаксонский*], польский [вкл. *кашубский*], португальский, ретороманский (или *романи*), румынский [вкл. *молдавский*], русский, саамский, сербскохорватский [вкл. *боснийский*, *сербский*, *хорватский* и *хорватский Бургенланда*], словацкий, словенский, татарский, турецкий, украинский [вкл. *лемковский* и *русинский*], финский [вкл. *квенский* и *торнедальский*], фризский [вкл. *северофризский* и *сатерландский* или *старовосточнофризский*], цыганские языки (*романи чиб* и *беас*), чешский, шведский.

Для сравнения можно взять британский опыт, согласно которому поддержка трех языков с весьма развитой инфраструктурой составила 50 млн. фунтов стерлингов, или 55 млн. евро в год. Если считать, что поддержка новописьменных и бесписьменных языков будет обходиться вдвое дороже, чем инфраструктурно сильных, то на поддержку каждого из сильных языков потребуется около 18 млн., а слабых – 36 млн. евро ежегодно. В России 34 официальных языка (включая 11 дагестанских²) имеют статус государственных на территориях соответствующих республик, однако далеко не все из них можно считать инфраструктурно сильными. Так, например, агульский, рутульский и цахурский следует отнести к новописьменным языкам, получившим письменность лишь в 1990-е годы (цахурский является языком с возобновленной письменной традицией). Еще на 19 языках преподавание в средней школе не ведется (они преподаются лишь как предмет). Таким образом, 22 языка с относительно развитой инфраструктурой, обеспечивающей их эффективное функционирование в важнейших коммуникативных сферах, должны получить в качестве субсидий около 400 млн. евро на свои развитие и поддержку. Остальные 12 языков из числа официальных или государственных потребуют для своего функционального развития значи-

---

² В это число не включены также являющиеся государственными языками Дагестана русский, чеченский и азербайджанский, поскольку русский язык относится к доминирующим государственным языкам и не может защищаться нормами Хартии по ее условиям; чеченский уже учтен как государственный для территории Чечни (и чтобы избежать двойного счета языковых единиц не посчитан и как государственный язык Дагестана), а азербайджанский, подобно другим распространенным на территории России языкам, являющимся государственными в соседних странах (например, армянскому) обычно не включается лингвистами в категорию “языки Российской Федерации”. Последнее не означает, что такие языковые сообщества будут исключены из ратификационного перечня российским правительством (скорее всего, они будут включены).

тельно больших затрат – около 430 млн. евро. 28 младо- и новописанных языков (т.е. получивших письменность в 1920-30-е или 1990-е годы) потребуют уже более 1 млрд. евро. Это превосходит стоимость финансовой поддержки всей системы образования в стране.

Возможность появления новых социальных *конфликтов*, в дополнение к уже существующим, в связи с внедрением новых обязательств является еще одной группой рисков или проблем, которая должна обсуждаться при подготовке к имплементации Хартии. В странах с высокой языковой мозаичностью и сложностью языковых ситуаций существует опасность появления языковых конфликтов и даже т.н. школьных войн, возникающих в ходе «языковой экспансии» языков, объявленных государственными (Письменные языки..., XXII). Мы знакомы с такими конфликтами, латентными и открытыми, на примерах Молдовы и стран Балтии, не ратифицировавших Хартию как раз из-за наличия этих проблем.

По существу конфликтной стала ратификация Хартии на Украине. Украинская Верховная Рада ратифицировала Хартию дважды. Первый раз это произошло 24 декабря 1999 года. Принятый тогда вариант ратификации закреплял за русским языком статус официального на большей части государства. 12 июня 2000 года закон о ратификации был отменен Конституционным судом Украины на основании «несоответствия процедуры подписания закона». Прецедент «несоответствия» был создан самим Конституционным судом: 12 июля 2000 года суд принял решение о том, что ратификационные законы должен подписывать не председатель Верховной Рады Украины, как это было определено украинским законодательством того времени, а президент. Затем решению Суда была придана обратная сила. Во второй раз после нескольких неудачных попыток Верховная Рада Украины все же ратифицировала Хартию 15 мая 2003 года, существенно сократив и урезав исходные обязательства, зафиксированные в ратификационном документе 1999 года. Согласно сведениям, приведенным в первом отчете Украины по Хартии, на поддержку русского языка было выделено 60 тыс. гривен (при численности говорящих, согласно этому же отчету, в 13, 5 млн. чел.). В то же время на поддержку, например, болгарского языка при численности говорящих в 204,6 тыс. чел. выделено 387 тыс. гривен, а крымскотатарского (численность говорящих 248,2 тыс. чел.) – 527 тыс. гривен³. Такой подход

---

³ Ukraine Initial Periodical Report [MIN-LANG/PR (2007) 6]. Strasbourg, 2 August 2007. P. 9.

бывшего украинского правительства позволил Партии регионов эффективнее мобилизовать свой электорат, пообещав ему более справедливую защиту языковых прав, и победить на президентских выборах.

В России существует несколько лингвоконтактных зон, население которых оказалось вовлеченным в конфликт националистически настроенных элит, энергично использующих среди прочих и языковые аргументы. Некоторые лидеры, заработавшие свой политический капитал на “национальном вопросе” в 1990-е годы и успевшие за последнее время его подрастратить, уже сегодня готовы использовать ратификацию Хартии для получения новых дивидендов. Ирония заключается в том, что Хартия была специально разработана с целью «уменьшить опасения правительств, которые бы негативно реагировали на все, что угрожало национальному единству или территориальной целостности государства, но которые оказались бы более открытыми для принятия существования культурного и языкового многообразия на их территориях» (Ó Riagáin, 2003:56). Сегодня некоторые международные эксперты признают, что, по крайней мере, на Украине, «Хартия сыграла совершенно иную роль» (Bowring, Antonovich, 2008:157). Чтобы она не сыграла «иную роль» в России необходимо тщательно взвесить возможные конфликтные последствия ее ратификации и провести разъяснительную работу в тех регионах, которые могут быть втянуты в подобные конфликты.

Наконец у имплементации Хартии существует еще один аспект – *внешнеполитический*. Эта последняя проблемная зона касается, строго говоря, не самой имплементации Хартии в России, но, скорее, внешнеполитических плюсов и минусов и, в частности, имиджа страны. Ратификационный инструмент должен носить исключительно прагматический и осторожный характер, а модель или меню для каждого из подпадающих под защиту Хартии языков (и соответственно – набор обязательств) должны оказаться выверенными так, чтобы минимизировать все отмеченные выше риски, одновременно создавая возможности для более эффективной защиты каждого языка. Любые ошибки в этой области повлекут нарекания и ухудшат международный имидж России. Некоторые из европейских держав, в том числе наши балтийские соседи, пока даже не подписали Хартии, не говоря о ее ратификации. Не сделали этого и такие крупные европейские государства старой демократии как Италия и Франция. Проблемы имплементации норм Хартии особенно отчетливо видны при рассмотрении конкретных случаев. Поскольку в России, помимо тюркских языков, мало представленных на территории Европы, рас-

пространены языки финно-угорской группы, встречающиеся и на территории ряда европейских государств, ратифицировавших Хартию, рассмотрим опыт применения норм Хартии именно в отношении языков этой группы.

Опыт использования Хартии для поддержки финно-угорских языков

Финно-угорские языки вплоть до середины 1950-х годов именовались также финно-венгерскими, угро-финскими, угорскими (последнее название употреблялось главным образом в XIX в.) языками (Языки мира...:7). В девяти государствах Европы из числа стран, подписавших и ратифицировавших Хартию региональных языков или языков меньшинств, поддерживаются языки или диалекты, относимые лингвистами к финно-угорской подсемье уральской языковой семьи – венгерский и финский с его диалектами – *квенским* и *торнедальским*. Венгерский язык отнесен к региональным языкам или языкам меньшинств и защищается положениями Части III Хартии в Австрии, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Украине и Хорватии, а диалекты финского языка – *квенский* и *торнедальский* – в Норвегии и Швеции, соответственно. Основными источниками для анализа этого опыта послужили 23 официальных отчета, представленных перечисленными выше государствами-членами Хартии, а также заключения Комитета экспертов и рекомендации Комитета министров Совета Европы в адрес правительств этих стран.

На официальном сайте Совета Европы цели Хартии определяются следующим образом:

«Хартия является конвенцией, разработанной для того, чтобы, с одной стороны, защищать и поддерживать региональные языки или языки меньшинств в качестве находящегося под угрозой аспекта культурного наследия Европы, и, с другой стороны, дать возможность говорящим на языке меньшинства или региональном языке использовать его в частной или общественной жизни. Ее основная цель является культурной. Она охватывает региональные языки или языки меньшинств, нетерриториальные языки и менее используемые официальные языки. <...> Под ее защиту попадают языки, традиционно используемые на территории государства, но она не охватывает те языки, которые ассоциированы с недавними миграциями, или диалекты официального языка»⁴.

⁴ http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/aboutcharter/default_en.asp.

С прагматической точки зрения важнейшим в рамках Хартии является не различие территориальных (региональных) и нетерриториальных, или официальных и неофициальных языков, но отличие между языками, включаемыми под защиту Части II и Части III Хартии, поскольку именно в отношении языков этих групп, состав которых определяется в ратификационном инструменте государства, будет наблюдаться самая существенная разница в объемах принимаемых государством обязательств. В отношении языков, включаемых в перечень Части III, государство выбирает, по меньшей мере, 35 пунктов из обязательств этой Части, распределенных между семью общественными сферами в соответствии с семью статьями этой части (Статьи 8-14 Хартии), а именно – сферами образования, судопроизводства, административного управления, средств массовой информации, культуры, экономической и социальной жизни и, наконец, трансграничных обменов. Выбор обязательств может настраиваться на соответствие конкретным и уникальным языковым ситуациям и отвечать не только положению каждого языка в отдельности, но и реальному положению одного и того же языка на различных территориях.

Для лучшего представления о функционировании механизма контроля рассмотрим его действие в конкретных случаях четырех стран, у которых есть обязательства по поддержке языков интересующей нас языковой группы – Австрии, Норвегии, Румынии и Украины.

Хартия вступила в силу на территории *Австрии* 1 октября 2001 года (Австрийская Республика подписала Хартию 5 ноября 1992 года и ратифицировала ее 28 июня 2001 года). После изучения первого отчета, представленного с некоторым опозданием в распоряжение Комитета экспертов⁵, эксперты подготовили перечень вопросов, адресуемых австрийскому правительству⁶. В декабре 2003 года делегация Комитета экспертов посетила города Вену и Клагенфурт (ав-

---

⁵ Согласно Статье 15.1 Хартии, первый отчет должен представляться в течение года с момента вступления Хартии в силу на территории ратифицировавшего ее государства, то есть в случае Австрии – до 1 октября 2002 г., тогда как отчет был завершен федеральной канцелярией Австрийской Республики 23 января 2003 г. и поступил к Генеральному Секретарю Совета Европы лишь 14 февраля 2003 г. Одновременно отчет был представлен на официальном сайте канцелярии ([http://www. bka.gv.at/volksgruppen](http://www.bka.gv.at/volksgruppen)).

⁶ Application of the Charter in Austria. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Austria. Strasbourg, 2005 [ECMRL(2005)1]. P. 4.

стрийская провинция Каринтия), где она встретила с руководителями НПО, журналистами, издателями, работниками сферы образования, представляющими интересы различных языковых сообществ, в том числе и венгерского языка в Австрии. Делегация также встретила с руководством австрийских земель Бургенланда, Каринтии, Штирии и Вены, с руководителями австрийской радиовещательной компании ORF и федеральных министерств внутренних дел, образования, науки и культуры и казначейства. Помимо этого, Комитет экспертов рассмотрел поступившую в его распоряжение дополнительную информацию от представителей различных меньшинств и австрийских НПО. После анализа итогов поездки и дополнительных материалов (включая материалы, представленные правительством Австрии в первом отчете и дополнительные материалы, представленные в ходе поездки экспертов) в соответствии со Статьей 16.4 Хартии Комитет экспертов подготовил рекомендации и перечень предложений для рассмотрения Комитетом министров Совета Европы. Отчет был принят 16 июня 2004 года. Затем, в соответствии со Статьей 16.3 Хартии, правительству Австрии было предложено прокомментировать подготовленный отчет (комментарии правительства включены в отчет в качестве приложения). Наконец, 19 января 2005 года Комитет министров Совета Европы на своем 912-м заседании принял рекомендации в адрес Австрии, которые также включены в финальный отчет процедуры мониторинга в качестве отдельного приложения.

Такова внешняя и формальная сторона процедуры мониторинга. Понятно, что в российском случае эта процедура будет сложнее, хотя бы в силу значительно большего языкового многообразия (Соколовский, Тишков, 2010:31-32). Австрийское правительство отчитывалось в применении обязательств в отношении пяти языков. В мониторинговую процедуру на первом этапе имплементации Хартии были вовлечены работники трех министерств, подготовивших в течение полутора лет серию детальных докладов о состоянии защиты языков в стране во всех основных публичных сферах. На этой основе можно приблизительно представить себе объемы работы в России, которые нужно будет выполнять в связи с принятыми по Хартии обязательствами. Чтобы с ними справиться, потребуется создание специального координирующего органа в федеральном правительстве с отделениями на уровне федеральных округов.

На территории Австрийской Республики из финно-угорских языков распространен лишь венгерский, на котором говорят жители зе-

мель Бургенланд и горда Вена. Земля Бургенланд стала частью территории Австрии лишь в 1921 году, и венгерское население, проживающее в районе нынешних границ Австрии и Венгрии, стало меньшинством. Сегодня ситуация такова, что австрийские венгры в возрасте от 30 до 60 лет плохо знают венгерский или совсем не говорят на нем, поэтому основная ставка в работе по восстановлению языка делается на молодое поколение. В Вене число венгров превышает численность венгров Бургенланда: по переписи 2001 года 10686 чел. проживают в Вене и 4704 - в городах и селах Бургенланда. Всего, по оценкам экспертов, в Австрии проживает от 20 до 30 тысяч венгров, а по данным переписи 2001 года 25884 гражданина Австрии сообщили, что они используют венгерский в своем повседневном общении⁷. В 2001/2002 учебном году в начальных школах Бургенланда венгерскому языку обучались 364 ученика, из них 118 – в двуязычных немецко-венгерских начальных школах, а 246 изучали язык как предмет, иногда в качестве факультатива. Помимо этого, еще 82 ученика изучали венгерский как предмет в средних школах первой ступени и 199 учеников – в средних школах второй ступени, из них 131 – в двуязычных школах. Наконец, еще 40 учеников обучались венгерскому на факультативной основе в профессиональных средних школах второй ступени⁸.

В соответствии со взятыми обязательствами по Части III Хартии в отношении поддержки венгерского языка в земле Бургенланд⁹, отраженными в ратификационном документе, правительство Австрии выбрало в сфере образования 10 подпунктов (8.1.a.II, b.II, c.III, d.IV, e.III, f.III, g, h, i, 2). Поскольку обязательства по каждому из подпунктов варьируют от максимальных (I) до минимальных (IV), приведенная формула означает, что в отношении дошкольного (a) и начального (b) образования австрийским правительством были взяты обязательства среднего уровня (II); в отношении среднего образования (c) – пониженные (III); среднего специального (d) – максимально низкие (IV); университетского (e) – средние (II); образования для взрослых и

---

⁷ Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. AUSTRIA. Strasbourg, 2003 [MIN-Lang/PR (2003)5]. P. 7, 9.

⁸ Ibid., p. 11.

⁹ Application of the Charter in Austria. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Austria. Strasbourg, 2005 [ECMRL(2005)1]. P. 64.

продолженного образования (f) – пониженные (Ш). Пункт h имеет отношение к обязательствам по изучению истории и культуры, связанных с данным языком, а пункт i – к учреждению координационного органа для мониторинга развития языковой ситуации и подготовки периодических отчетов; наконец, параграф 2 Статьи 8 регулирует обязательства в отношении носителей языка за пределами региона их компактного проживания.

Венгерский в Вене защищался гораздо более скромным набором обязательств: 8.1.a.IV, e.III, f.III, т.е. минимальным уровнем в сфере дошкольного образования и низким уровнем в сферах университетского и продолженного образования¹⁰. В целом, судя по ратификационному документу Австрии, венгерский язык на начальном этапе защищался минимальными обязательствами – 35 пунктами Части III.

Двуязычные школы по Закону о школах для меньшинств в Бургенланде создаются в местах компактного проживания; новая начальная школа/класс в добавление к существующим может быть открыта при наличии долгосрочных потребностей (*long-term demand*) и наличия не менее 7 учеников. Ученики таких двуязычных школ автоматически зачисляются на получение двуязычного образования независимо от их родного языка, но у родителей есть право от него отказаться. На момент инспекции в таких школах обучалось 36 учеников; кроме того венгерский как предмет изучался еще в 4 начальных школах 138 учениками (в 19 школах с 487 учениками он предлагался как факультатив). В трех средних школах первой ступени (*Hauptschulen*) венгерский как обязательный предмет изучали 77 учеников; в 9 других школах 184 ученика изучали венгерский в качестве факультатива¹¹. На момент инспекционной поездки в Бургенланде существовало лишь две средних школы второй ступени (*grammar schools*), в которых предлагалось изучение венгерского в качестве дополнительного/необязательного предмета, изучаемого на тот момент 50 учениками. Кроме того, федеральная школа в Оберварте предлагала двуязычное немецко-венгерское образование для 123 учеников. В технических училищах среднего образования венгерский как предмет изучал 161 ученик. Поскольку в Бургенланде

---

¹⁰ Ibid., p. 65.

¹¹ Application of the Charter in Austria. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Austria. Strasbourg, 2005 [ECMRL (2005)1]. P. 51.

нет университетов, местный закон не включает нормы, регулирующие двуязычное образование на этом уровне. В Вене есть Институт финно-угорских исследований и Институт перевода и интерпретации, студенты которых могут изучать венгерский. Учителя венгерского обучались, главным образом, в Венгрии, поскольку на территории Австрии в педагогической академии такой специальности не было. В Бургенланде отмечалась нехватка учителей венгерского¹², в силу чего Комитет экспертов вынес рекомендацию об организации подготовки и переподготовки таких учителей. Венгерскому обучают также в четырех начальных школах Вены.

Комитет экспертов отметил нехватку учебников и учебных материалов для учителей.¹³ Еще одно замечание касалось отсутствия частного радиовещания на венгерском на территории земли Бургенланд (существует, однако, воскресная 30-минутная программа и 5-минутная ежедневная новостная программа на венгерском на государственной региональной студии ORF). 25-минутная телепрограмма на венгерском транслируется ORF шесть раз в год. Комитет министров Совета Европы рекомендовал Австрии увеличить время радио- и телевещания на языках меньшинств, в том числе на венгерском. Эта рекомендация, сопровождаемая замечанием о необходимости увеличения финансовой поддержки прессы на языках меньшинств, повторилась и в 2009 году по результатам мониторинга после второго отчета Австрии. Необходимо отметить, что ситуация с венгерским языком в Бургенланде в целом обстоит лучше, чем, например, со словенским в Каринтии и Штирии, а положение хорватского и чешского еще слабее.

Норвегия подписала Хартию в ноябре 1992 года, ратифицировала ее в ноябре 1993 года. Хартия вступила в силу на территории страны в марте 1998 года, а первый отчет правительства был представлен в Совет Европы в мае 1999 года. Норвежские власти не публиковали отчета до его сдачи, как это предусматривается Статьей 15.2 Хартии, однако они консультировались с саамским парламентом во время его подготовки. Представители других языковых сообществ не были оповещены о подготовке отчета или его существовании вплоть до визита Комитета экспертов в июле 2000 года¹⁴

---

¹² Ibid., p. 52.

¹³ Ibid., p. 62.

¹⁴ Application of the Charter in Norway. Report of the Committee of Experts on the Charter; Report of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter Norway. Strasbourg, 2001. P. 7.

В Норвегии по обязательствам Части II Хартии из финно-угорских языков поддерживается квенский – диалект финского, число носителей которого в первом отчете не указывалось, поскольку переписные данные в отношении этой группы отсутствовали, сообщалось лишь, что число его носителей невелико¹⁵. Его официальным наименованием в Норвегии является *Kven/Finnish*. Существует дискуссия относительно признания квенского самостоятельным и отдельным от финского языком. Сами носители этого языка, по мнению экспертов, предпочитают термин *квенский (Kven)* и склонны рассматривать его как отдельный язык. У такого мнения есть основания, поскольку стандартизация финского происходила независимо и безо всякого влияния на квенский, сохранивший древние формы финского. С течением времени эти два варианта существенно разошлись. Норвежские власти, однако, продолжают рассматривать квенский и финский как единый язык, поэтому меры по его поддержке не специализированы и не дифференцированы от поддержки финского¹⁶. В отношении поддержки квенского власти Норвегии в первом отчете указали, что на поддержку центра квенского языка и культуры в 1999 году правительством было выделено 550 тыс. крон (в 1998 году – 300 тыс. крон). Новый закон об образовании предусматривает стипендию для финноязычных учеников квенского происхождения на уровне начальной и средней школы в провинциях Финнмарк и Тромсё. Университет в Тромсё предлагает обучение квенскому в течение одного семестра, а также магистерскую программу финских исследований¹⁷. Поскольку квенский защищается Частью II Хартии, а не ее Частью III (обязательствами по этой Части в Норвегии защищен лишь язык саами), в ратификационном документе нет детализированных обязательств в отношении квенского, а исходный отчет не содержит иных сведений. Согласно оценкам, в Норвегии на период 1998-99 годов было от 2 до 8 тыс. (в зависимости от используемых критериев и методов) носите-

---

¹⁵ Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 1999 [MIN-Lang/PR (99)5]. P. 3.

¹⁶ Application of the Charter in Norway. Report of the Committee of Experts on the Charter; Report of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter Norway. Strasbourg, 2001. P. 9.

¹⁷ Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 1999 [MIN-Lang/PR (99)5]. P. 4.

лей старофинского или квенского¹⁸. Комитет экспертов обратился с просьбой к властям Норвегии прояснить их позицию в диалоге с представителями квенского языкового сообщества, поскольку поддержка финского с их стороны не обязательно означает поддержки квенского как, например, в случае магистерской программы в университете Тромсё¹⁹. В отчете экспертов также отмечалось, что власти оказывают финансовую поддержку культурным программам, включая использование квенского в прессе и отчасти – на радио, однако замечают, что помимо этого квенский практически отсутствует в публичной сфере.

В своем комментарии к замечаниям экспертов норвежские власти указали на то обстоятельство, что среди носителей квенского нет единого мнения по поводу самостоятельности этого языка; мнения лингвистов также расходятся. В этой ситуации норвежское правительство воздерживается от развития поддержки квенского как отдельного языка, считая, что этот вопрос должны решить сами его носители, и не развивает программ, направленных на специфическую поддержку квенского²⁰. Текст первого отчета был разослан в организации меньшинств в августе 2001 года.

Во втором отчете Норвегии приведена оценка численности квенского меньшинства – 10-15 тыс. человек (число носителей языка – в 2-8 тыс. чел.)²¹. Квенский по-прежнему защищался лишь обязательствами по Части II Хартии. Ситуация в отношении самостоятельности квенского и его признания в качестве отличного от финского языка оставалась непроясненной. Министерство местного управления и регионального развития в 2001 году выделило на поддержку квенского языка 99 000 крон (20 тыс. – на организацию летнего языкового лагеря; 20 тыс. – на сбор сведений и публикацию о личных именах квенов; 55 тыс. – на поддержку квенского издательства). Помимо этого Норвежский Совет по делам культуры поддержал инициативу Норвежской ассоциации квенов по сбору материалов традиционной культуры. В 2000 году финансовую поддержку получило так-

---

¹⁸ Application of the Charter in Norway. Report of the Committee of Experts on the Charter; Report of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter Norway. Strasbourg, 2001. P. 8.

¹⁹ Ibid., p. 11-12.

²⁰ Ibid., p. 33.

²¹ 2nd Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2002 [MIN-Lang/PR (2002)3]. P. 5-6.

же создание документального фильма о квенах²². Было выделено финансирование для создания центра квенской культуры еще в одном муниципалитете. Радиовещательная компания *NRK Troms* выпускает еженедельно 12-минутную радиопередачу на квенском. С 1995 года выпускается квенская газета *Ruijan Kaiku*, получающая государственную поддержку (в 2003 году эта поддержка возросла со 100 до 350 тыс. крон).

Новый норвежский закон об образовании от 30 августа 1998 года предусматривает право на получение образования на финском языке на уровне начальной и средней школы в провинциях Тромс и Финнмарк при условии, что в нем нуждаются не менее трех учеников квенско-финского происхождения. Финский язык был включен в качестве второго языка в программу средней школы. Для поддержки квенского в этих провинциях была введена специальная грантовая система. Для подготовки учителей в университете Тромсё введен семестровый курс, который может быть продлен еще на один семестр для изучения литературы, культуры и истории квенов; помимо этого есть магистерская программа по финскому в университетах Тромсё и Осло и 2-3 семестровые программы в университетском колледже Финнмарка²³.

Комитет экспертов при рассмотрении второго отчета вновь отметил неопределенность проблемы соотношения квенского и финского языков²⁴. Кроме того, эксперты отметили отсутствие решительных действий со стороны властей по поддержке квенского языка, за исключением поддержки газеты и курсов в университете Тромсё. *Norske Kveners Forbund* в своем плане действий, направленном в норвежское правительство, отмечал, что хотя муниципалитеты провинций Финнмарк и Тромс имеют возможность предлагать дошкольное обучение на квенском, такие детские сады оказываются слишком дорогими, поскольку не имеют грантовой поддержки. Эксперты отметили отсутствие единого координационного органа для обеспечения конструктивного диалога между властями и представителями региональных или миноритарных языков²⁵.

---

²² Ibid., p. 13-14.

²³ Ibid., p. 17-18.

²⁴ Application of the Charter in Norway. 2nd Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Norway. Strasbourg, 2003. P. 10.

²⁵ Ibid., p. 12.

Правительство Норвегии, отвечая на замечания экспертов, отметило, что для окончательного выяснения проблемы соотношения квенского и финского оно заказало исследование профессору Стокгольмского университета. Исследование должно было ответить на вопросы: является ли квенский диалектом финского или самостоятельным языком и насколько квенский близок торнедальскому – финскому языку в Швеции (другое название – *Meänkieli*)²⁶.

В третьем периодическом отчете Норвегии, подготовленном Министерством по делам культуры и религии, помимо прежней количественной оценки квеннов упоминается еще одна финноязычная группа *скогфиннов* (*Skogfinns*), проживающая в лесной части вдоль границы со Швецией, численность которой, по оценкам, составляет несколько сотен человек. Министерство местного управления и регионального развития подготовило серию публикаций по меньшинствам, включая выпуск новостного бюллетеня, посвященного имплементации норм Хартии²⁷.

Статус квенского оставался непроясненным.²⁸ К концу сентября правительство получило от разных организаций 41 комментарий на разосланный отчет с результатами исследования и подготовило официальное Добавление к третьему периодическому отчету, которое было выслано в Страсбург²⁹. Согласно результатам исследования, существуют веские аргументы в пользу признания квенского как самостоятельного и отдельного от финского языка; в их числе – структурные отличия квенского от финского и мнение самих квеннов, считающих этот язык отдельным. Отличия квенского от торнедальского, признанного самостоятельным языком в Швеции, менее значительны, чем между квенским и литературным финским, однако в докладе отмечается, что квенский развивался в ином социокультурном контексте, в силу чего оба этих языковых варианта не могут быть объединены в один язык. В отчете по результатам научного исследования, однако, отмечалось, что ясные научные свидетельства в пользу

---

²⁶ TPR Norway 2005 – 3rd Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2005 [MIN-Lang/PR (2005)3]. P. 10.

²⁷ Ibid., p. 5-9.

²⁸ Ibid., p. 10.

²⁹ Addition to the Third Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2005. 5 pp.

того, представляет ли собой квенский язык или диалект, отсутствуют, в силу чего указывалось, что должно быть принято политическое решение.³⁰

В тексте официального Добавления также отмечалось, что квенский в соответствии с ратификационной грамотой Норвегии, защищается положениями Части II Хартии, которая фиксирует только приверженность правительства данному курсу (*commitment*), а не обязанности. Несмотря на это, норвежское правительство считает необходимым заняться разработкой языковой инфраструктуры для квенского, включая его стандартизацию, развитие нормативной грамматики, создание словарей, учебников и материалов для учителей с целью возможного его перевода в будущем под защиту Части III Хартии. В тексте этого документа также отмечалось, что признание квенского как самостоятельного языка имеет высокую символическую ценность для квенского меньшинства, в силу чего правительство Норвегии признает этот статус за квенским³¹. В 2003 году Министерство местного управления и регионального развития выделило 200 тыс. крон для публикации первого романа на квенском языке. Центр квенского языка и культуры в Порсангере получил поддержку в размере 12 млн. крон на строительство нового административного здания. Радиокompания в провинции Тромс (NRK TROMS) стала выпускать еженедельную 12-минутную программу на квенском, а квенская газета *Rujhan Kaiku* получила в 2004 году правительственную финансовую поддержку в размере 600 тыс. крон [TPR Norway 2005: 15-19]. Правительство поддержало преподавание финского в провинциях Тромс и Финнмарк; число учеников, изучающих финский, выросло с 45 в 1994 году до 1100 в 2004 году. Были введены льготы для квенцов, поступающих в университет Тромсё для изучения финского.

В четвертом периодическом отчете Норвегии сообщается, что по королевскому декрету 2005 года квенский получил официальный статус языка меньшинства и защищается положениями Части Хартии II³². В 2006 году в связи с признанием квенского как самостоятельно-

---

³⁰ Addition 2005 – Addition to the Third Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2005. P. 3.

³¹ Ibid., p. 4-5.

³² 4th Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2002 [MIN-Lang/PR (2008)6] P. 5.

го языка при поддержке правительства был организован Квенский языковой Совет (*Kainun kieliraati*); Министерство по делам культуры и церкви выделило около 3,5 млн. крон квенскому институту (*Kainun institutti*) для разработки программы по поддержке и развитию квенского. Университет Тромсё в сотрудничестве с Квенским институтом реализовал проект по созданию квенского электронного словаря. Квенское издательство (*Ruija Forlag*) разработало сайт для размещения материалов в помощь учителям квенского языка. В октябре 2006 года в Тромсё была проведена конференция по проблемам развития квенского лексического фонда³³.

В области образования была разработана программа финского как второго языка, в которую были включены элементы квенской культуры. Губернаторам провинций Тромс и Финнмарк была вменена ответственность за подготовку учителей финского/квенского. Под их эгидой университетские колледжи Тромсё и Финнмарка организовали в 2007-2008 годы семинары для учителей финского как второго языка, на которых обсуждались и квенские язык и культура. Для подготовки учителей были выпущены пять учебных пособий, разработан специальный сайт и организованы ежегодные восьмидневные курсы. В финских классах на уровне начальной и средней школы обучалось 850 учеников³⁴. Норвежское правительство через свои министерства и ведомства поддержало также ряд культурных проектов в отношении квенских языка и культуры: в 2007 году было выделено 140 тыс. крон Квенскому институту на музыкально-фольклорный проект по квенским песням; в 2006 году муниципалитет *Nordreisa* получил 200 тыс. крон на проведение конференции по квенской культуре (в 2007 году этот же муниципалитет получил 100 тыс. крон на проведение фестиваля квенской культуры); в 2008 году Квенский институт получил 50 тыс. крон для сохранения фонда диалектных записей, сделанных в 1960-70-х годах.³⁵ Таким образом, даже не-

---

³³ Ibid., p. 9.

³⁴ Ibid., pp. 9-10.

³⁵ Для оценки масштаба поддержки следует помнить, что обменный курс норвежской кроны в эти годы составлял приблизительно 8 крон за евро; согласно данным Всемирного банка, душевой доход в Норвегии в 2009 г. составлял \$86 440 (третье место в мире после Монако и Лихтенштейна); в Австрии – \$46 850 (18 место в мире); в России – \$ 9 370 (76 место из 213 государств, относительно которых Всемирный банк располагал сведениями о доходе на душу населения).

большой по числу носителей язык требует на поддержку и развитие значительных финансовых и организационных затрат.

Румыния стала членом Совета Европы в октябре 1993 года и подписала Хартию в 1995 году. Процесс подготовки к ратификации занял несколько лет. Румынское правительство отмечало, что охватить единой схемой защиты 20 языковых сообществ, имеющих очень разное положение, представлялось невозможным. Были и опасения со стороны отдельных ведомств, что расходы окажутся чрезмерно высокими³⁶. В 2002 году румынский Департамент по межэтническим отношениям провел несколько раундов переговоров с директором ОБСЕ, Советом Европы, а также с отделом по правам человека румынского МИДа и Советом по национальным меньшинствам относительно практических шагов по ратификации Хартии. В мае 2002 года был проведен специальный семинар с участием представителей секретариата Хартии и представителями Совета экспертов. В сентябре 2003 года румынская делегация представителей министерств, ответственных за подготовку к ратификации, встретилась в Страсбурге с экспертами Совета Европы. Было принято решение о защите ряда языков нормами Части II, но в то же время эксперты отметили, что в сфере образования румынская ситуация оценивалась как очень хорошая и способная служить моделью для соседних стран³⁷. В ноябре 2007 года был принят закон о ратификации Хартии.

Румыния представила свой первый отчет 26 октября 2010 года. Согласно исходному отчету, ее правительство приняло обязательства по защите 10 языков положениями Части II Хартии и 10 языков, включая венгерский, – положениями Части III Хартии. По причине большого числа защищаемых языков первый отчет представляет собой 270-страничный том материалов, характеризующих обязательства правительства в отношении каждого из защищаемых языков и ситуации конкретных языков на конкретных территориях страны. По сложности выполнения этот отчет может рассматриваться как приближающийся к объему задач, который придется выполнять российскому правительству в случае ратификации Хартии, хотя нужно отметить, что России придется защищать лишь Частью III Хартии от 30 до 40 языков, и как минимум вдвое больше – обязательствами по Части II.

---

³⁶ Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2010 [MIN-Lang/PR (2010)11] P. 12.

³⁷ Ibid., p. 14.

В соответствии со взятыми обязательствами по Части III Хартии в отношении поддержки венгерского языка, отраженными в ратификационном документе, правительство Румынии выбрало в сфере образования 10 подпунктов, отражающих максимальный уровень защиты для этого языка: 8.1.a.I, b.I, c.I, d.I, e.I, f.I, g, h, i, 2., что неудивительно, поскольку и до ратификации Хартии венгерский имел очень сильные позиции и был представлен на всех уровнях образования, включая высшее. Венгерский язык на территории Румынии защищен также нормами двустороннего договора 1996 года между Румынией и Венгрией.

Румынский закон о местном самоуправлении содержит норму (ст. 19), в соответствии с которой в территориально-административных единицах, где граждане, принадлежащие к национальным меньшинствам, составляют не менее 20% населения, местные власти и подчиненные им публичные институты, согласно конституции, законам страны и ее международным обязательствам обеспечивают услуги на родном языке³⁸. 20%-ная ограничительная квота содержится и в других законах, относящихся к правам меньшинств. Право на обучение на родном языке для меньшинств гарантируется конституцией (ст. 32.3), однако статья содержит отсылку к законодательству в отношении путей и форм реализации этого права. Законом об образовании от 1995 года закреплена похожая норма (ст. 118), в которой гарантируется право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, «изучать и обучаться на своем родном языке на всех уровнях и во всех формах и типах образования, на которые есть достаточный спрос, определяемый законом»³⁹.

В соответствии с обязательствами по Хартии венгерский язык защищается в 18 коммунах (уездах) и муниципиях (городах), включая Бухарест и Клуж, на территориях которых проживает около 1,4 млн. венгров. Согласно данным переписи 2002 года, венгерский в качестве родного языка назвали 1 397 906 чел. (по данным этой же переписи в стране проживало 1 434 377 венгров). Это самая крупная лингвистическая общность в стране после румынской. Численность венгров с момента предыдущей переписи 1992 года сократилась на 190,6 тыс. чел. Около 53% венгров относились к городскому населению. В некоторых уездах венгры составляют более 80% населения.

---

³⁸ Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. NORWAY. Strasbourg, 2010 [MIN-Lang/PR (2010)11] P. 6.

³⁹ Ibid., p. 8.

Доля назвавших венгерский язык родным в общей численности населения страны, однако, сокращается – с 11,7% в 1992 году до 6,7% в 2002 году. Согласно румынскому закону об образовании, обучение румынскому языку на уровне школьного образования является обязательным для всех учащихся независимо от их национальности.

В 2007-2008 учебном году работало 1003 учреждения дошкольного образования с обучением венгерскому. Детсады с венгерским языком посещала 41 тыс. детей; в шести заведениях начального образования венгерскому обучалось 47,6 тыс. детей⁴⁰. В этот же период в 531 гимназии и 398 гимназических отделениях венгерскому обучалось 44 697 учеников. Высшее образование получало 31 559 студентов, а дополнительное и послеуниверситетское образование – 8 870 и 1 102 чел. соответственно. Лишь дошкольное образование сохранило уровень 2005-2006 годов, на остальных уровнях отмечалось 4-5% сокращение численности обучающихся на венгерском; сократилось и число учителей.

Обучение на венгерском на университетском уровне было введено в университете г. Клужа в 2000-2001 учебном году, а также в медицинском и театральном университетах г. Таргу-Муреш. На двух факультетах Клужского университета (реформированной теологии и римско-католической теологии) обучение проводится исключительно на венгерском языке⁴¹.

Учебные заведения, в которых венгерский был введен по инициативе румынских властей, получили скромную финансовую поддержку от правительства (в среднем 15-17 тыс. новых румынских леев, или 4-5 тысяч евро на все учебные заведения этого типа ежегодно). В профессиональных школах и техникумах на венгерском обучалось 21,3 тыс. студентов; во многих муниципиях такое обучение не было введено, поскольку в них не нашлось более 10 учащихся – законодательно установленной пороговой численности желающих обучаться на венгерском.

В целом можно отметить, что в силу значительной доли венгров (6,6%), сконцентрированных в трансильванской части страны по границам с Венгрией и Украиной, наличие двустороннего договора с Венгрией, традиционно сильным политическим положением венгерского меньшинства и эффективно работающими институтами самоуправления венгерский язык занимает сильные позиции, которые укрепляются за счет трансграничных контактов. Низкий уровень фи-

---

⁴⁰ Ibid., p. 150-151.

⁴¹ Ibid., p. 151-157.

нансовой поддержки со стороны правительства не сдерживает развитие языка в сфере образования, поскольку для поддержки венгерского используются иные источники финансирования – поддержка Венгрии, Европейского Союза и частный капитал.

Опыт *Украины* особенно важен для России, поскольку это государство, как и Россия, имеет многомиллионные языковые сообщества, использующие негосударственный язык, а также историю и государственное устройство, близкие к российским. Ратификационная грамота поступила в Совет Европы в сентябре 2005 года, и договор вступил в силу на территории Украины с 1 января 2006 года. Текст Хартии на украинском языке был размещен на сайте Верховной Рады, однако из-за неверной интерпретации Хартии и ошибок перевода Комитет экспертов обратился к украинским властям с просьбой сделать новый перевод⁴². Украинские власти также сообщили Комитету экспертов, что украинский закон о ратификации будет пересмотрен, и представили проект нового закона, который, однако, на момент написания экспертами отчета еще не был принят. Начальный отчет Украины по имплементации норм Хартии поступил в Совет Европы 1 августа 2007 года. До этого отчет был опубликован на украинском языке Министерством юстиции в апреле 2007 года.

В ратификационной ноте Украины для защиты Частью III Хартии было названо 13 языков (их перечень представлен ниже в *Таблице 1*), существенно отличающихся друг от друга как по уровню существующей защиты, так и по степени развития и присутствия в основных публичных сферах. Это обстоятельство также сближает ситуацию Украины с российской, хотя в случае России разнообразие языковых ситуаций и диапазон развития языков оказываются существенно большими, как и число языковых единиц, подпадающих под защиту обеих частей Хартии при принятии решения о ее ратификации. Бюджет Украины предусматривает выделение адресной поддержки в рамках выполнения Хартии, направленной на развитие конкретных языков, однако уровни такой поддержки чрезвычайно неодинаковы (см. ниже *Таблицу 2*) и сами выделяемые средства были недостаточны для проведения эффективной политики, что было отмечено Комитетом экспертов в их докладе⁴³.

---

⁴² Application of the Charter in Ukraine. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Ukraine. Strasbourg, 2010. P. 4.

⁴³ Ibid., p. 94.

Таблица 2. Государственная финансовая поддержка языковых сообществ на Украине

Язык	число носителей, тыс. чел.	гос. поддержка, тыс. гривен	в перерасчете на 1 чел., гривен
болгарский	204,6	387,0	1,9
белорусский	275,8	0,0	0,0
гагаузский	31,9	0,0	0,0
греческий	91,5	118,3	1,3
еврейский [идиш]	103,6	394,0	3,8
крымско-татарский	248,2	527,0	2,1
молдавский	258,6	20,0	0,1
немецкий	33,3	25,0	0,8
польский	14,4	339,4	23,6
русский	13500,0	60,0	0,004
румынский	151,0	745,0	4,9
словацкий	6,4	0,0	0,0
венгерский	156,6	124,3	0,8
Итого	15075,9	2740	0,18

Источник: Initial Periodical Report presented to the Secretary General of the Council of Europe in accordance with Article 15 of the Charter. Strasbourg, 2007 [MIN-Lang/PR (2007)6]. P.: 9. Расчет размера субсидирования на 1 чел. и общей суммы финансирования добавлен автором статьи; курс гривны к евро в 2007 году составлял в среднем около 6,7 гривны за 1 евро, т.е. на поддержку всех языков правительственный бюджет предусматривал выделение около 409 тыс. евро.

В ходе инспекционной поездки эксперты отметили, что, учитывая языковые компетенции населения страны, требуется также публикация отчета на русском языке. В своем отчете, подготовленном на основе собранных в поездке материалов, исходного государственного отчета по Хартии, комментариев, присланных на замечания экспертов, и других источников, эксперты отметили, что ратификация Хартии и имплементация ее норм имели в случае Украины особо сложный характер⁴⁴. Эксперты указали на сложность языковой ситуации на

⁴⁴ Application of the Charter in Ukraine. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Ukraine. Strasbourg, 2010. P. 94.

Украине, подчеркнув, что в отношении ряда языков принятые обязательства по Хартии оказались ниже, чем существующее положение этих языков, что недопустимо, поскольку нарушает положение, зафиксированное в Статье 4.2 Хартии (это наблюдение экспертов было повторено в заключении Комитета министров Совета Европы⁴⁵).

В отчете экспертов также отмечалось, что крымские татары не были оповещены о появлении украинского исходного отчета по Хартии и не были с ним ознакомлены⁴⁶; армянский, чешский, цыганский, татарский, караимский и крымчакский языки были оставлены за рамками защиты Хартии⁴⁷. Эксперты отметили также несоответствие языкового законодательства современной ситуации в стране: закон о языке был принят в 1989 году; все обсуждавшиеся в украинской Верховной Раде законопроекты, касающиеся языковой политики, были отвергнуты; Концепция языковой политики, опубликованная в апреле 2008 года, была принята без консультаций с носителями региональных языков или языков меньшинств. Эксперты отметили также необоснованное сокращение часов преподавания русского языка в системе украинского школьного образования, в то время как число часов, выделяемых на преподавание украинского, неуклонно росло⁴⁸.

Из числа финно-угорских языков на Украине представлен венгерский. Согласно отчету, в стране проживает 156,6 тыс. венгров, подавляющее большинство которых (151,5 тыс. чел., или 96,8%) сосредоточено в Закарпатье. 95,4% украинских венгров считают своим родным языком венгерский, на основании чего украинские власти считают, что именно венгры среди прочих меньшинств Украины характеризуются наиболее высоким уровнем сохранения родного языка⁴⁹. В Закарпатской обл. на момент написания Украиной исходного отчета действовало 68 дошкольных учреждений с венгерским языком, которые посещали 2856 детей. В 71 школе венгерский использовался как язык обучения; кроме того, действовало еще 27 двуязычных школ. Во всех этих школах на венгерском обучалось 6528 учеников; еще 329 учеников изучали венгерский как предмет. В целом венгерский язык как предмет изучался 11608 учениками (665 учени-

---

⁴⁵ Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Ukraine. Strasbourg, 2010. Para.7.

⁴⁶ Ibid., p 4.

⁴⁷ Ibid., p. 94.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ukraine Initial Periodical Report [MIN-LANG/PR (2007) 6]. Strasbourg, 2 August 2007. P. 8.

ков изучали его как обязательный предмет и 521 – факультативно). В г. Берегове есть профтехучилище с обучением на венгерском, в котором обучаются 170 чел. На уровне высшего образования венгерский язык изучается в Ужгородском национальном университете, Львовско-Мукачевском учительском институте гуманитарных наук и в медучилище г. Берегове Закарпатской обл. В Мукачевском сельхозучилище были открыты группы с обучением на венгерском языке. Учреждения образования для взрослых и продолжающегося образования на венгерском отсутствуют, однако в Ужгородском национальном университете, Львовско-Мукачевском учительском институте гуманитарных наук, в Закарпатском институте переквалификации учителей и в Закарпатском венгерском институте им. Ференца Ракоци существуют курсы переподготовки учителей венгерского. Венгерские история, культура и традиции изучаются на факультативах в общих и воскресных школах⁵⁰.

В декабре 2007 года Министерство образования Украины приняло решение о проведении всех школьных выпускных экзаменов на уровне средней школы и вступительных экзаменов в учреждения высшего образования исключительно на украинском языке, в том числе и для учеников и студентов, обучавшихся на региональных языках или языках меньшинств. Реализация этого приказа было отложена на два года. В своем исходном отчете украинские власти отмечают, что в Ужгородском университете выпускникам венгерских школ разрешено сдавать экзамены на родном языке; в университете есть кафедра венгерского языка и литературы и центр хунгарологии⁵¹. Эксперты Совета Европы отмечают, что требование сдавать экзамены на украинском языке может заставить родителей переводить детей или изначально отдавать их в украинские школы, что повредит будущему поставленных Хартией под защиту языков⁵². Помимо этого, эксперты отмечают общую нехватку материалов для учителей и институтов подготовки учителей в отношении многих языков.

В сфере управления в соответствии с украинским законодательством любой другой язык, кроме украинского, может использоваться лишь в том случае, когда меньшинство является в рамках данной ад-

---

⁵⁰ Ibid., p. 30.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Application of the Charter in Ukraine. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the application of the Charter by Ukraine. Strasbourg, 2010. P. 94.

министративной территории большинством. Эксперты отмечают, что такой высокий порог (выше 50%) не установлен ни одним из европейских государств-членов Хартии. Кроме того, они обращают внимание на то обстоятельство, что в самих местных администрациях отмечается нехватка специалистов с необходимой языковой компетенцией⁵³.

Украинское законодательство устанавливает высокую и постоянно растущую квоту использования украинского в средствах массовой информации: 75% с 2005 года, 80% с 2009 года и 85% с 2010 года. Это нарушает уже упомянутую выше норму Статьи 4.2 Хартии, в соответствии с которой ратификация Хартии не может приводить к понижению положения и статуса защищаемых ею языков. Комитет министров Совета Европы в связи с этим вынес рекомендацию, в соответствии с которой украинским властям предлагается сделать так, «чтобы квоты, налагаемые на радио- и телевидение, а также требования о дублировании, субтитрах и синхронизации иностранных фильмов на украинском языке не причиняли ущерба трансляции радио- и телепрограмм на региональных языках или языках меньшинств и не препятствовали распространению медиа-продуктов и фильмов на этих языках»⁵⁴.

Эксперты пришли к ряду довольно суровых и неприятных для Украины заключений: государственная поддержка культурных центров практически отсутствует; в отчете нет сведений о поддержке языков в ряде важных сфер социальной и экономической жизни; практически отсутствует поддержка белорусского языка в сфере образования. В отношении венгерского языка экспертами отмечено его удовлетворительное положение в сфере образования (однако сделано замечание, что имеющиеся меры неадекватно отражают реальное положение этого языка, и что в его отношении была бы уместна более амбициозная политика; аналогичное замечание сделано и в отношении положения русского языка в системе образования Украины). Эксперты обратили внимание и на то обстоятельство, что венгерский не используется в судах и экономической жизни, что нарушает нормы статей 9 и 13 Хартии⁵⁵.

---

⁵³ Ibid., p. 95.

⁵⁴ Recommendation of the Committee of Ministers on the application of the European Charter for Regional or Minority Languages by Ukraine, adopted on 7 July 2010 [RecChL(2010)6], para. 4.

⁵⁵ Application of the Charter in Ukraine. Initial Monitoring Cycle: Report of the Committee of Experts on the Charter; Recommendation of the Committee of

Заключение

Сложность языкового состава и существующие диспропорции в развитии языков в России заставляют примерять европейский опыт имплементации Хартии со многими оговорками. Сложность административно-территориального деления страны и неполнота информации относительно характера расселения носителей того или иного языка, а также их потребностей в дошкольном и школьном образовании усложняют исследовательскую и мониторинговую стороны имплементации. Сбор и обработка значительных объемов информации о положении языков в различных регионах страны требуют квалифицированного администрирования, создания специального органа, координирующего эту работу, и значительно больший объем административных расходов, нежели те, которые несут страны, поддерживающие 5-10 языков. Следует также учесть, что заложенный в Хартии механизм наращивания обязательств будет содействовать языковой фрагментации гражданского сообщества в целом (ни в одной из стран Европы языковые сообщества не имеют такой численности и размеров административных территорий, как в России), что станет со временем влиять на внутреннюю безопасность (например, работу экстренных служб и силовых структур).

Рассмотренный опыт Норвегии демонстрирует и остроту такой проблемы, как выяснение статуса языковой единицы: в России существует значительное число языков-диалектов, в отношении которых возникнут те же проблемы, что и при обсуждении статуса квенского в Норвегии. Необходимо выделить в отдельную группу языки, действительно находящиеся под угрозой исчезновения (инфраструктурно слабые языки), и проанализировать, какой комплекс обязательств в их отношении способно взять на себя российское правительство.

По сути уникальным является и политико-административное устройство России – т.н. асимметричный федерализм, создающий возможность (иногда, к несчастью, реализуемую) для ущемления языковых прав носителей доминирующего языка. В ряде республик уже сегодня школьники, желающие получать такую же подготовку по русскому языку и литературе, как и их сверстники за пределами республик, не могут реализовать своего конституционного права на выбор языка обучения и воспитания: школьные администрации под

давлением республиканских министерств используют образовательные стандарты, по сути, навязывающие против желания учеников и родителей нелицензированные и плохо выстроенные программы обучения республиканским государственным языкам, которым отводится столько же часов обучения, сколько и русскому языку. В результате выпускники школ не знают в должном объеме ни русского, ни, например, башкирского, татарского или якутского. Введение Хартии лишь усугубит положение ориентированного на обучение на русском и русскому населению, поскольку механизм Хартии предполагает постоянное наращивание часов обучения и сфер применения всех языков, кроме государственного.

Примеры Румынии и Украины демонстрируют, прежде всего, важность и необходимость точного расчета экономических затрат на первой и последующих стадиях имплементации Хартии и политическую остроту проблем, связанных с имплементацией норм Хартии. Просчеты в этой области оборачиваются потерями для имиджа страны. Гарантом исполнения обязательств по Хартии является центральное правительство, то есть в случае Российской Федерации – ее федеральное правительство. Неисполнение обязательств на местах неминуемо повлечет за собой рост напряженности между федеральным центром и республиками.

Библиография

- Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М.: Academia, 2000
- СОКОЛОВСКИЙ С.В., ТИШКОВ В.А. (ред.) *Европейская языковая Хартия и Россия*. Москва, 2010. 95 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии, Вып. 218)
- Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993
- BOWRING B., ANTONOVICH M. «Ukraine's long and winding road to the European Charter for Regional or Minority Languages». *The European Charter for Regional or Minority Languages: Legal Challenges and Opportunities*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2008. P. 157-182
- Ó RIAGÁIN D., 2003. «The Charter: An Overview». In: Grin F. *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. Basingstoke: Palgrave MacMillan

ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ В ПОВОЛЖЬЕ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

О.Н. Подлесных

Эксперты статистического комитета ООН утверждают, что важнейшим источником сведений о положении языков остаются переписи населения. Это утверждение бесспорно в плане критики источников для оценки языковых ситуаций в мире в целом, однако оно требует уточнений и оговорок применительно к контекстам конкретных государств и их переписных программ. В Российской Федерации перепись на сегодняшний день представляет собой, по существу, единственный массовый и официальный источник статистических сведений о распространении языков, однако при используемой методике учета владения языками у различных групп населения она не предоставляет вполне достоверной информации о языковых ситуациях. Если рассматривать переписную статистику в отношении языков в контексте решений о выборе мер языковой поддержки, то эти сведения в случае конкретных российских переписей населения оказываются неполными, фрагментарными и в некоторых случаях не вполне надежными.

Попытаемся оценить, в какой мере данные о языках, содержащиеся в последних российских переписях населения, пригодны для реализации программ поддержки и развития языков, в том числе и при возможной ратификации Россией Европейской языковой Хартии. Поскольку в рамках одной статьи решить эту задачу применительно ко всей стране невозможно, мы остановимся на одном, но для российской языковой политики весьма важном регионе – Поволжье, а точнее – тех субъектах федерации в его составе, которые имеют статус республик: Башкирии, Марий Эл, Мордовии, Татарстане, Удмуртии и Чувашии.

Обсуждение языковой ситуации и, уже, ситуации с языковыми правами в республиках Поволжья по ряду причин остается актуальным. Здесь можно назвать не только причины правового характера, вытекающие из международных обязательств России по соблюдению языко-

вых стандартов в связи с ее членством в Совете Европы и ОБСЕ и ратификацией соответствующих международных конвенций. Выбор региона обусловлен также новейшей историей движений за языковые права и требований в этой области, которые в наиболее категоричной форме ставились и, отчасти, продолжают ставиться именно лидерами тюркоязычных и финно-угорских языковых сообществ этого региона. Относительно недавние дискуссии по поводу реформы татарского алфавита в Татарстане и положения татароязычного населения в Башкортостане, а также дискуссии вокруг проекта принятого в мае 2003 года закона «О языках в Чувашской Республике», подтверждают важность изучения ситуации с языковыми правами в республиках Поволжья.

Статья основана на данных трех последних переписей населения. Напомним, как менялась методика сбора, обработки и публикации данных и, в частности, формулировка вопросов языкового блока переписной анкеты.

Все три переписи проводились путем опроса по месту фактического проживания граждан. Опрос и запись ответов в переписные листы осуществлялись специально подготовленными работниками-счётчиками. Сведения записывались со слов опрашиваемых без требования документов, подтверждающих правильность ответов.

Языковая программа переписи 1989 года состояла из одного вопроса («Родной язык») и инструкции («Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете»). На фиксацию ответов в анкете отводилось две строки.

Рисунок 1. Поле владения языками из переписной анкеты Всесоюзной переписи населения 1989 года

Языковой блок переписи 2002 года, как, впрочем, и программа переписи в целом, отличался от всех предыдущих советских переписей. Впервые был введен вопрос о владении государственным языком в формулировке: "Владеете ли Вы русским языком?" с полями для вариантов ответа (да/нет). Переписной бланк содержал еще один вопрос о языковой компетенции: "Какими иными языка-

ми Вы владеете?", причем для ответов было предусмотрено три поля. Таким образом, человек мог в принципе зафиксировать владение четырьмя (а для того, у кого родной – русский, то и пятью) языками. В соответствии с инструкцией вопрос о родном языке задавался устно (бланк переписи его не содержал, однако первое поле вопроса 9.2 "Какими иными языками Вы владеете?" было отведено именно для ответа о родном языке). Общий контекст вроде бы предполагал и выяснение языковой компетенции, однако сама формулировка вопроса в инструкции для переписчиков ("Ваш родной язык", вместо, например, "Владеете ли Вы языком своей национальности?" или "Пользуетесь ли Вы языком своей национальности?") не позволяла различать языковую идентичность и языковую компетенцию. Ситуация существенно осложнялась и тем обстоятельством, что не во все регионы страны инструктивные материалы поступили вовремя и, следовательно, время на обучение переписчиков в отдельных случаях было упущено. Нагрузка на одного переписчика в крупных городах была такова, что инструкция не соблюдалась, и вопрос о родном языке нередко не задавался, поскольку его не было в бланках, и переписчик, даже если он знал инструкцию, должен был помнить о том, чтобы его задать. Все это сделало данные о владении родным языком/языковой идентичности не слишком надежными (см. *Табл. 1* и *Рис. 2*).

Языковая программа переписи 2010 года отличалась от переписи 2002 года незначительно и суммирована в полях *Табл. 1* (см. ниже).

Таблица 1. Формулировки вопроса о языке в переписях

Год	Формулировка вопроса	Указания к составлению ответов
1989	9. Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеет	Записывается название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Родной язык может не совпадать с национальностью. Если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым он лучше владеет или которым обычно пользуется в семье. Родной язык детей, еще не умеющих говорить, и других малолетних детей определяется родителями. Если родители затрудняются определить родной язык ребенка, следует записать язык, на котором обычно разговаривают

Год	Формулировка вопроса	Указания к составлению ответов
		<p>в семье. Родным языком глухонемых считается язык, на котором они читают и пишут, либо которым пользуется их семья или лица, с кем они непосредственно общаются. После записи родного языка в верхней строке лицам, свободно владеющим другим языком народов СССР, т.е. умеющим читать, писать и свободно разговаривать или только свободно разговаривать на этом языке, записывается название этого языка (русский, украинский, казахский, латышский и т.п.). Если опрашиваемый, кроме родного, свободно владеет двумя или более языками народов СССР, то следует записать только тот из них, которым он лучше владеет.</p>
2002	<p>9.1. Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (три поля для ответов)</p>	<p>Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Вопрос "Какими иными языками Вы владеете"? В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка. Первый прямоугольник предназначен для записи родного языка опрашиваемого. Для этого необходимо опрашиваемому задать вопрос: "Ваш родной язык?". Если опрашиваемый называет родным языком русский язык, то в вопросе 9.2 он не записывается, но внизу переписного листа в зоне "Резерв" обязательно проставляется первая метка. Если помимо русского языка опрашиваемый владеет иными языками, то в трех прямоугольниках записывается название этих языков. Если родным языком является не русский язык, то в первом прямоугольнике записывается название родного языка. В остальных двух прямоугольниках записывается название иных языков, которыми владеет опрашиваемый. Если опрашиваемый владеет большим числом иных языков, чем предусмотрено прямоугольников для их записи, то запишите языки по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать, какие языки записать, то при записи предпочтение от-</p>

Год	Формулировка вопроса	Указания к составлению ответов
		<p>дается языкам народов России и языкам коренных народов государств – участников СНГ. При этом, если опрашиваемый живет на территории республики (автономной области, округа), то среди языков народов России предпочтение отдается государственному языку данной территории. Запишите слово "нет" в каждую строку тем, кто не владеет иными языками, а также детям, еще не умеющим говорить.</p>
2010	<p>9.1. Владеете ли Вы русским языком? (метка да/нет) 9.2. Какими иными языками Вы владеете? (три поля для ответов) 9.3. Ваш родной язык</p>	<p>Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только разговаривать на данном языке. Данный раздел заполняется независимо от возраста опрашиваемых. Владение языками и родной язык для малолетних детей определяют родители. В случае, когда дети не умеют говорить, владение языками определяется тем, на каком языке с ними разговаривают родители (и другие члены домохозяйства).</p> <p>Вопрос 9.1. Вопрос выясняет владение государственным языком Российской Федерации – русским языком. В зависимости от ответа опрашиваемого необходимо проставить одну из меток: «да» или «нет».</p> <p>Вопрос 9.2. Если человек называет более трех языков, то следует записать любые три из них по выбору опрашиваемого. В каждом прямоугольнике записывается название только одного языка, которым владеет опрашиваемый. Всего в данном вопросе можно записать не более трех ответов. В ответе на вопрос 9.2 нельзя записывать русский язык.</p> <p>Вопрос 9.3. В специальном поле нужно записывать название только одного языка, который опрашиваемый считает родным. Если человек называет более одного родного языка, то записывается один язык по выбору опрашиваемого. Если опрашиваемый затрудняется выбрать родной язык, то предпочтение отдается тому языку, который опрашиваемый хотя бы немного помнит.</p>

Сведения переписей населения о владении и пользовании языками традиционно использовались при оценке языковой ситуации и разработки программ языковой поддержки, или, в общем случае, для формулирования целей и задач языковой политики. Перепись, проведенная в октябре 2002 года, представила заслуживающие внимания сведения о владении языками, однако технология ее проведения, как уже говорилось выше, создает значительные трудности для их анализа. На это обстоятельство уже обращали внимание многие исследователи, в том числе и специалисты Института этнологии и антропологии РАН, в частности, В.А. Тишков и М.Н. Губогло.

Суть этих трудностей усматривается в том, что анкета переписи 2002 года (см. *Рис.1*), в отличие от всех предыдущих отечественных переписей, не содержала вопроса о родном языке. Напомню, что в переписях 1897, 1926, 1939, 1959 годов этот вопрос звучал в формулировке «Родной язык», а в переписях 1970, 1979 и 1989 годов эта же формулировка дополнялась формулой: «Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете»¹.

Рисунок 2. Блок вопросов о владении языками переписной анкеты Всероссийской переписи населения 2002 года

The image shows a section of a questionnaire titled "9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ" (9. Владение языками). It contains two main questions:

9.1 Владете ли Вы русским языком? (Do you speak Russian?) with radio buttons for "да" (yes) and "нет" (no).

9.2 Какими иными языками Вы владеете? (Which other languages do you speak?). This question is followed by three horizontal text input fields, each with three small square checkboxes to its right, likely for indicating the level of proficiency.

¹ Подробные сведения о численности языковых сообществ в каждой из рассматриваемых республик приведены в Табл.1-12 Приложения.

Мотивом для исключения вопроса о родном языке разработчиками анкеты стала, как это можно понять из свидетельств одного из главных ее авторов – В.А. Тишкова², попытка устранения путаницы между данными о владении языком и языковой идентификации, с неизбежностью возникающей при анализе ответов на вопрос о родном языке (зачастую остается неизвестным, что имел в виду человек, называя какой-либо язык родным – тот язык, которым он лучше всего владеет, или тот, которым он может и вовсе не владеть, но который считает своим родным в связи с национальной принадлежностью). Перепись могла бы дать необходимые сведения о владении языками, дву- и трехязычии, столь важные для оценки языковой ситуации, если бы не брошюра с инструкциями для переписчиков, в которой указывалось, что вопрос о родном языке все же следует задавать, записывая ответ в случае русского языка в пункт 9.1, а в случае иного языка – в первую строку пункта 9.2. Если бы переписчики неукоснительно соблюдали эту инструкцию, то данные новой переписи, хотя и не решили бы старой проблемы различения языковой идентичности от сведений о владении языком, то все же позволили бы на основе полной преемственности с прежними переписями проводить сравнительно-исторический анализ и делать более или менее обоснованные оценки динамики языковой ситуации. Однако мониторинг переписи, проведенный группой экспертов в рамках международного проекта в 20 субъектах РФ, в котором я принимала участие, работая в качестве инструктора на переписном участке, обнаружил, что даже в Москве (не говоря уже о других регионах, куда инструктивные брошюры поступили позже или не поступили вовсе, а значит, и времени на обучение переписчиков по этим инструкциям практически не было) далеко не все переписчики, согласно инструкции, задавали отсутствующий в анкете вопрос о родном языке. В итоге получилось так, что проконтролировать или обнаружить по заполненным анкетам, задавался ли вопрос о родном языке, или переписчик, следуя исключительно анкете, спрашивал только о владении русским и иными языками, оказалось невозможным. Точнее, этого нельзя определить относительно тех, для кого родным был любой язык, кроме русского. В случае если родным являлся русский язык, согласно инструкции, помимо того, что отмечался вариант ответа «Да», переписчиками вносилась дополнительная отметка внизу анкеты на специальном рабочем поле. Иными словами, для той сово-

---

² Тишков В.А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 161. М., 2003. С. 25-35.

купности переписанного населения, у которой родным языком был русский и которой во время опроса задавался вопрос о родном языке, сведения о владении и языковой идентификации можно разделить. Относительно иных языков такое разделение оказывается невозможным. Сопоставление полученных в переписи 2002 года сведений с данными прежних переписей становится проблематичным. Полученные итоги нельзя трактовать ни как сведения о владении языками (часть переписчиков все же задавала вопрос о родном языке, следуя инструкции), ни как сведения о языковой идентификации. То есть те, кто пожелает проанализировать языковую информацию по итогам переписи, не смогут разделить сведения о владении языками в языковых сообществах от сведений о владении языками в сообществах этнических. Остается единственный выход – рассматривать в отношении каждого конкретного случая два сценария: 1) вопрос о родном языке задавался, и ответы были занесены в анкету в полном соответствии с инструкцией; 2) вопрос о родном языке не задавался; были заданы лишь вопросы 9.1 и 9.2 о владении русским и иными языками.

Методические неточности, допущенные в инструктивных материалах переписи 2002 года, предполагалось устранить в переписи, прошедшей октябре 2010 года, обсуждение программы которой началось еще в 2007 году. Вопросы о языке необходимо было сформулировать таким образом, чтобы отразить реальное распространение языков на территории РФ, а не языковую компетенцию (владение, степень которого остается крайне неопределенной) или языковую идентичность.

Эксперты Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН, работавшие по поручению Росстата над языковой программой переписи 2010 года, на совместном заседании в феврале 2007 года предложили следующие формулировки вопросов: "Говорите ли вы по-русски? (да/нет)"; "На каком языке вы впервые начали говорить в детстве?" (две строки); "Какие языки вы используете в настоящее время?" (три строки)³. По их мнению, такая формулировка вопросов (использование глаголов "*говорить*" и "*использовать*", а не "*владеть*" или "*знать*") позволила бы избежать отражения в результатах предстоящей переписи владения иностранными языками в объемах школьной программы и предоставила бы более надежные сведения о реальном распространении языков в языковых сообществах России, в том числе и о распространении различных типов

---

³ Рекомендации совместной рабочей группы Института русского языка РАН и Института этнологии и антропологии РАН по формулированию вопросов о языке в переписи 2010 г. Москва, 20 февраля 2007 г. (электронный архив ИЭА РАН).

дву- и трехязычия. Нарушение графика финансирования подготовки переписи 2010 года привело, однако, к свертыванию разработки новой анкеты и подготовки соответствующего программного обеспечения, в результате чего языковой блок переписи 2010 года был изменен лишь минимально: за счет введения в анкету вопроса о родном языке.

В результате такого возврата к прежней программе в новой переписи были воспроизведены все отмеченные выше недостатки вопроса с формулировкой «владения языками». Несколько более точные оценки языковых ситуаций можно будет получить лишь при анализе переписной статистики на уровне районов, где появляется возможность привязки сведений о владении языками к районам компактного проживания меньшинств. Помимо этого, дополнительные и весьма важные сведения могут быть получены из Росстата, если для исследователей станут доступными не только суммарные данные о владении языками, но и построчные сведения по порядку называния языков (напомню еще раз, что в графе «Какими иными языками Вы владеете?» были три строки для заполнения, и порядок ответов в анкетах мог бы дать исследователям интересный материал для размышления – см. *Рис. 3*).

Рисунок 3. Фрагмент переписной анкеты Всероссийской переписи населения 2010 года (блок вопросов о владении языками)

9 ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКАМИ	
9.1 Владеете ли Вы русским языком?	
да ☐	нет ☐
9.2 Какими иными языками Вы владеете?	
<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>
<input type="text"/>	<input type="text"/>
	язык жестов ☐
9.3 Ваш родной язык	
<input type="text"/>	<input type="text"/>

Недочеты сопоставимости итогов переписей становятся очевидными при рассмотрении динамики численности языковых сообществ, рассчитанной на основе переписных итогов и представленной в Табл. 2. Например, лингвистам будет сложно объяснить межпереписные колебания в численности лиц, указавших владение башкирским и татарским в Башкирии и в регионе в целом, а также удмуртским в Удмуртии⁴. На сопоставимости результатов сказались изменения в методологии учета языковой идентичности и владения языками, о которых речь уже шла выше. Однако значимым фактором оказались и изменения в номенклатуре языковых единиц, используемой при публикации итогов переписи (это особенно очевидно в случае используемых официальных наименований для марийских и мордовских языков и их группировок).

Таблица 2. Динамика численности основных языковых сообществ на уровне республик по данным переписей 1989, 2002 и 2010 гг.

Республика	Язык	Переписи		
		1989 ¹	2002	2010
Башкортостан				
	башкирский	870988	1056871	939484
	марийские	97853	98786	81305
	мордовские	23272	19394	12153
	татарский	1058154	1396947	1067281
	чувацкий	100868	98488	75509
	удмуртский	21540	21475	19299
Марий Эл				
	марийские	292659	254771	230031*

⁴ Падение численности указавших на владение удмуртским языком в республике в 2010 г. находится в очевидном несоответствии с официальными оценками. Так, например, первый зам. министра образования и науки Удмуртии З. Суворова представила доклад, в котором сообщалось, что на данный момент (апрель 2012 г. – *О.П.*) удмуртский язык преподают (как предмет и факультативно) в 341 школе (56% от общего количества общеобразовательных школ республики). Язык изучают 20 тысяч 229 школьников (т.е. 14%). Удмуртский язык как предмет преподают в 261 школе (43%) 17 тысячам 263 учащихся (12%), факультативно – в 80 школах (13%) 2966 (2%) учащихся. За пределами республики удмуртский язык преподают в 87 школах (11.04.2012; <http://finugor.ru/node/23243>). Несмотря на все эти усилия, число людей, называющих удмуртский родным или указывающих на владение им, судя по переписным данным, резко падает.

Республика	Язык	Переписи		
		1989 ¹	2002	2010
	татарский	39905	40632	32170
	чувашский	6510	5364	3626
	удмуртский	2090	1876	н/д
	мордовский (мокшанский и эрзянский)	1104	663	н/д
	башкирский	н/д	279	н/д
Мордовия				
	мордовский (мокшанский и эрзянский)	286762	248899	232292**
	татарский	45461	43825	34292
	чувашский	973	749	н/д
	лугово-восточный марийский	н/д	123	н/д
Татарстан				
	татарский	1718842	2014517	1976023
	чувашский	120680	119802	102875
	удмуртский	21872	23286	21377
	мордовский (мокшанский и эрзянский)	23289	20797	14157***
	лугово-восточный марийский	16600	15435	14947
	башкирский	11121	11765	9819
Чувашия				
	чувашский	795508	797162	684130
	татарский	33013	39968	34101
	мордовский (мокшанский и эрзянский)	15135	12766	9618
	марийские	2684	2445	2473
Удмуртия				
	удмуртский	398168	354824	249153
	татарский	94614	89689	49437
	марийские	7883	7238	5324
	башкирский	3181	2839	н/д
	чувашский	2131	1741	н/д
	мордовский (мокшанский и эрзянский)	н/д	557	н/д

В публикации результатов переписи населения 2010 года (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, Т.4., Табл. 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации) мордовские и марийские языки обозначаются следую-

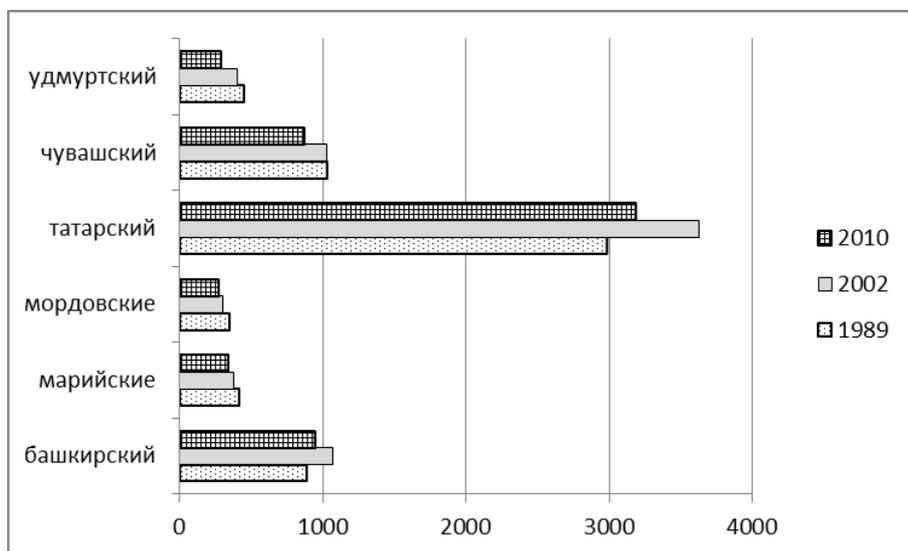
щим образом: * марийские языки в Марий Эл как *марийский* и *горно-марийский* (в Табл.2 приведена их суммарная численность); ** по Республике Мордовия *мордовский*, *эрзя-мордовский* и *мокша-мордовский* (приведена их суммарная численность); *** в данных переписи о Татарстане использовано обозначение языка как *мордовский*.

¹ План публикации итогов переписи 1989 года отличался от публикации итогов переписей 2002 и 2010 гг., в результате чего сведения о численности языковых сообществ на уровне республик сопоставимы лишь относительно (вместо сведений об общей численности носителей данного языка в столбце таблицы приведена численность людей соответствующей национальности, назвавшим родным или вторым языком язык «своей» национальности)

Таблица 3. Динамика численности языковых сообществ в регионе (на территориях республик) по данным переписей 1989, 2002 и 2010 гг.

Языки	1989	2002	2010
башкирский	885290	1071754	949303
марийские	417679	378798	334080
мордовские	349562	303076	268220
татарский	2989989	3625578	3193304
чувашский	1026670	1023306	866140
удмуртский	443670	401461	289829

Рисунок 3. Динамика численности языковых сообществ в регионе (тысяч человек) (по данным Табл. 3)

Изложенные наблюдения позволяют прийти к заключению, что переписные материалы могут использоваться для оценки языковых ситуаций лишь с известными оговорками, причем в случае каждой из переписей должны быть выработаны свои система поправок и методика оценки. Для взаимной коррекции переписных данных необходимо использовать сведения о распространении языков последних четырех-пяти переписей населения (1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 годов), поскольку они характеризуют различные поколения современного населения страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Сведения о владении языками в Башкирии по данным переписи 2002 г.¹

Указавшие владение языком:	Владеют всего	В том числе:							
		башкиры 1221302*	русские 1490715	татары 990702	чуваши 117317	марийцы 105829	мордва 26020	удмурты 22625	другие 129826
русским	3957908	1135714	1481250	955368	114001	100308	25835	20662	–
татарским	1396947	449207	21519	859748	22345	27330	919	8623	7482
башкирским	1056871	912204	14765	109799	9126	3548	323	2921	4185
чувашским	98488	1909	2400	2207	91050	331	353	12	226
лугово-восточным марийским (марийским)	95405	3126	1396	1512	164	88605	27	432	143
удмуртским	21475	1336	270	5	8	217	9	19102	38
мордовским (мокшанским и эрзянским)	19394	93	1488	144	460	17	17078	19	95
горномарийским	3381	69	46	40	4	3213	–	8	1

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 г. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (с. 25-122); таблица 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации (с. 131-175)

Таблица 2. Сведения о владении языками в Мордовии по данным переписи 2002 г.¹

Указавшие владение языком:	Владеют всего	В том числе:			
		мордва 283861*	русские 540717	татары 46261	другие 17927
русским	880399	280238	540491	45259	–
татарским	43825	237	601	42769	218
мордовским (мокшанским и эрзянским)	248899	240285	7881	352	381
башкирским	125	1	2	16	106
чувашским	749	9	27	9	704
лугово-восточным марийским (марийским)	123	2	5	1	115
мордовским (мокшанским и эрзянским)	19394	93	1488	144	95
горномарийским	3381	69	46	40	1

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

¹ Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 г. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (с. 25-122); таблица 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации (с. 131-175)

Таблица 3. Сведения о владении языками в Марий Эл по данным переписи 2002 г.¹

Указавшие владение языком:	Владеют всего	В том числе:				
		марийцы 312178*	русские 345513	татары 43377	чуваши 7418	другие 19493
русским	714795	302719	345173	41972	7394	–
татарским	40632	2997	883	36101	167	484
башкирским	279	58	5	64	2	150
чувашским	5364	377	186	97	4691	13
лугово-восточным марийским (марийским)	254108	245151	6009	2060	419	469
удмуртским	1876	82	54	29	–	1711
мордовским (мокшанским и эрзянским)	663	11	34	1	1	616
горномарийским	18056	17825	135	7	71	18

Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

¹ *Источник:* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 г. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (с. 25-122); таблица 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации (с. 131-175)

Таблица 4. Сведения о владении языками в Чувашии по данным переписи 2002 г.¹

Указавшие владение языком:	Владеют всего	В том числе:				
		чуваша 889268*	русские 348515	татары 36379	мордва 15993	другие 23599
русским	12674	8502	3479		159	
	55	76	86	32642	52	–
татарским	39968	6566	569	32507	103	223
башкирским	391	108	11	78	1	193
чувашским	79716	7632	1664			180
	2	42	7	14609	855	9
лугово-восточным марийским (марийским)	1534	267	117	9	6	113
удмуртским	244	11	12	4	1	216
мордовским (мокшанским и эрзянским)	12766	342	760	18	116	30
горномарийским	911	63	43	1	8	796

Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

¹ *Источник:* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 г. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (с. 25-122); таблица 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации (с. 131-175)

Таблица 5. Сведения о владении языками в Татарстана по данным переписи 2002 г.¹

Указавшие владение языком:	Владеют Всего	В том числе:						
		татары 2000116*	русские 1492602	чуваши 126532	удмурты 24207	мордва 23702	марийцы 18787	другие 93319
русским	3613788	1858238	1482006	119853	22416	23477	18041	–
татарским	2014517	1884442	64143	25369	9633	1387	6563	22980
башкирским	11765	3961	107	76	15	1	32	7573
чувашским	119802	6602	3111	109492	154	212	27	204
лугово-восточным марийским (марийским)	15435	837	474	34	46	10	13990	44
удмуртским	23286	1073	780	85	21157	6	115	70
мордовским (мокшанским и эрзянским)	20797	297	1454	387	5	18540	34	80
горномарийским	1226	76	34	4	1	3	1102	6

Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

¹ *Источник:* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 г. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (с. 25-122); таблица 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации (с. 131-175)

Таблица 6. Сведения о владении языками в Удмуртии по данным переписи 2002 г.¹

Указавшие владение языком:	Владеют всего	В том числе:				
		удмурты 460584*	русские 944108	татары 109218	марийцы 8985	другие 47421
русским	1556784	453243	941665	108136	8834	–
татарским	89689	3185	2422	80963	599	2520
башкирским	2839	263	59	525	41	1951
чувашским	1741	9	78	40	1	1613
лугово-восточным марийским (марийским)	6981	126	191	83	6541	40
удмуртским	354824	330801	15600	4865	307	3251
мордовским (мокшанским и эрзянским)	557	3	48	4	1	501
горномарийским	257	11	12	7	227	–

*Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

¹ Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 г. Таблица 3. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (с. 25-122); таблица 6. Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по республикам, автономной области и автономным округам Российской Федерации (с. 131-175)

Таблица 7. Сведения о владении языками в Башкирии по данным переписи 2010 г.¹

Указавшие владение языком:	В том числе:							
	башкиры 1172287*	русские 1432906	татары 1009295	чуваши 107450	марийцы 103658	мордва 203300	удмурты 21477	другие** 165044
русским	1130432	1432820	992594	106415	101126	20279	20591	93949
татарским	316606	19147	673567	14663	20582	518	7678	9894
башкирским	790383	14640	113268	5702	2608	202	963	7648
чувашским	1376	2010	1816	69218	233	249	11	392
марийским	1309	1331	1400	111	76184	13	396	456
мордовским	77	1004	106	378	18	10389	17473	93
удмуртским	641	246	567	10	198	8	14	115

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

** Число в колонке отражает ответы из двух граф: Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше) и Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность. Таб. 7 Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г. Таблица 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации (с. 162-227)

Таблица 8. Сведения о владении языками в Мордовии по данным переписи 2010 г.¹

Указавшие владение языком:	В том числе:			
	мордва 333112*	русские 443737	татары 43392	другие 11329**
русским	331318	443625	42499	8964
татарским	182	476	33342	161
мордовским	191164	4528	320	225
эрзя-мордовским	33852	315	6	3
мокша-мордовским	1584	76	2	41

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

** Число в колонке отражает ответы из двух граф: Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше) и Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность. Таб.7 Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г. Таблица 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации (с. 162-227)

Таблица 9. Сведения о владении языками в Марий Эл по данным переписи 2010 г.¹

Указавшие владение языком:	В том числе:				
	марийцы 290863*	русские 313947	татары 38357	чуваши 6025	другие 43666**
русским	285722	313874	37534	6013	19097
татарским	1568	618	29083	91	475
чувашским	207	123	50	3214	25
марийским	198072	4574	1337	272	2500
горномарийским	22424	199	7	78	297

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

** Число в колонке отражает ответы из двух граф: Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше) и Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность. Таб.7 Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г. Таблица 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации (с. 162-227)

Таблица 10. Сведения о владении языками в Чувашии по данным переписи 2010 г.¹

Указавшие владение языком:	В том числе:				
	чуваши 814750*	русские 323274	татары 34214	мордва 13014	другие 58012**
русским	797791	323057	31600	12975	18030
татарским	3669	515	29393	64	281
чувашским	656872	12741	8321	649	4246
марийским	186	141	15	–	15
мордовским	196	672	14	8637	87

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

** Число в колонке отражает ответы из двух граф: Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше) и Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность. Таб.7 Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г. Таблица 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации (с. 162-227)

Таблица 11. Сведения о владении языками в Татарстане по данным переписи 2010 г.¹

Указавшие владение языком:	В том числе:						
	татары 2012571*	русские 1501369	чуваши 116252	удмурты 23454	мордва 19156	марийцы 18848	другие 62871**
русским	1922683	1500115	113097	22543	19050	18334	56311
татарским	1860294	53669	16384	8215	846	5609	10815
башкирским	3192	142	28	12	2	20	31
чувашским	4265	2717	95437	86	120	26	90
марийским	691	517	13	31	3	13657	13
удмуртским	904	735	70	19474	6	93	38
мордовским	133	1122	190	5	12638	4	25

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

** Число в колонке отражает ответы из двух граф: Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше) и Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность. Таб. 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г. Таблица 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации (с. 162-227)

Таблица 12. Сведения о владении языками в Удмуртии по данным переписи 2010 г.¹

Указавшие владение языком:	В том числе:				
	удмурты 410584*	русские 912539	татары 98831	марийцы 8067	другие 83067**
русским	406443	912150	98145	7997	38381
татарским	2003	1696	42351	309	1611
марийским	94	181	38	4952	44
удмуртским	229203	11516	3236	266	2936

* Первая цифра в столбце под названием народа – численность в республике

** Число в колонке отражает ответы из двух граф: Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше) и Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность. Таб.7 Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации

¹ Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г. Таблица 7. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации (с. 162-227)

СИТУАЦИЯ С ЧУВАШСКИМ ЯЗЫКОМ У ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ КРУПНЫХ И СРЕДНИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Эктор Алос и Фонт

По данным переписей населения 2002 и 2010 годов количество говорящих на чувашском языке сократилось с 1 325 382 до 1 042 989 (на 21,3%) в Российской Федерации и с 797 162 до 683 508 (на 14,3%) в Чувашской Республике. Столь быстрые темпы сокращения потрясают, особенно в Чувашии, где язык объявлен государственным и уже почти 20 лет обязательно преподается почти всем школьникам республики. Также необходимо иметь в виду, что Чувашия относится к республикам, где титульная национальная группа составляет самую большую долю (после Чечни, Ингушетии и Тывы). К сожалению, давно известно, что межпоколенная передача языка очень слаба в городах. А.Н. Баскаков и О.Д. Насырова (2000: 76) сообщали, основываясь на данных переписи 1989 года, что только у 30% городских чувашей до шести лет чувашский язык был указан в качестве родного языка, и что чувашский находился в наихудшем состоянии среди 12 наблюдаемых ими тюркских языков РФ по языковой преемственности в городах (только городские долганы имели долю преемственности также ниже 50%). Фактически, уже за 30 лет до этого И.А. Андреев написал: «Во втором поколении [чувашское население, проживающее в городах], как правило, окончательно переходит на русский язык» (Андреев, 1970, 4). Показательным является заключение Андреева об этом факте: «Поэтому изучение социологического двуязычия среди городского населения особого значения не имеет» (Андреев, 1970: 4). Следует отметить, что во время публикации статьи Андреева подавляющее большинство чувашей жило в деревнях,

и, кажется, чувашская интеллигенция считала деревню неисчерпаемой житницей, вечно доставляющей новые поколения чувашеговорящих. Но с 1960-х годов ускорилось переселение из деревни в города (и часто также за пределы республики), и количество чувашей, проживающих в городах, возросло с 12% в 1959 году до 50% к 2002 году, а городское население Чувашии за тот же период увеличилось с 24 до 61%. В таких условиях будущее чувашского языка как многочисленного языка вызывает серьезные сомнения, если чувашское городское население не увеличит свою языковую лояльность.

Данная статья представляет результаты еще не завершенной работы Чувашского государственного института гуманитарных наук по изучению положения чувашского языка в Чувашской Республике, особенно в ее крупнейших населенных пунктах. Анализируются результаты опроса 1900 школьников старших классов практически всех крупных и средних населенных пунктов Чувашской Республики. Исследование ориентировано, прежде всего, на четыре аспекта: владение чувашским языком, межпоколенная передача языка, использование чувашского языка и отношение к нему. Изучается, какие факторы наиболее сильно влияют на языковой сдвиг, и до какой степени этот процесс распространяется в средних населенных пунктах Чувашии. Данная информация может помочь в создании эффективной языковой политики, нацеленной на развитие чувашского и других языков Чувашии при условии сохранения благоприятных межэтнических отношений в республике.

К сожалению, на сегодня нет точных знаний об уровне владения чувашским языком, его использовании и отношении к нему населения Чувашской Республики. Данные переписей населения 2002 и 2010 годов дают лишь количество владеющих языком в целом, по национальности и по типу населения (городского или сельского), но нет, например, таких основных показателей, как количество владеющих языками по возрасту, а также по городам и сельским поселениям.

Особенный интерес представляют молодые люди, поскольку они позволяют судить о тенденциях, распространяющиеся в обществе. Кроме того, изучение этапов формирования языковых привычек и отношения к языкам позволяет лучше понимать влияющие факторы. Следует добавить и практическое соображение, а именно возможность провести обширный опрос учащейся молодежи, главным образом школьников, без больших финансовых затрат. В то же время, жители крупных населенных пунктов являются не только большинством населения, но и референтной группой, которая служит источником формирования социальных норм и ценностных ориентаций.

Поэтому этноязыковая ситуация в крупных населенных пунктах показывает тенденцию, развивающуюся во всей республике. Не удивительно, что последние довольно обширные исследования по чувашскому языку были проведены среди городских школьников (Игнатьева и др., 2009; они же, 2010).

В 2012/13 учебном году мы провели опрос среди 1900 учащихся 65 образовательных учреждений 26 населенных пунктов. Охвачены 8 из 9 городов Чувашии (все кроме Алатыря, где доля чувашей составляет лишь 3%), все сельские районные центры и все остальные населенные пункты с населением свыше 3000 жителей. В малых городах и сельских населенных пунктах посещены все средние образовательные школы и опрошены 40% всех учащихся 10 или 11 класса. В каждой школе был проинтервьюирован представитель школы, чтобы изучить ситуацию с преподаванием чувашского и татарского языков¹. Во всех школах мы наблюдали за использованием языков, как в письменной форме, так и в общении участников образовательного и воспитательного процессов. Анкетный опрос был дополнен данными интервью и непосредственного наблюдения.

Необходимо добавить, что в представленных ниже численных результатах принимаются во внимание только ответы учащихся 10 или 11 классов, которые постоянно живут в изучаемом населенном пункте, поскольку нас интересует возможное распространение языкового сдвига из больших городов на другие населенные пункты, и ситуация в районных центрах значительно отличается от деревень вокруг. Следовательно, в анализе результатов населенные пункты разделены на 4 группы:

- Большие города (Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Шумерля), с населением 30–450 тыс., где проживает 55% населения Чувашии, в том числе 44% чувашей республики. Опрошено 657 постоянно проживающих в них человек, из которых 350 чувашей.
- Малые города (Цивильск, Козловка, Ядрин, Мариинский Посад), с населением 9–13 тыс., где проживает 3,4% населения Чувашии, в том числе 3,0% чувашей республики. Опрошено 156 постоянно проживающих в них человек, из которых 92 чуваша.
- Поселки и пригороды (Кугеси, Вурнары, Ибреси, Новые Лапсары, Урмары, Новое Атлашево, Ишлеи; далее «поселки»), поселки

---

¹ Автор хочет поблагодарить Минобразования ЧР, управления образовательных учреждений, преподавателей и учащихся, без содействия которых эта работа была бы невозможной.

городского типа и крупнейшие села в пригороде Чебоксар и Новочебоксарска с населением 3–12 тыс., где проживает 4,2% населения Чувашии, в том числе 5,1% чувашей республики. Опрошено 204 постоянно проживающих в них человека, из которых 174 чуваша.

▪ Другие райцентры с чувашским большинством (Батырево, Комсомольский, Красноармейский, Шемурша, Моргауши, Янтиково, Аликово, Красные Четаи, Яльчики; далее «чувашские райцентры»), с населением 2,5–5 тыс., где проживает 2,6% населения Чувашии, в том числе 3,3% чувашей республики. Опрошено 285 постоянно проживающих в них человек, из которых 235 чувашей.

Эти группы выделены для исследования возможных различий среди респондентов-чувашей в зависимости от типа населенного пункта. Поэтому здесь не учитываются ответы школьников с. Поречное и д. Шыгырдан, где проживает мало чувашей.

Для лучшей интерпретации количественных результатов работы необходимо рассмотреть языковую политику Чувашии и, в первую очередь, ее систему образования.

Чувашия, как практически все республики РФ, бурно участвовала в «параде суверенитетов» в начале 90-х гг (Филиппов, 2001; Шабунин, 2003; Захаров, 2004; Данилов, 2006; История Чувашии, 2009). «В целом, можно констатировать, что квинтэссенцией этнополитических и этнокультурных процессов в Чувашии конца 1980-х – начала 1990-х годов являлась этноязыковая ситуация», – пишет И. И. Бойко (2011, 503). Основными юридическими средствами для возрождения чувашского языка стали закон «О языках в Чувашской Республике», принятый в октябре 1990 года, и программа его реализации «на 1993–2000 и последующие годы», принятая в мае 1993 года. Они стремились к распространению двуязычия в администрации, образовании, публичном пространстве и вообще в обществе, иногда предлагая не совсем реалистические меры, например обязательное знание обоих государственных языков к 2000 году всеми госслужащими и работающими в сфере обслуживания граждан (ст. 3).

После избрания нового президента республики Николая Федорова в 1994 году разные законодательные инициативы изменили такие ключевые для языковой политики законы, как законы «О языках» и «Об образовании». Скорее всего, играли роль слабые демография и экономика Чувашии, которые не позволяли властям вести столь же независимую от федерального правительства политику, как, например, в соседних Татарстане и Башкортостане (Marquardt : 2012). Напомним, что Чувашия является самым маленьким субъектом Приволжского

федерального округа по площади и населению, и что ее валовой региональный продукт на душу составляет 47,6% от среднего по РФ и 64,4% от среднего по федеральному округу (по данным Росстата за 2011 год)². По этим показателям она находится на 12-ом месте среди 14 субъектов федерального округа. Для сравнения, валовой региональный продукт на душу населения Татарстана более чем в два раза превышает чувашский.

В 2002 году была разработана новая программа реализации закона «О языках», продленная до 2012 года (критический анализ программы см. Алос и Фонт : 2011). С 2013 года действует новая программа на 2013–2020 годы, которая существенно не отличается от предыдущей.

С технической точки зрения качество двух последних программ намного ниже, чем первой. Языковая политика в целом стала задачей Минобразования ЧР, и она практически ориентирована только на преподавание чувашского языка в школах. Нет ни одного госслужащего, занимающегося исключительно языковой политикой, ни, тем более, социальным продвижением чувашского (татарского, эрзянского) языка. Отсутствуют знания о международном опыте эффективных действий по возрождению языков. Критерии мониторинга эффективности программы не позволяют измерить достижение таких важных целей, как, например, «обеспечение функционального развития чувашского языка как одного из государственных языков Чувашской Республики». Бюджетные средства выделяются минимальные и направляются, главным образом, на издание школьных учебников, словарей и филологических работ. Обратим особое внимание на то, что бюджет новой программы реализации закона на 2013, 2014 и 2015 годы (ок. 730 тыс. руб. в год) уменьшился вполнину по сравнению с последними годами предыдущей программы. Кажется, что никто не предвидел заранее необходимых средств для новой программы, и ресурсы республиканского бюджета были уже распределены на другие цели во время ее редакции. Следует заметить, что с 2016 года бюджет снова достигнет уровня 2011 и 2012 годов.

Необходимо добавить, что такая административная организация не только свидетельствует о невысоком интересе республиканских властей к языковой политике, но практически делает невозможным контроль языковой политики в сферах, выходящих за рамки компетенции Минобразования. Например, согласно статье 20 закона,

---

² http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/dusha98-11.xls.

«написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных знаков и иных указателей производится на чувашском и русском языках», но эта норма не действует в подавляющем большинстве случаев даже через 20 с лишним лет после принятия закона «О языках». Не удивительно, что языковая политика Чувашии была названа «в большой степени символической» и «по сравнению с усилием в отношении языковой политики в Татарстане..., минимальной» (Marquardt, 2012 : 141–142).

Также малоразвитое гражданское общество в Чувашской Республике до сих пор не занималось активным информированием населения о ценностях двуязычия и чувашского языка с применением современных методов маркетинга и международного опыта возрождения региональных языков. Не создана сеть негосударственных образовательных учреждений с чувашским языком обучения, которая частично покрывала бы недостатки государственного образования (по модели детских садов и школ на региональных языках, например, во Франции).

Что касается образования, то согласно закону «О языках» «граждане имеют право на получение основного общего образования на родном языке и на выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» (ст. 7, п. 2). В то же время, изучение чувашского языка как государственного является обязательным для учащихся общеобразовательных учреждений и образовательных учреждений профессионального образования (ст. 7.1).

К сожалению, право граждан на выбор языка обучения и воспитания не осуществляется. Обучение и воспитание на чувашском языке не проводится ни в одной школе, ни в одном детском саду всех 9 городов Чувашии, хотя там живет большинство населения Чувашии, в том числе и половина чувашей. Преподавание на чувашском языке ведется только в деревнях, практически лишь с 1 по 4 класс (в отдельных школах по 5). В сельской местности оно пока является преобладающей формой обучения в начальных классах, хотя, по данным Минобразования, заметно ее ежегодное снижение³. Следует добавить, что в районных центрах почти всегда преподавание ведется на русском языке, и, хотя в них живет 20% сельского

---

³ Согласно данным «Форм ФСН № Д-7» 2008–2012 гг., любезно предоставленных Минобразования ЧР автору.

населения, они, по данным на 2012 год, собирают 30% сельских школьников начальных классов.

Преподавание чувашского языка как предмета проводится с 1 по 9 класс в двух формах: как родного или как неродного. В частности, преподавание как неродного «готовит питомцев... в основном к устному общению», что подразумевает меньший целевой уровень, чем преподавание иностранного языка, который готовит «к устному и письменному общению» (Андреев и Чернова, 1998, 93). По оценке автора, не более 30% школьников изучают чувашский язык как родной, в том числе меньше половины учащихся-чувашей⁴.

Следует отметить, что сами руководители Минобразования сознают низкий уровень знаний, достигнутый преподаванием чувашского языка как неродного, а потому решили, что чувашская литература в 10 и 11 классах в учреждениях, где язык не преподается как родной, будет преподаваться посредством учебников только в русском переводе. Такое решение особенно странно в некоторых районных центрах, где значительная часть учащихся говорит по-чувашски дома. В то же время, тот факт, что в старших классах не преподается чувашский язык, а только литература, наводит на мысль, что, может быть, главной целью властей является ознакомление учащихся с чувашской культурой, а не изучение языка.

Несомненно, все это свидетельствует также о недостаточной заинтересованности в преподавании чувашского языка в крупных населенных пунктах не только Минобразования ЧР, но и у управлений городских школ и многих родителей.

Положение чувашского как языка обучения только в сельских школах и только в начальных классах вредит повышению его статуса в обществе (Андреев, 1997). Этот факт усиливает и утверждает связь чувашского языка с сельской, традиционной, несовременной жизнью. В то же время школы являются ключевыми учреждениями для формирования навыков и для развития отношения к разным аспектам жизни, в том числе и к языкам. Поэтому возмущает факт, что надписи в вестибюлях, коридорах, кабинетах и т.д. в практически всех образовательных учреждениях Чувашии вы-

---

⁴ Оценка К. Замятина о 83,3% школьников чувашской национальности, изучающих чувашский язык как родной (Zamyatin, 2012 : 85), кажется преувеличенной, так как этот автор не принимает во внимание, что ни в одной из городских школ чувашский язык не преподается как родной.

полнены только на русском языке. По данным нашего исследования, школьники используют чувашский язык в общении с персоналом школы (учителя, директор, библиотекари, работники столовой) намного меньше, чем дома. Только 15% городских детей, которые говорят дома с родителями на чувашском языке, общаются на нем с учителями, включая и преподавателей чувашского языка. Реже всего (и с большим отрывом по сравнению с остальным штатом школы) школьники говорят на чувашском с директором; например, в райцентрах с чувашским большинством школьники-чуваша говорят с директором на чувашском языке в 2,5 раза реже, чем с врачом.

Школы – это не единственное пространство образовательной системы, где письменный чувашский язык почти полностью отсутствует. Он также практически отсутствует на сайтах Минобразования и школы. Кажется, что ни одна школа в Чувашии не располагает сайтом на двух государственных языках, потому что министерство не предвидело такую возможность в программных средствах, которые предлагало для создания сайтов школ.

Рассмотрение сайта Минобразования показывает и другой важный аспект: на страницах, посвященных чувашскому языку, часто помещены фотографии детей в национальных костюмах. Независимо от того, что картинки красивы, они усиливают фольклоризацию чувашского языка и чувашской культуры. Для сравнения, доля балалаек на подобных страницах для русского языка гораздо ниже.

В городских школах наблюдается похожее поведение. Чувашский язык практически полностью отсутствует на обычных школьных собраниях. Он появляется на отдельных праздниках, посвященных чувашскому языку, а также на торжественных мероприятиях в форме фольклорных концертов. В городах действия управленцев школ слишком часто наводят на мысль, что они рассматривают чувашский не как живой язык, родной для значительной части учащихся, но только как символ республики и часть протокола. Он стал таким языком, который составляет часть городского пейзажа посредством знаков на улицах, сообщений в городском транспорте, вывесок на фасадах государственных учреждений и коротких начальных приветствий политиков в публичных выступлениях. Конечно, чувашский язык постоянно слышен на улицах Чебоксар (а то, что люди перестали стесняться говорить по-чувашски в неформальных разговорах в городском публичном пространстве – это большое достижение начала 90-х годов), но он едва ли

расширил свои функции в общественных сферах по сравнению с 80-ми годами (см. Дегтярёв, 1999, 108-110; Хузангай, 1999; Иванов, 1999).

Все эти факторы приводят к тому, что дети усваивают ограниченные функции чувашского языка: не вполне уместно говорить на чувашском языке с лицами более высокого социального положения, тем более – с представителем власти; чувашский язык совсем не подходит на роль письменного языка, несущего существенную информацию в общественных местах. В том же время, такое поведение образовательного коллектива уменьшает контакт школьников с чувашским языком и, следовательно, их возможности по изучению языка. Участники образовательного процесса, в том числе учителя, персонал управления школ, представители Минобразования и другие, не смогли до сих пор преодолеть глубоко укорененные привычки, которые жестко распределяют функции между чувашским и русским языками. В результате, школы в Чувашии отказываются от своего общественного долга формировать положительные примеры и традиции сбалансированного двуязычия в обществе как для носителей русского языка, так и для носителей чувашского и других языков.

Анализ результатов опроса добавляет новые аспекты к этому описанию. В общих чертах, ответы респондентов-чувашей выявляют небольшие различия между большими городами, малыми городами и поселками, особенно между малыми городами и поселками. Ситуация в чувашских райцентрах является намного более благоприятной для чувашского языка, но наблюдаются бесспорные признаки, что процесс смены языка начался и там.

Владение чувашским языком существенно различается по национальностям. Данные переписи населения 2010 года показывают владение чувашским языком у 80,8% чувашей, 3,9% русских и 24,4% татар; данные владения языками по национальностям среди городского и сельского населения до сих пор не опубликованы, хотя известно, что есть большая разница между ними. Такое различие определяется в ответах респондентов чувашской (табл. 1) и других национальностей. В частности, доля русских респондентов из больших городов, заявивших о владении чувашским языком, не достигает 0,5%, а в других населенных пунктах 9% владеют им. Следует добавить, что также данные нашего исследования не показывают статистических различий с соответствующими данными исследований Игнатьевой и др. 2009–2010 годов среди городских школьников (Алос и Фонт, 2013б).

Таблица 1. Владение чувашским языком респондентами-чувашиами по типам населенных пунктов (в %)

	Большие города	Малые города	Поселки и пригороды	Другие райцентры с чувашским большинством
Владеют чувашским языком	41,8	43,6	43,6	72,1
Не владеют чувашским языком, но понимают его	12,8	11,3	17,0	11,5
Плохо понимают чувашский язык	45,4	45,1	39,5	16,4

Все результаты показывают очень низкий уровень владения чувашским языком. Роль школы оказывается малозначительной: например, в городах 94% респондентов, которые не говорят на нем с родственниками, оценивают свое владение чувашским языком как плохое. Особенно впечатляет, что 32% городских школьников-респондентов считают после 9 лет изучения, что они вообще не могут говорить по-чувашски, и 15% – что вообще не понимают его. Несомненно, часть школьников преуменьшает свое знание чувашского языка из-за его малого престижа и их не совсем положительного отношения к нему, но ответы, как бы то ни было, тревожат.

Анализировалась также доля респондентов-чувашей, владеющих чувашским языком, в 20 отдельных населенных пунктах. В новосозданных поселениях (Новочебоксарск, Новые Лапсары, Новое Атлашево, Заводской поселок г. Ядрин) наблюдается значительно более выраженная потеря чувашского языка, чем в старых, независимо от доли чувашей в них. Скорее всего, влияет то, что эти населенные пункты с самого начала создавались как «многонациональные», и такую мысль власти распространяли среди населения. Например, во время нашего посещения п. Новое Атлашево, поблизости от г. Новочебоксарск, нам объяснили, что там всегда обучение было на русском языке, поскольку в поселке проживают 16 национальностей. Скорее всего, это факт, но 80% участников нашего опроса назвали себя чувашиами, и это при том, что все дети от чувашско-русских браков заявляют себя русскими (что в настоящее время вообще необычно в Чувашии).

Анализировалась корреляция доли респондентов-чувашей, владеющих чувашским языком в данных населенных пунктах, с разными социально-экономическими переменными. Не удивляет, что максимальная корреляция ($r = 0,725$, $p < 0,001$) получается с объемом продукции сельского хозяйства, и что большая корреляция выявляется и со среднемесячной начисленной заработной платой ($r = -0,671$, $p = 0,001$). Более значимой является сильная корреляция с долей русских в районе ($r = -0,696$, $p < 0,001$), особенно в связи с тем, что корреляция с долей чувашей в районе значительно слабее ($r = 0,476$, $p = 0,034$). Доля русского населения играет значительно большую роль, чем доля чувашского. Скорее всего, наличие части населения, не понимающего чувашский язык, сильно влияет на отрицание чувашского языка в чувашских семьях. Этот факт показывает важность организации результативного универсального преподавания чувашского языка в школах.

Ключевым вопросом является передача чувашского языка в семьях. Вышеупомянутые исследования Игнатъевой и др. показывали низкий уровень использования его в общении детей с родителями в городах. Они продемонстрировали, что очень немногие городские родители говорят с детьми только на нем, и если вообще используют чувашский, то почти всегда вместе с русским. Например, среди участников нашего опроса не нашлось ни одного школьника, живущего в большом городе, который говорил бы только по-чувашски и с матерью, и с отцом.

Оставалось вопросом и то, до какой степени используется чувашский язык там, где опрошенные говорят дома на двух языках. Результаты нашего опроса показывают, что в подавляющем большинстве случаев чувашско-русского двуязычия с родителями дети говорят чаще всего на русском языке. В чувашских райцентрах нет такого четкого предпочтения, но большинство детей также чаще говорят на русском. В больших городах 75% респондентов-чувашей заявили, что говорят с матерью только по-русски и 95% – главным образом по-русски; в чувашских райцентрах, соответственно, 25% и 60%.

Ответы респондентов показывают, что они намного больше говорят по-чувашски с бабушками и дедушками, чем с родителями. В больших городах 19% респондентов-чувашей заявили, что говорят главным образом на чувашском языке с бабушками и дедушками, а только 1% заявили это же о родителях. В чувашских райцентрах они говорят примерно в два раза больше по-чувашски с бабушками и дедушками, чем с родителями. В то же время с братьями и сестрами го-

ворят по-чувашски значительно меньше, чем с родителями: например, в чувашских райцентрах чуваши-респонденты говорят чаще всего по-чувашски с матерью в 35% случаев, а с братьями и сестрами – в 23%.

Эти данные получают новую перспективу при сравнении языка общения респондентов с языком, который их родители используют между собой и со своими родителями. Данные показывают впечатляющий спад (табл. 2). Так, больше половины родителей чувашских респондентов в малых городах и поселках говорят чаще всего по-чувашски со своими родителями, но менее 30% этих родителей говорят главным образом на этом же языке между собой и менее 10% респондентов говорят с родителями чаще всего на нем. В менее чем одной трети семей, где родители между собой говорят чаще всего по-чувашски, они так же поступают и с детьми. Кроме этого, практически нет респондентов из малых городов и поселков, которые говорят чаще всего по-чувашски с самими близкими друзьями. Это значит, что, если ничего не изменится, в следующем поколении практически только переселенцы из деревень будут говорить дома по-чувашски в этих населенных пунктах. Данные чувашских райцентров показывают, что процесс в них отстает на одно поколение, и, если изменений не произойдет, через поколение картина в них будет, в основном, такой же, которая сегодня наблюдается в малых городах и поселках.

Таблица 2. Доля респондентов-чувашей и их родителей, общающихся главным образом на чувашском языке с другими членами семьи и самими близкими друзьями по типам населенных пунктов (в %)

	Большие города	Малые города	Поселки и пригороды	Другие райцентры с чувашским большинством
С самими близкими друзьями	0,2	0,0	0,6	16,4
С братьями и сестрами	0,0	2,8	4,0	23,1
С матерью	1,7	8,9	6,4	35,4
С отцом	0,6	8,4	7,3	38,6
Родители между собой	28,2	28,4	31,3	60,2
Мать с родителями	51,4	59,7	60,1	82,4
Отец с родителями	58,5	51,7	67,5	83,9

Следует добавить, что респонденты значительно меньше используют чувашский язык за пределами семьи, чем во внутрисемейном общении, и его письменное использование (например, в СМС или в социальных сетях Интернета) намного отстает от использования русского. Это не удивляет, так как школа действует как отрицательный пример в этих случаях.

Возникает вопрос о том, всегда ли была так слаба преемственность чувашского языка в семьях, или произошло изменение языковых навыков во время детства респондентов. 17% чувашских респондентов из больших городов, 19% из малых, 24% из поселков и 29% из чувашских райцентров заявили, что они сейчас говорят дома больше по-русски по сравнению с первыми годами жизни (об обратном изменении – о том, что они стали чаще говорить дома по-чувашски – заявляют 1,5-5% опрошенных). Бесспорно, часть ответов связана со снижением использования чувашского языка в результате расширения социальных контактов респондентов-носителей чувашского языка в детстве и отрочестве, а не со снижением его использования в рамках семьи. Несмотря на это, после детального анализа ответов городских респондентов с помощью других вопросов (язык, который впервые учили дома; где начинали учить чувашский и русский языки, и другие вопросы) считаем, что, скорее всего, не менее 20% городских детей, которые начинали использовать чувашский язык дома в детстве, затем стали использовать его реже. Кроме того, примерно 75% респондентов-чувашей, заявивших о сокращении использования чувашского языка дома, считают, что это случилось в связи с началом посещения детского сада и школы. Это вновь показывает, что школа оказывается ключевым фактором языкового сдвига в Чувашии.

Наш опрос исследовал и отношение респондентов к чувашскому и другим языкам. Часть результатов сравнивались с результатами анализа 18 языковых сообществ 6 стран (Williams : 2005) и опроса среди студентов Ирландии и Страны Басков, чей язык первичной социализации не был ни ирландским, ни, соответственно, баскским (Moriarty : 2010). Результаты показывают сильную связь с чувашским языком как символом республики, примерно на том же уровне, что и в европейских регионах, где миноритарный язык является наиболее развитым. В то же время, представление городских носителей языка о «современности» чувашского языка стоит ниже того же показателя для таких языков с небольшой государственной поддержкой, как бретонский, корсиканский, сардинский и фриульский. Скорее всего,

все это результат языковой политики, которая создала практически обязательную протокольную позицию чувашского языка в мероприятиях и отдельных общественных местах, но не занималась его внедрением в новых технологиях, в том числе в компьютерах, интернете и сотовых телефонах.

Респондентов в больших городах мы спрашивали, в какой степени представители разных профессий владеют чувашским языком. Предсказуемо были получены ответы, что говорящие по-чувашски – чаще всего лица малоквалифицированных профессий, с низкими доходами. Нам было особенно интересно понять, у каких респондентов такие стереотипы сильнее. Рассмотрены количество и величина различий в определениях по знаниям представителей данных профессий с помощью анализа среднеквадратического отклонения в определениях респондентов. Результат показывает статистически значимую разницу по национальности и по уровню владения чувашским языком: судя по всему, владение языком и прямые контакты с его носителями снижает вероятность негативных стереотипов о нем.

Чтобы иметь общее представление об отношении респондентов к чувашскому языку, был создан индекс на базе их позиций по 15 утверждениям анкеты о чувашском языке и также по тому, хотят ли они, чтобы их дети учились на нем в начальной школе. Измерялась сила связи между этим индексом и другими ответами городских респондентов. Наиболее сильная корреляция найдена с уровнем владения чувашским языком (говорение: 0,527; аудирование: 0,501). Как и предполагалось, коэффициент корреляции для национальности был значительно ниже: 0,354. Результаты показывают тесную связь между владением чувашским языком и отношением к нему и значительно меньшую – между национальностью и отношением. Это вновь показывает ключевую роль образовательной системы: если чувашский язык будут преподавать результативно, отношение к нему улучшится, школьники будут с большим интересом посещать занятия, и общество будет лучше воспринимать действия в пользу развития чувашского языка. Необходимо разорвать действующий порочный круг, который постепенно приводит к сокращению использования языка и ослаблению мнения о его ценности.

Международный опыт показывает, что возрождение чувашского языка вполне возможно. Необходимо следовать именно ему. Необходимо более активно и полно информировать население о ценности чувашского языка и пользе двуязычия, используя современные техники маркетинга; повысить результативность обучения чувашскому языку,

уделяя специальное внимание преподаванию его не носителям языка; расширить использование чувашского языка в общественных сферах и современных технологиях; развивать более сильные и привлекательные СМИ на чувашском языке; создать государственную структуру, несущую ответственность на языковую политику, с большими денежными ресурсами, чем сегодня выделяются для развития языков республики. Необходимы постепенность мероприятий и умеренность предложенных действий: для таких процессов не 10 лет нужны, как предполагали в начале 90-х годов, но десятилетия работы в пользу сохранения и развития культурного разнообразия и богатства Российской Федерации в атмосфере доверия и взаимопонимания национальных групп.

Библиография

- АЮС И ФОНТ Э. Оценка языковой политики в Чувашии // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации / ред.-сост. А.В. Кузнецов – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – С. 134-137
- АЮС И ФОНТ Э. Этноязыковая ситуация в городах Чувашской Республики: социологический аспект // Чăваш халăх историйĕпе культурин çивĕч ыйтăвĕсем = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / сост. и науч. ред. А.В. Кузнецов. Вып. 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013а. – С. 265-293
- АЮС И ФОНТ Э. Языковой сдвиг в Чебоксарах: результаты опроса старшеклассников // Культура и искусство: традиции и современность: материалы Международной очной-заочной научной практической конференции (г. Чебоксары 11–12 декабря 2012 г.) / отв. редактор Л.Г. Григорьева. – Чебоксары: ЧГИКИ, 2013б. – С. 124-133
- АНДРЕЕВ И.А. О размерах распространения двуязычия среди населения Чувашской АССР (Опыт изучения языковой ситуации современной чувашской деревни) // Ученые записки, вып. 46. – Чебоксары: НИИСМЧАССР, 1970. – С. 3-19
- АНДРЕЕВ И.А. Национальная школа, ее проблемы и перспективы развития / Халăх шкулĕ – Народная школа. 2007. № 1. – С. 1-4
- АНДРЕЕВ И.А., ЧЕРНОВА Г.П. Языковая политика Чувашской Республики в сфере образования // Современная языковая политика в образовании / под ред. В.Д. Данилов. – Чебоксары: Руссика, 1998. – С. 93-95
- БАСКАКОВ А.Н., НАСЫРОВА О.Д. Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 130-139
- БОЙКО И.И. Чувашский язык и этническая идентичность – проблемы этнокультурного и политического выбора // Антропология социальных

- перемен : сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 497-512
- ДАНИЛОВ В.Д. Очерки новейшей политической истории Чувашии. – Чебоксары: Новое время, 2006. – 152 с.
- ДЕГТЯРЁВ Г.А. Язык современного чувашского социума: основные тенденции развития // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 107-126
- ЗАХАРОВ Д.А. Национально-государственное строительство в Чувашской Республике в 1990–2000 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004. – 254 с.
- ИВАНОВ В.П. Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – 78 с.
- ИГНАТЬЕВА А.П., ВИНОГРАДОВ Ю.М., ИГНАТЬЕВА В.И. и др. Говорят ли дети по-чувашски? // Халӑх шкулӗ – Народная школа. 2009. № 4. – С. 41-44
- ИГНАТЬЕВА А.П., ВИНОГРАДОВ Ю.М., ИГНАТЬЕВА В.И. и др. Как владеют чувашским языком учащиеся городских школ // Халӑх шкулӗ – Народная школа. 2010. № 5. – С. 48-50
- История Чувашии новейшего времени. Книга II. 1945–2005 – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2009. – 398 с.
- ФИЛИППОВ В.Р. Чувашия девяностых. Этнополитический очерк. – М.: Центр цивилизац. и регион. исслед. РАН, 2001. – 250 с.
- ХУЗАНГАЙ А.П. Проблема языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального развития чувашского народа. – Чебоксары: ЧГИГН, 1999. – С. 88-106
- Чуваши: современные этнокультурные процессы. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
- ШАБУНИН Д.М. Хроника политических событий в Чувашской Республике (1989–2001 гг.) // Регионы России: Хроники и руководители. Т. 8. Саппоро, 2003
- MARQUARDT K.L. Stabilization and Symbolism: Language and Regional Politics in the Chuvash Republic // Nationalities Papers. 2012. № 1. – С. 127-147
- MORIARTY M. The Effects of Language Planning Initiatives on the Language Attitudes and Language Practices of University Students: A Comparative Study of Irish and Basque // Language Problems & Language Planning. 2010. № 2. – С. 141-157
- WILLIAMS G. Sustaining Language Diversity in Europe. Evidence from the Euromosaic Project. – New York: Palgrave, 2005. – 251 с.
- ZAMYATIN K. From Language Revival to Language Removal? The Teaching of Titular Languages in the National Republics of Post-Soviet Russia // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2012. № 2. – С. 75-102

МЕНЬШИНСТВО ВНУТРИ МЕНЬШИНСТВА: НОГАЙСКИЙ ЯЗЫК В ДАГЕСТАНЕ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

А.А. Ярлыкапов

Ногайцы – коренной народ Российской Федерации, насчитывающий по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года 103660 человек, из них 29680 горожан и 73980 сельских жителей¹. Еще несколько тысяч живут в странах СНГ. Ареал расселения ногайцев обширный: в России они проживают компактными группами на территории Республики Дагестан, Чечни, Ставропольского края, Карачаево-Черкесии, Астраханской области. Кроме России и стран СНГ, заметные группы ногайцев проживают в Румынии (Добруджа, около 30 тысяч человек), Болгарии (около 5 тысяч), а также в Турции. Численность ногайцев в Турции неизвестна, однако, по оценкам специалистов, она варьирует от нескольких сотен тысяч до миллиона человек (Ярлыкапов, 2007:4)². Такая разбросанность ногайцев объясняется тем, что их предки вели кочевой образ жизни на огромных степных пространствах от Буджака до Иртыша, с XVI века были в орбите расширяющегося Русского государства, а в XVIII-XIX вв. – между двумя соперничающими империями: Российской и Османской. Ко времени окончания Кавказской войны 1817-1864 годов но-

---

¹ См.: Национальный состав населения Российской Федерации / Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab5.xls, доступ 15.08.2013.

² Оценки так разнятся в силу того, что в Турции во время переписи не учитывается этническая принадлежность населения страны. Кроме того, нет точных данных о количестве мухаджиров – переселенцев в пределы Османской империи XVIII-XIX вв. По оценке А.И. Сикалиева (1994:6), их было более 700 тысяч.

гайцы в результате нескольких волн переселений потеряли компактный ареал расселения и оказались в большинстве своем изгнаны за пределы своей родины. Интересно, что на территории Северного Кавказа численность ногайцев даже в начале XXI века не восстановилась до численности середины XVIII века, которая по оценкам специалистов составляла 150-180 тысяч человек (Ялбулганов, 2001:34).

Оказавшись разбросанными по значительным территориям, ногайцы практически везде оказались в положении меньшинства. Этнокультурному развитию народа мешало также то, что они потеряли свою государственность³ и территорию, которую условно можно было бы называть их «метрополией». Большой урон войны, переселения и перекраивания административных границ, которые пришлось пережить ногайцам, нанесли урон также и ногайскому языку.

Ученые делят российских ногайцев на несколько этнографических групп: караногайцы, аксайско-сулакские ногайцы, ачикулакские ногайцы, кубанские, кумские и астраханские ногайцы. Кроме того, под Астраханью живет этническая группа ногайского происхождения с татарским самосознанием – юртовцы (Ярлыкапов, 2007:4).

Ногайский язык относится к кыпчакско-ногайской подгруппе северо-западной (кыпчакской) группы тюркских языков алтайской языковой семьи (Баскаков, 1997:328). Он родственен довольно развитым казахскому и каракалпакскому языкам. Родство этих языков весьма глубоко – они разделяют древнейший пласт общего фольклора: пословиц, поговорок, а также героического эпоса и песен. Общими для этих трех народов являются и корни литературы: древние поэты для всех трех народов общие (Калмыков и др., 1988:215). Ногайский язык прежде был достаточно широко распространен; в XIX – начале XX веков он даже играл на части территории Северного Кавказа роль *lingua franca*. О степени распространенности ногайского языка говорит такой красноречивый факт: моздокские осетины настолько хорошо владели ногайским языком, что у них даже были записаны образцы ногайского фольклора⁴. Ногайский язык дал зна-

---

³ Ногайцы были основным населением нескольких кочевых государств – Ногайской орды; Большой и Малой Ногайских орд и Алтыульской орды, возникших после распада Ногайской орды, и других более мелких кочевых государств, возникавших в результате распада предыдущих. Кроме того, ногайцы составляли ведущую политическую и военную силу в таких постордынских государствах, как Астраханское и Крымское ханство.

⁴ См., например, прекрасную работу исследователя осетинского фольклора Бориса Андреевича Алборова (1932).

чительный лексический материал также и для бытовавшего на Северном Кавказе вплоть до начала XX в. местного арабописьменного варианта тюркского языка – северокавказского тюрки (Оразаев, 1927:56-60). Ногайская письменность вплоть до 1928 года была основана на арабской графике, с 1928 года ее перевели на латиницу, а с 1938 года – на кириллицу.

Сегодня в ногайском языке выделяют два основных диалекта: караногайский и кубанский, а также говоры ачикулакских и астраханских ногайцев (Ибрагимов и др., 2002:492). Относительно говора астраханских ногайцев не все так просто: некоторые специалисты-филологи выделяют в качестве самостоятельных языки трех групп ногайского происхождения: алабугатских татар (ногайцев) (Арсланов, 1997 (1): 172-179), астраханских ногайцев-карагашей (Арсланов, 1997 (2): 187-194), и юртовских татар (астраханских ногайцев) (Арсланов, 1997 (3): 506-513).

Каково же нынешнее состояние ногайского языка? И каковы перспективы его развития в ситуации, когда все группы его носителей находятся в положении явного меньшинства? Мы рассмотрим эти вопросы на примере двух российских регионов: Республики Дагестан и Карачаево-Черкесской республики, в которых ногайцы, обладают определенным статусом, признанным государством. В обеих российских автономиях ногайцы составляют своеобразное меньшинство внутри меньшинств, что делает их любопытным объектом исследования.

В Республике Дагестан, по сведениям последней переписи 2010 года, проживает 40407 ногайцев, что составляет 1,4% от всех 2910249 жителей республики⁵. Ногайцы признаются одним из 14 основных народов Дагестана. Согласно Конституции Республики Дагестан, «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана», т. е. 14 письменных языков народов республики, в том числе и ногайский. Глава 1, статья 11 Основного Закона Республики Дагестан устанавливает: «В Республике Дагестан гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»⁶.

---

⁵ См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, доступ 27.08.2013.

⁶ Конституция Республики Дагестан (принята Конституционным Собранием 10 июля 2003 г.) (с изменениями и дополнениями). http://constitution-garant.ru/region/cons_dagest/, доступ 27.08.2013.

Подавляющее большинство ногайцев в Дагестане владеют ногайским языком, который является для них родным. Распространен среди них также и кумыкский язык: его в качестве родного называли 1136 ногайцев⁷, в основном из числа тех групп, которые уже несколько веков живут в тесном соседстве или в окружении кумыков.

Изучение ногайского языка обеспечивается в Дагестане на минимальном уровне. В дошкольных образовательных учреждениях оно не обеспечивается вовсе: детские сады работают исключительно на русском языке. Начальное школьное образование также осуществляется исключительно на русском языке, на нем преподаются все предметы с первого класса общеобразовательной школы. Ногайский язык преподается в школе исключительно как предмет, причем количество часов, выделяемых на его изучение, неумолимо сокращается. Сегодня в неделю на родной язык выделяется два часа, еще час – на урок родной литературы (Бекмуратова, 2013).

Конечно, этого количества часов совершенно недостаточно для основательного изучения ногайского языка – на изучение иностранного языка в школе выделяется больше времени, чем на изучение родного языка. Кроме того, родители имеют право не отдавать своих детей в классы с изучением родного языка, и многие пользуются этим правом, считая изучение родного языка занятием абсолютно бесполезным и даже вредным. По их мнению, лучше эти часы занять гораздо более перспективными для их детей русским или английским языком.

Вопросы изучения родного языка в конце 1980-х – самом начале 1990-х годов остро ставились представителями ногайских общественных организаций, одной из самых активных среди которых является «Бирлик» («Единство»). Благодаря деятельности этой организации, в том числе ее харизматичного лидера Бальбека Кельдасова, удалось добиться возобновления преподавания ногайского языка в тех районах, в которых еще в советское время оно было прекращено. Для подготовки преподавателей ногайского языка общественность добилась открытия в 1992 году в центре Ногайского района Дагестана – селе Терекли-Мектеб – филиала Хасавюртовского педагогиче-

---

⁷ См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 9. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку по субъектам Российской Федерации. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, доступ 27.08.2013.

ского колледжа. Этот филиал в течение 21 года готовил преподавателей ногайского языка не только для дагестанских школ, но и для школ Ставропольского края, Чеченской республики и Астраханской области, в которых тоже возобновили преподавание языка, а также для Карачаево-Черкесии, которая до того самостоятельно готовила учителей ногайского языка. К сожалению, в 2013 году уже не было набора в филиал, и он, скорее всего, будет закрыт. Такое положение дел не может не вызывать тревогу, но очень хорошо отражает тенденцию к уменьшению числа желающих учить и преподавать родной язык.

В столице Республики Дагестан – городе Махачкале действует ногайское отделение филологического факультета Дагестанского государственного университета. Преподаватель этого отделения Ф. Кусегенова сетует, что вместо минимального набора в 5 человек сейчас там учится всего один студент⁸. Поэтому, над отделением нависла угроза закрытия или соединения с отделением кумыкской филологии.

Ногайский язык сегодня представлен в информационном поле Республики Дагестан. На нем печатается литература, хотя качество печати, к сожалению, не соответствует современным стандартам. На ногайском языке также выходят республиканская газета «Шоьлтавысы» («Голос степи»), детский журнал «Лашын» («Соколенок»), на нем работает канал национального вещания на республиканском государственном телевидении, ведется радиовещание. Однако количество часов вещания в целом незначительно – на радио, например, оно ведется в течение 20 минут в неделю. Кроме того, в селе Терекли-Мектеб базируется Ногайский государственный драматический театр, который ставит пьесы на ногайском языке.

Тяжелая ситуация складывается также и в Карачаево-Черкесии, хоть здесь ногайцы в целом находятся на более высоком уровне в иерархии меньшинств. Здесь проживает 15654 ногайца, общее же население республики составляет 477859 человек⁹. Ногайцы составляют 3,3% населения КЧР. Так же, как и в Дагестане, ногайский язык

---

⁸ Там же.

⁹ См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, доступ 27.08.2013.

в Карачаево-Черкесской республике признается государственным. Пункт 1 статьи 11 Конституции КЧР гласит: «Государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский»¹⁰.

Ногайским языком владеет подавляющее большинство ногайцев республики; в качестве родного по данным переписи 2010 года его назвали 15530 человек. Однако проблемы в Карачаево-Черкесии практически те же, что и в Дагестане: те же сокращения количества учебных часов, рост числа тех, кто не желает учить родной язык в школе, отсутствие обучения на родном языке в начальной школе. Так же, как и в Дагестане, тут проблемы с набором в университет по специальности «ногайская филология» – в Карачаево-Черкесском университете (г. Карачаевск) на филологическом факультете ногайское отделение лишилось трех мест из пяти (Бекмуратова. 2013). Это вполне укладывается в наметившуюся тенденцию по всей системе образования, которая крайне недружественна в отношении родного языка.

В Карачаево-Черкесии также издается республиканская газета «Ногай давысы» («Голос ногайцев»), ведется теле- и радиовещание. Однако, как и в Дагестане, ногайский язык здесь все больше вытесняется из публичного пространства, а в последнее время, в связи с усилившейся трудовой миграцией за пределы республики, также и из бытовой сферы.

Усугубляет и без того тревожную ситуацию катастрофическое положение с изданием учебников и методических пособий. В советское время все учебные пособия для преподавания ногайского языка печатались в Карачаево-Черкесии. Однако после развала СССР эта республика отказалась обеспечивать учебниками другие субъекты, в первую очередь Дагестан, а в 2000-е годы перестала печатать их даже для нужд собственного населения. В итоге в школах, где преподается ногайский язык, испытывают колоссальный дефицит учебников и методических пособий, дети учатся по ветхим книгам.

Наличие двух центров – в Черкесске и Махачкале – не очень благоприятно сказывается на функционировании ногайского литературного языка. Его основоположник Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков, представитель астраханских ногайцев, в основу литера-

---

¹⁰ Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. (с изменениями и дополнениями). http://constitution.garant.ru/region/cons_karach/, доступ 27.08.2013.

турного языка положил караногайский диалект, распространенный на территории Дагестана и Чечни. Но сегодня фактически функционируют два варианта литературной нормы: в Дагестане – на основе караногайского диалекта, в Карачаево-Черкесии же – на основе кубанского диалекта. Учащимся бывает непросто разобраться, какова же на самом деле литературная норма в ногайском языке.

Литература на ногайском языке и в Дагестане, и в Карачаево-Черкесии худо-бедно издается. В то же время, остро ощущается необходимость в современном ногайско-русском словаре. Последнее издание на 15 тысяч слов было осуществлено в далеком 1963 году!¹¹ С тех пор этот словарь превратился в библиографическую редкость и морально устарел. Подготовленный к печати филологами Черкесска новый словарь на 40 тысяч слов так до сих пор и не издан, хотя он был бы весьма полезен не только ногайцам, но и профессиональным филологам, занимающимся изучением тюркских языков.

Тревожным для ногайцев фактом является усиливающийся процесс языковой ассимиляции. Из ста с лишним тысяч ногайцев родным языком владеют 97438 человек, а 3804 перешли на русский язык¹². Эти процессы подстегивает также и миграция ногайцев на Урал и Север, в нефтеносные районы. Там уже проживает почти каждый десятый ногаец; в их семьях дети, как правило, переходят на русский язык¹³.

Непопулярность ногайского языка среди самих же ногайцев объясняется не только тем, что владение другими языками дает им больше конкурентных преимуществ. В значительной мере это объясняется тем, что ногайский язык фактически вытеснен в бытовую сферу. Его публичное использование минимально; даже в республиках, в которых формально ногайскому языку присвоен статус государственного, он практически незаметен в общественно-политической жизни. Даже в местах компактного проживания ногайцев почти невозможно встретить вывески на ногайском языке,

---

¹¹ Ногайско-русский словарь / Ногайша-орыша соьзлик. Калмыкова С.А., Баскаков Н.А. (ред.). М.: ГИИНС, 1963. - 560 с.

¹² См.: Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. 8. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm, доступ 27.08.2013.

¹³ Ярлыкапов А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008. №3. С. 79, 80.

практически все официальные мероприятия проводятся на русском языке. Официальная республиканская газета, а также теле- и радиовещание на ногайском языке не способны привлечь внимание основной массы населения в силу ограниченности обсуждаемых проблем и недостаточного времени вещания. Важным фактором также является отсутствие начального образования на ногайском языке – это подстегивает процесс языковой ассимиляции. Таким образом, будущее ногайского языка весьма туманно; в ближайшей перспективе, скорее всего, сфера его применения будет все больше сужаться, и он будет уходить даже из бытового употребления значительной части ногайского населения двух рассмотренных республик.

Библиография

- АЛБОРОВ Б. А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Известия 2-го Северо-Кавказского педагогического института имени Гадиева, том IX, 1932, с. 273-306
- АРСЛАНОВ Л.Ш. (1) Алабугатских татар (ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 172-179
- АРСЛАНОВ Л.Ш. (2) Астраханских ногайцев-карагашей язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 187-194
- АРСЛАНОВ Л.Ш. (3) Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Издательство «Индрик», 1997. С. 506-513
- БАСКАКОВ Н.А. Ногайский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Издательство «Индрик», 1997
- БЕКМУРАТОВА Г. Ана тили (Родной язык, на ногайском языке) // Шоьл тавысы (Газета «Голос степи»). 1 августа 2013 г., № 31 (8459)
- ИБРАГИМОВ М.-Р.А., АДЖИЕВ А.М., КИЛЬДАСОВ Р.Б. Ногайцы // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002
- КАЛМЫКОВ И.Х., КЕРЕЙТОВ Р.Х., СИКАЛИЕВ А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988
- Ногайско-русский словарь / Ногайша-орысша соьзлик. Калмыкова С.А., Баскаков Н.А. (ред.). М.: ГИИНС, 1963. – 560 с.
- ОРАЗАЕВ Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII-XIX вв.: (Исследование, тексты и комментарии). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007. С. 56-60

СИКАЛИЕВ А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск: КЧИ-ГИ, 1994

ЯЛБУЛГАНОВ А.А. Ногайцы: история расселения и демография XVIII-XIX вв. – М., 2001

ЯРЛЫКАПОВ А. Ногайцы // Живописная Россия. 2007. № 3

ЯРЛЫКАПОВ А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. 2008. № 3

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШАПСУГОВ СОВРЕМЕННОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

И.Л. Бабич

В настоящее время причерноморские шапсуги – один из малочисленных народов Кавказа (не более 8–10 тыс. чел.), проживающий в населённых пунктах Туапсинского и Лазаревского районов Краснодарского края.

Шапсуги, прежде всего в силу своей малочисленности и в силу культурной близости, поддерживают тесные контакты с адыгами, абхазами и абазинами, проживающими в соседних республиках. Наиболее тесные связи существуют между шапсугами и адыгейцами, а также с абхазами, менее тесные – с кабардинцами и черкесами³. Наиболее острая проблема в формировании национальной идентичности – *сохранение адыгейского (литературного) и шапсугского (бытового) языков* в шапсугской общине.

Поскольку шапсуги являются одной из субэтнических групп адыгейцев (проживают в Республике Адыгея), то в школах населенных пунктов Лазаревского и Туапсинского районов преподаются *адыгейский язык и адыгейская литература*. Однако с начала 1990-х годов среди шапсугов интерес к адыгейскому языку и адыгейской литературе начал постепенно снижаться. В предлагаемой статье рассмотрим причины данного явления.

Часть шапсугских детей посещает национальные (шапсугские) школы, в которых есть факультативные занятия по адыгейскому языку, другая часть – русские школы, где адыгейского языка нет даже в качестве факультатива (например, дети из аулов Большой и Малый Псеушхо учатся в русской школе пос. Георгиевский).

Приведу пример одной шапсугской семьи, в которой трое детей, показывающий, как быстро исчезает из жизни шапсугов адыгейский

язык. Мать – руководитель сельской библиотеки, старшая девочка привыкла дома говорить по-адыгейски, а в школе – по-русски, поэтому она – двуязычна; второй ребенок, тоже девочка, и дома, и в школе начала говорить сразу по-русски, а адыгейский язык учит на факультативных уроках в школе; третий ребенок, мальчик 4-х лет, ходит в «русский садик» и вообще не знает адыгейского языка.

Хотя прежний президент РА Х. Совмен оказывал шапсугам значительную финансовую поддержку для сохранения и развития этнической культуры, что выразалось в предоставлении шапсугским детям бесплатных учебников адыгейского языка, финансировании газеты «Шапсугия» и др., местная интеллигенция не задумывается и не обсуждает проблемы бытования литературного адыгейского и разговорного шапсугского языков.

Безусловно, общественная организация шапсугов – «Адыгэ Хасэ причерноморских шапсугов-адыгов» всячески поддерживает преподавание в школах местных языков. Однако в реальности едва не единственный человек, который всерьез беспокоится об этом, – это учитель адыгейского языка Н.А. Богус. Она постоянно на всех мероприятиях, в средствах массовой информации акцентирует внимание окружающих на значительном ослаблении интереса к адыгейскому языку, считая, что людей «интересуют только деньги».

Ещё в 1994 году Н.А. Богус подготовила «Справку о состоянии изучения адыгского языка в школах Туапсинского района», в которой подчёркивала «равнодушное отношение руководителей школ к делу возрождения шапсугского народа, его языка, литературы, культуры».

Надо сказать, что в 1988–1989 годах в школах Лазаревского р-на началось изучение родного языка и литературы (адыгейского). Одним из инициаторов этого и была Н.А. Богус – руководитель методического объединения учителей адыгейского языка Лазаревского р-на. Наряду с языком Н.А. Богус занималась и внедрением адыгских традиционных кружков по резьбе, шитью, вязанию, изучению народных орнаментов. Тем не менее, в шапсугских школах в списке обязательных предметов адыгейский язык отсутствует. Он преподается факультативно 1–2 раза в неделю.

30-летний шапсуг, директор сельского клуба рассказывал нам, что во время его учебы в школе адыгейский язык был факультативным предметом. Наш информатор – один из немногих, кто посещал эти уроки, большинство ребят «шли домой обедать». Он до сих пор помнит, как ему не хотелось идти на этот урок!

В Шапсугии постоянно проводятся детские и школьные мероприятия, связанные с пропагандой местных языков. В 1993 году в Туапсе

проходил слёт шапсугских школьников, посвященный знанию адыгейского языка, культуры и традиций адыгов. Среди «взрослых» участников были известные писатели, композиторы и музыканты, например, крупный адыгейский писатель И. Машбаш. Такие слёты стали проводиться каждый год, в 2002 году состоялся уже десятый. Приведём девизы слётов последних лет: «Пусть не гаснет огонь Нартов», «Свадебные обряды», «10 лет возрождения Адыгэ Хасэ», «Путь к знаниям», «130 лет окончания Кавказской войны». Как пишет Н. Богус, цели этих слётов состоят в нравственном и интернациональном воспитании, формировании национального самосознания на основе традиций и обычаев народа.

В программу последнего слёта вошли: национальные игры, межрайонные семинары учителей адыгейского языка, конкурсы на лучший кабинет адыгейского языка в школе. При подготовке слётов учителя проводят беседы о годовщине провозглашения Шапсугского района, конкурс на лучший рассказ по истории аула, собирают материалы по родовым знакам (тамгам), подготавливают книгу памяти об участниках войны, возрождают национальные игры адыгов. В марте 2006 года проходила школьная олимпиада по адыгейскому языку, в которой участвовали ребята из Лазаревского и Туапсинского р-нов Краснодарского края. Тем не менее в целом, по мнению Н.А. Богус, ситуация с языком продолжает оставаться тяжелой. В 2000–2001 годах она подготовила новую справку для предоставления её в местные органы власти: «О состоянии изучения адыгейского языка в Шапсугии».

В 2000 году Н.А. Богус направила на имя председателя Шапсугского Адыгэ Хасэ А. Чачуха и начальника ТОУНО Туапсинского района докладную записку, в которой писала: «Администрации школ не решают вопросы сохранения и развития языка, ссылаясь на отсутствие часов, на нежелание некоторых детей или родителей изучать родной язык, отсутствие учительских кадров... Учитывая, что шапсугский этнос малочислен, ему реально угрожает исчезновение, ускоренное потерей языка – средства общения, выражения традиций, культуры и самобытности, просим Вас убедительно:

1. Включить родной (адыгейский) язык в перечень *обязательных* для изучения предметов в школах...
2. Решить проблему преподавательских кадров, привлекая педагогов с высшим специальным образованием.
3. Для 1–4-х классов количество обязательных часов для преподавания адыгейского языка довести до 5 часов обязательного времени, для 5–9-х классов – 3 часа, для 10–11-х – 2 часа в неделю».

Одновременно с этой докладной Н.А. Богус опубликовала и «Обращение к народу адыгов». Оно чрезвычайно важно для понимания языковой ситуации, поэтому с небольшими сокращениями мы приводим его практически полностью: *«Предки адыгов творили свою историю и культуру в “котле” древней цивилизации. Что такое культура, традиции, обычаи народа – адыгов? Это Хабзэ (закон) – неписанный закон, который передаётся из древней цивилизации адыгов... Адыги – коренные жители Кавказа Причерноморского побережья»* – пишет Н.А. Богус. *«Наши предки погибли, защищая Закон (Хабзэ) и во имя Хабзэ. Мы не сможем назвать себя внуками своих дедов, если Хабзэ не станет нашим единственным смыслом, единственным лоном, где каждый обретёт счастье и покой»... «Настал второй этап (без войны) исчезновения шапсугского народа, т. е. наш народ теряет Хабзэ и каждый новый день приносит новые потери, ибо сыновья народа Черкесов теряют мужской облик, а дочери предаются греху. Мы, адыги-шапсуги теряем Хабзэ, язык и гибнем сами. В этом опять-таки помогают спокойно молчаливые наши хитрые и ловкие старшие братья, которые издают законы... Каждый малочисленный народ имеет право изучать свой родной язык и при этом не давать никаких удобных условий для его осуществления... Родной язык, культуру, историю и традиции нельзя изучать факультативно, в кружковой форме народу, который исчезает тихо и мирно. Надо помочь им сохранить их – это долг многочисленного русского народа в России. Разве России будет хуже, если адыги-шапсуги, имеющие богатейшую этническую культуру воспитания, активно используя её нормирующий потенциал, будут усердно, строго и нежно лепить из своего подрастающего поколения Народ с большой буквы... Теперешние родители не изучали свой литературный язык, безграмотные на своём языке, почти не знакомы с нартским эпосом, который является вершиной подражания и воспитания подрастающего поколения. Современные родители ограничены умом, насколько опасна жизнь адыгов, озабоченных жизнью, т. е. проблемами выживания. Им не до Хабзэ, не до обучения своих детей родному языку, культуре и традициям... Соблюдать наши обычаи не легко, тем более, если за это тебя не наказывают. Мы, народ, как всякий, который берет всё, чтобы выжить и жить легко, дурной пример заразителен... Можно ли назвать адыгским мужчиной человека, кто одурманивает свой разум наркотиками и алкоголем?... Откуда, Хабзэ может быть у женщины, которая назначает себе цену и занимается распутством и её уста извергают ругательства.*

Погрязшей во лжи и обмане?... Вот, что нам адыгам-шапсугам приносит наша цивилизация. Против них бороться факультативным обучением почти невозможно. Вот почему везде написали обращения, кому дорога жизнь народа - шапсугов, помочь узаконить наш язык, сделать его уроком во всех школах, где изучается как исключение...».

В своей книге Н.А. Боус представила «Краткую справку об адыгах и их культуре». В ней говорится: «Страна адыгов Черкесия была могущественной и значительной страной Евразии. В середине XV века Черкесия достигла высокого могущества... Что такое адыгагэ? (адыгство) – пример для подражания всех соседних народов». Н.А. Боус перечисляет принципы адыгагэ: правила поведения в доме, семье, гостях, в дни торжеств, в случаях траура, отношение к друзьям, родственникам, знакомым, почитание старших, женщин, поступки людей по обстоятельству, вежливость в общении с людьми, храбрость в ситуациях, необычайная естественная скромность, готовность оказывать помощь, нуждающемуся в ней, бескорыстное гостеприимство, умение трудиться, вести хозяйство и воспитывать детей...

В начале 1990-х годов адыгейский язык был введен как обязательный урок вплоть до 9-го класса, но вскоре это отменили, и он стал изучаться лишь факультативно. В настоящее время адыгейский язык преподается два часа в неделю для 7–8 классов. Как правило, дети младших классов с удовольствием посещают языковой факультатив, однако подростки – нет.

Причины сложившейся ситуации таковы:

1) наличие смешанных семей, когда мать русская, а отец – шапсуг, в результате в доме все говорят по-русски;

2) наличие «языкового противоречия» в шапсугских семьях: на бытовом уровне дети и родители говорят на шапсугском языке, тогда как на школьных факультативах преподаётся литературный адыгейский язык,

3) литературный адыгейский язык практически не применяется в современной экономической и социальной жизни, поэтому сами дети часто говорят: «нам не надо»,

4) в подростковом возрасте ученики предпочитают заниматься спортом, танцами в клубе,

5) «факультативность» преподавания адыгейского языка, преподаватель не имеет права ставить оценки ученикам, а, как известно, оценки – очень важная мотивация для школьников.

Наши беседы с руководителями сельских библиотек свидетельствуют, что в целом дети интересуются книгами, читают и русскую

литературу, и местную, и произведения адыгских писателей, а также «модную» литературу (детективы, фэнтэзи, в т.ч. и книги про Гарри Поттера), энциклопедии для детей, например, «Я познаю мир», а также книги для девочек.

Тем не менее, существуют проблемы у самих библиотек: в настоящее время практически отсутствует система комплектации книгами, из-за чего в шапсугских библиотеках мало адыгских книг и на адыгейском, и на русском языках. Почти 20 лет отсутствует система заказа литературы для сельских библиотек.

Таким образом, мы видим, что языковая ситуация в шапсугских населенных пунктах Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края крайне непростая и во многом запутанная, обусловленная многими внутренними и внешними обстоятельствами современной жизни народов Кавказа.

Библиография

- БАБИЧ И.Л. Полевые материалы. Лазаревский, Туапсинский р-ны Краснодарского края. 2001, 2007
- БОГУС Н.А. Год за годом. Сочи, 2000
- Газета «Шапсугия».* 2000-2006
- ДМИТРИЕВ В.Д. О самоопределении причерноморских адыгов (шапсугов) // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1993
- КОРОБОВА Н. Адыги-шапсуги: Гендер, религия, образование // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1993
- ЛАВРОВ Л.И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. № 4-5
- Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов / Материалы шапсугской экспедиции 1939 г. / Под ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. М., 1940
- СИБЕР А.В. Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального р-на // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. № 1
- СИБЕР А.В. Этническая идентификация черноморских адыгов-шапсугов (XVIII-XX вв.): Автореф. канд. ист. н. Нальчик, 2001
- СМИРНОВА Я.С. О некоторых религиозных пережитках у причерноморских адыгейцев // Советская этнография. 1963. № 6

МЫ СТОЛКНУЛИСЬ С ВРАГОМ, И ОН – ЭТО МЫ:¹ бретонский язык вчера, сегодня, завтра

Ронан Ле Коадик²

За 60 лет – с 1950-х по 2010-е годы – число носителей бретонского языка упало с миллиона до двухсот тысяч человек, и есть опасения, что к концу нынешнего века оно сократится до двадцати тысяч. Как объяснить столь стремительное сокращение жизненного пространства языка, а главное – в какой мере можно надеяться на то, что удастся как-то смягчить эту тенденцию? В настоящей статье я утверждаю, что если в прошлом французское государство сыграло важную роль в языковом сдвиге, то сегодня будущее языка зависит, прежде всего, от пробуждения коллективного сознания бретонского общества. Проанализировав упадок бретонского языка и ту роль, которую могло в этом играть государство, мы упомянем об эффекте ножниц, который выражается в том, что вот уже на протяжении нескольких десятилетий практическое использование языка сокращается, тогда как интерес к нему постоянно растет; это позволит нам, в заключение, остановиться на вырисовывающихся перспективах и путях его развития.

Метод

Статья опирается на два корпуса полуформализованных интервью, записанных автором: первый – на протяжении 1993-1994 годов. Он состоит из 61 интервью, среди которых 15 предварительных интер-

---

¹ Как говорит Джошуа Фишман, «Проблема языков, находящихся в опасности, еще более осложняется тем обстоятельством, что «враг» не только не признан, но часто он является *persona grata* даже среди ярых защитников языка («Мы столкнулись с врагом, и он – это мы», как говорил персонаж мультфильма Пого более чем поколение тому назад) В кн.: *Can threatened languages be saved?*, Multilingual Matters, 2001, p. 6.

² © Ronan Le Coadic, Université Européenne de Bretagne/Université Rennes 2, CRBC, EA 4451, F-35000 Rennes, France

вью с экспертами по «бретонскому вопросу» и 46 интервью со случайно отобранными фермерами, рыбаками и предпринимателями. Вторая серия интервью была записана в 2002 году, она охватывает 40 человек. Выборка построена таким образом, чтобы максимально отразить реальное многообразие населения Бретани (учитывался пол, возраст, социально-профессиональные категории и географическое происхождение опрошенных).

Полуформализованное интервью представляет собой качественный метод, цель которого – позволить респонденту максимально свободно излагать свои мысли. Вначале задается открытый вопрос («ориентировка»), сформулированный таким образом, чтобы ясно дать понять респонденту, что исследователя интересует именно его *личное* мнение, и что у него в распоряжении много времени. Задача интервьюера – молча и внимательно слушать респондента, давая ему необходимое время на размышление. Затем с помощью различных наводящих вопросов интервьюер помогает опрашиваемому, с одной стороны, углубить свои размышления, с другой – ненавязчиво (избегая прямых вопросов) ввести в разговор те сюжеты, которые не были упомянуты спонтанно. Такой тип интервью позволяет собрать очень богатый и содержательный материал. Записанные интервью расшифровываются дословно и подвергаются углубленному анализу.

Роль государства в языковом сдвиге

Использование бретонского языка стало резко сокращаться, начиная с 1950-х годов. Как объясняют это сокращение ученые и обычные люди?

Когда на рубеже античности и Средних веков бретонцы переселились с британских островов на Арморикю, все они, независимо от социального положения, говорили на бретонском языке. До тех пор, пока Бретань оставалась небольшим беспокойным, а иногда и воинственным королевством, ее язык процветал и был известен даже за границей (Fleuriot, 1980:92). Но по мере того как Бретань теряла свою самостоятельность, а ее элита в политическом и социологическом отношении сближалась с французской элитой, постепенно, сверху вниз по социальной лестнице, происходил отказ от бретонского языка. Последним властителем, говорившим по-бретонски, был герцог Ален IV по прозвищу Ален Ферган, правивший с 1084 по 1112 год. Однако даже забытый властелином и аристократией, язык

еще несколько веков сохранял социальный престиж (Fleuriot, 1987:7-28; Le Coadic, 1998:124). Сельское население Нижней Бретани³ массово говорило на нем вплоть до начала XX века. В 1845 году историк Питр-Шевалье назвал языковую границу «китайской стеной бретонского языка» (Le Gallo, 1987:145). Это говорит о том, что бретонский язык был распространен среди населения и был единственным, потому что не владеющие этим языком, наталкиваясь на «китайскую стену», были вынуждены прибегать к услугам переводчиков, чтобы их поняли. В 1946 году Ф. Гурвиль оценивал число носителей бретонского языка в границах Нижней Бретани в миллион сто тысяч человек, в числе которых он различал примерно сто тысяч совсем не знавших французского языка; около 700 тысяч знавших французский, но говоривших в основном на бретонском; и около 300 тысяч знавших бретонский, но говоривших преимущественно на французском. Еще около 400 тысяч человек, населявших эту территорию (в основном ее города), были франкоязычны и совсем не владели бретонским языком (цит. по: Broudic, 2009:33). В 1970-е годы бретонский язык в Нижней Бретани становится языком меньшинства, хотя точно установить число его носителей не представляется возможным, поскольку вопросы о владении и пользовании языками отсутствуют в переписных анкетах; нет и массовых социологических исследований на эту тему. Первым – и единственным на сегодняшний день – исследованием по общенациональной выборке⁴, затрагивающим проблему использования и межпоколенной передачи региональных и иностранных языков, является исследование «Изучение семейной истории», реализованное в 1999 году совместно Национальным статистическим и Национальным демографическим институтами⁵. Оно выявило 304 тысячи носителей⁶ бретонского языка на

³ Нижняя Бретань – западная часть Бретани, регион традиционного распространения бретонского языка.

⁴ Были опрошены 380 000 человек в возрасте от 18 лет, в том числе более 40 000 человек в Бретани. О выборке и программе исследования см. также сноску 4 на стр. 173 (ред.).

⁵ *Insee*, Национальный экономико-статистический институт, и *Ined*, Национальный демографический институт – два государственных учреждения, тесно сотрудничающие друг с другом. *Insee* является подразделением Министерства финансов с числом служащих более 5000 человек. Его задача – производство официальных статистических данных. *Ined* – это научно-исследовательский институт со штатом около 200 человек, специализирующийся на демографии.

всей территории французской метрополии (Héran, Filhon, et Deprez, 2002), в том числе 257 тысяч в административном регионе Бретань⁷ (Boëtté, 2003), или около 265 тысяч в границах исторической Бретани. Кроме того, результаты исследования показали, что это в основном пожилые люди. «В 1999 году три четверти говорящих на бретонском языке были старше 50, а половина – старше 65 лет» (Boëtté, 2003:20). ЮНЕСКО признало бретонский язык находящимся «в серьезной опасности» (Moseley 2010), что неудивительно, принимая во внимание то, о чем мы только что рассказали. Хотя, как уже было сказано, ни одного масштабного исследования языковых практик и межпоколенной передачи языков во Франции не проводилось с 1999 года, опрос⁸, проведенный в 2007 году, показывает, что упадок бретонского языка продолжается быстрыми темпами. Количество его носителей в границах исторической Бретани за 8 лет сократилось с 265 до 194 тысяч человек. Если добавить к ним одиннадцать с половиной тысяч учеников двуязычных французско-бретонских школ в возрасте менее 15 лет, мы, конечно, с трудом, но преодолеем символический барьер в 200 тысяч носителей, доведя итоговое число до 206 тысяч человек (Broudic, 2009:63-64); тем не менее, ситуация со всей очевидностью внушает серьезные опасения. Прежде чем делать какие-либо прогнозы на будущее, нужно сначала задаться вопросом о том, как мы дошли до такого положения.

Факторы упадка

Французское государство боролось с региональными языками, начиная с эпохи революционного террора. Но поначалу речь шла скорее о пренебрежительном противопоставлении «прекраснейшего языка

---

⁶ Под «носителями языка» подразумевались лица, ответившие, что им случается говорить на этом языке со своими близкими. Таким образом, в поле зрения анкеты попали только активные носители языка.

⁷ Административный регион Бретань включает четыре департамента: Кот-д'Армор, Финистер, Иль-и-Вилен и Морбиан. Пятый департамент, Атлантическая Луара, был частью Бретани до 1941 года, и его возвращение в состав региона является одним из постоянных требований бретонского регионального движения. В 1999 году в этом департаменте насчитывалось 0,7% носителей бретонского языка, т.е. немногим менее 8000 человек.

⁸ Опрос был организован институтом *TMO Régions* в период между 3 и 19 декабря 2007 года. Выборка составила 3 109 человек.

Европы» (французского) и «местных диалектов, поддерживающих фанатизм и суеверия», (Varèze, 1794), нежели о настоящей государственной политике. Надо было дождаться Третьей Республики, часто прославляемой ныне за ее прогрессизм, несмотря на то, что она показала себя также как националистическая и империалистическая, чтобы увидеть в действии активную политику борьбы с региональными языками. Республиканская школа – наряду с воинской службой, где молодым призывникам приходилось понимать и говорить по-французски, была основным и неприкрытым инструментом этой политики. Ученик, замеченный за разговором на местном наречии (в нашем случае – на бретонском), получал от учителя специальную метку, называемую «символом». Избавиться от нее он мог, только передав, в свою очередь, другому ученику, совершившему то же прегрешение. В конце дня тот учащийся, у кого на руках оставался «символ», подвергался наказанию. «Приучая таким образом детей шпионить за своими товарищами, – писал А. Ле Браз, – школа воспитывала в них образцовых учеников полицейских (цит. по: Piriou, 1971:30), а главное – воспитывала в них презрение к родному языку и культуре». Об этой политике много писали и говорили лидеры бретонского культурного движения, видевшие в ней основную причину стремительно-го упадка бретонского языка. Но действительно ли это так?

Несколько недавних работ призывают не преувеличивать роль республиканской школы в языковом сдвиге. Они выдвигают три типа аргументов. Прежде всего, отмечают они, реальное поведение учителей в классах было не столь однозначным, как того могли ожидать от них министры, префекты и иные проверяющие инстанции. Недостаточно было того, чтобы некий инспектор академии заявил в 1897 году: «принцип, которого следует придерживаться неуклонно: ни слова на бретонском ни в классе, ни в школьном дворе» (Monnier et Cassard, 1997:513), чтобы учителя на деле не проявляли определенную гибкость. Эту точку зрения отстаивает, в частности, Ж.-Ф. Шане (Chanet, 1996). Второй аргумент: одни только учителя, даже если бы они того хотели, не смогли бы добиться языкового сдвига: для этого нужно было участие родителей. Два обстоятельства подтверждают этот тезис: во-первых, сравнительная неэффективность школьной политики вплоть до 1950-х годов, – времени, до которого сохранялось бытование бретонского языка (Broudic, 1995:371-374), и, во-вторых – то, что региональные языки в той или иной мере дожили до наших дней (Chanet, 1996:203). Наконец, третий аргумент – важная роль экономических и социальных факторов, которые гораздо сильнее, чем школа, подталкивали к овладению французским языком, а то и к полному переходу на него, население Нижней Бретани (Broudic, 1993:1106, 1109).

С приведенными выше аргументами трудно спорить. Но в то же время не следует закрывать глаза ни на жесткость школьной политики в отношении языков, ни на глубину ее воздействия. В 2000 году были опубликованы результаты исследования, ставившего своей целью проверить, действительно ли детям, не понимавшим французского языка, запрещали говорить по-бретонски на переменах. Было опрошено 130 человек в 56 коммунах департамента Кот-д'Армор. Среди них 123 человека (94,6 %) сталкивались с запретом говорить по-бретонски и 48 человек вспомнили, что получали от учителя позорный «символ» (An Du 2000). Эти цифры почти не оставляют места сомнениям, как и свидетельства опрошенных о тех ощущениях, которые вызывала у них школа: «мы чувствовали себя глупыми»; «мы не могли рассказать того, что мы знали»; «мы все время боялись»; «мы объяснялись жестами», «мы были внутренне подавлены», «нам было стыдно», и т.п. Что же касается «желания сменить язык» у жителей Бретани, то здесь не следует путать причину и следствие. Если бретонцы отказывались от своего языка ради социального продвижения, то потому, что государственные структуры исключали (и поныне исключают, следует это признать) местные языки из престижных сфер общественной жизни. Двужычные структуры, подобные тем, что существуют в других европейских (и не только) странах и не ведут к отказу от местных языков, конечно, возможны, но они должны быть официально и политически признанными. Таким образом, причиной угасания региональных языков является политическое решение «сверху», установившее официальное моноязычие, а отказ от употребления региональных языков – лишь следствие этого решения. (Blanchet, 1995:156).

А что думают об этом сами бретонцы?

В ходе серии полуформализованных интервью о бретонской идентичности, которые я проводил в середине 1990-х годов, вопрос о смене языка некоторые мои собеседники поднимали по собственной инициативе (Le Coadic, 1998:196-202). Они говорили как о тех факторах, которые способствовали переходу на французский, так и о причинах этого явления. Интервьюируемые, которым на тот момент было в среднем около 40 лет, непосредственно не имели дела с «символом» (за исключением самых старших из них). Тем не менее, все или почти все обвиняли школу в стремительном прекращении межпоколенной передачи бретонского языка.

Гаэль (рыбак на пенсии, 63 года): Дома, в семье мы говорили только на бретонском. (...) Очень тяжело было в школе, где меня

били по пальцам за то, что я говорил по-бретонски, в то время как по-французски я изъясняться не умел.

Янн (руководитель предприятия, 58 лет): Это совсем не случайно! Бретонский язык уничтожали (...) Его уничтожали – да Вы и сами это знаете: в школах говорить по-бретонски было запрещено. И достаточно было заговорить на этом языке в школьном дворе, чтобы получить ослиный колпак.

Алина (фермер, 34 года): Когда я была в школе, в детстве, было почти стыдно иметь такое окружение, как у нас дома – т.е. иметь родителей, которые говорили с нами по-бретонски (...) Поэтому мы чувствовали в этом какой-то изъян. Надо было это скрывать. Для нас это было примерно как нарыв, который никому не надо было показывать. Как горб. Как увечье.

Интервьюируемые называли и других виновников смены языка: в частности, собственных родителей:

Жак (предприниматель, 48 лет): Им так часто говорили, что дети не должны говорить по-бретонски, что они избегали говорить на этом языке в моем присутствии.

Но среди прочих факторов именно школу опрошенные называли столь единодушно.

Зачем же запрещать бретонский язык? Такого вопроса я не задавал, и не все интервьюируемые его затрагивали. Тем не менее, те, кто все же поднимал эту тему, не сомневались: деятельность школы была частью общей сознательной политики по искоренению бретонского языка. Только Элен, по-видимому, наиболее травмированная опытом своей школьной жизни, не видит в борьбе с бретонским языком другой цели, помимо желанья добиться хорошего владения учениками французским языком:

Элен (жена рыбака, 42 года): Им запрещали говорить по-бретонски, чтобы они лучше выучили французский язык.

Похоже, ей не приходит в голову, что можно было бы научить детей французскому языку, не борясь при этом с бретонским языком. Другие, напротив, думают, что все могло бы быть по-иному:

Алина (фермер, 34 года): Потом мы это поняли, надо же было, чтобы школа, чтобы все окружение во времена нашей юности побуждали нас говорить на этом языке, надо было прожить это время по-другому, не так как мы его прожили. (...) Это неправильно! Это до такой степени неправильно! Потому что все могло бы быть по-другому!

Несколько интервьюируемых открыто критиковали французское государство:

Даниэль (рыбак, 41 год): Французское государство сделало все, чтобы ликвидировать это. Теперь они с трудом пытаются все восстановить. Это так. И язык тоже, я уверен! (...) Но это все государство, а? Это государство! (...) Это французское государство сделало. Потому что раньше они все говорили только на бретонском. (...) Это правда, что государство... Нужно было говорить по-французски!

Итак, кажется ясным, что государство сыграло большую роль в стремительном упадке бретонского языка, как посредством активной школьной политики, так и отказом допустить билингвизм на каком бы то ни было уровне общественной жизни. Бретонцы, находящиеся в ситуации двойного доминирования – социального (отсутствие перспектив социального роста для носителей бретонского языка) и идеологического (французский – язык, предназначением которого было «передать миру самое утонченное свободомыслие», тогда как бретонский считался «варварским инструментом суеверных помыслов» (Vaèrè 1794)), считали, что у них нет другого выбора, как только подчиниться требованию монолингвизма, исходящему от государства-нации, архетипа современности. Упадок бретонского языка, тем не менее, не был ни тотальным, ни бесповоротным.

Эффект ножниц и роль бретонского движения

С XIX по начало XX века «быть современным» означало порвать с местным, локальным, считавшимся средоточием удушающего общинного духа, господства духовенства и знати, а также всевозможных проявлений мракобесия и отсталости (Le Coadic, 2001). Государство было центральной и священной фигурой современности. Но начиная с 1960-х годов это понимание современности меняется на противоположное. В ходе событий мая-июня 1968 года все аспекты «буржуазной» современности – будь то само государство, разделение на частное и общественное, представительная демократия, секуляризм, либеральный индивидуализм, позитивизм или общество потребления – подверглись жесткой критике. Все запреты, авторитеты, все моральные, религиозные и гуманистические ценности были поставлены под сомнение. За этим освободительным прорывом последовало возникновение новых социальных движений (в частности,

феминистских, экологических и регионалистских), что не осталось без последствий для будущего бретонского языка.

В течение 1970-х годов этническое возрождение, распространяющееся по миру, достигло бретонского полуострова. Это стало полной неожиданностью для населения – которое, как мы видели, под влиянием социального и идеологического доминирования на протяжении вот уже двух десятилетий старалось, осознанно или нет, забыть свой язык – и создало противоречивую ситуацию. С одной стороны, музыкальное возрождение, у истоков которого стояли бретонские композиторы-исполнители Гленмор и Стивел, вызвало пробуждение гордости; с другой – бретонский язык, который по-прежнему воспринимался огромным большинством населения как бесполезный и лишенный будущего, больше не передавался из поколения в поколение. Так начался эффект ножниц.

Расцвет протестных настроений в 1970-е годы создал благоприятную обстановку для развития и обновления культурного движения. Последнее нередко принимает окраску национально-освободительного движения, соединяя борьбу за бретонскую культуру с левыми взглядами. Кроме того, возникают две новые тенденции. С одной стороны, борцы за возрождение языка открывают для себя «народ» и его богатство: молодые собиратели фольклора ездят по деревням в поисках сокровищ устной культурной традиции. С другой стороны, впервые государство обходит стороной: поскольку в государственных школах бретонский язык не преподается, активисты организуются и создают общественные школы *Diwan*, где преподавание языка ведется с позиций прогрессивной педагогики. В первой такой школе, созданной в 1977 году в одном из сел на севере департамента Финистер, было всего пять учеников и один учитель. Но вскоре число учащихся стало расти. Школы *Diwan* непрерывно развиваются, а вслед за ними стали открываться двуязычные классы в государственных и частных католических школах. В 2011 году во всех этих трех типах учебных заведений изучали бретонский язык 13 488 школьников⁹. Это – возрождение.

Глубокие изменения, которыми затронуто все общество, начиная с 1970-х годов, привели к новому пониманию современности, которая отныне обращена к автономии субъекта. Эта эволюция постепенно привела к тому, что бретонцы стали менять отношение к своему языку. Современные мужчины и женщины очень дорожат равен-

---

⁹ Ofis ar brezhoneg. «Données clés sur breton». http://www.ofis-bzh.org/fr/langue_bretonne/chiffres_cles/index.php (Consulté juin 15, 2011).

ством, которое им гарантирует гражданство. Тем не менее, этого им уже недостаточно, поскольку такое равенство превращает их в безликие существа. А они как раз желают, чтобы их различия также были признаны и встречали дружественное к себе отношение, а не замыкались, как прежде, в сфере частной жизни. Наконец, они хотят самостоятельно решать, как им быть со своей идентичностью: подчеркивать, культивировать или оставлять без внимания те или иные ее составляющие, – а не следовать внешним запретам или предписаниям. Одним словом, современность отныне ассоциируется с требованием автономии во всех сферах жизни, будь то сексуальность, семейные отношения, национальность или что-то еще. В этих условиях бретонцы примиряются со своим языком, который все меньше олицетворяет в их глазах отсталость – напротив, подобно традиционным для той или иной местности продуктам, он становится признаком аутентичности и неповторимого вкуса. Язык, конечно, по-прежнему отчасти связан в сознании многих бретонцев с образами прошлого. Тем не менее, в отличие от их родителей в 1950-е годы, сегодняшние бретонцы не отказываются от своего прошлого, а гордятся им. Они находят в нем источник коллективного самоуважения, а также культуру, которая как им кажется, может помочь выжить в быстро меняющемся обществе. Тем не менее, это примирение является запоздалым и неполным. Увлечение бретонским языком охватило молодежь, горожан и образованных людей, тогда как пожилые крестьяне в Нижней Бретани, говорящие на этом языке, все еще не оправились от ярлыка «отсталых», навешенного на них в давние годы. И в целом, если бретонское общество отныне и благоволит сохранению бретонского языка, то все же видит в нем скорее богатство культурного наследия, нежели инструмент «современной» жизни.

Выходя далеко за рамки бретонского культурного движения, активное использование бретонского языка все же остается уделом меньшинства, хотя в абсолютных цифрах оно не так мало. Оно отлично вписывается в контекст обновленной современности, поскольку является результатом свободного выбора, а не навязано традицией. Нынешние носители бретонского языка связаны в экстерриториальные сети: они могут жить как в городских центрах Верхней Бретани (или в любом другом регионе мира), так и в деревнях Нижней Бретани. В социальном отношении они тоже не обязательно связаны с традиционной бретонскоязычной средой, в их семьях не всегда говорят по-бретонски, да они и вовсе могут не быть бретонцами. Использование бретонского языка может быть более или менее универ-

сальным: некоторые говорят на этом языке только с несколькими друзьями или общаются на нем в интернете, для других он становится языком семейного общения или даже профессиональной деятельности (с бретонским языком в наши дни можно работать не только учителем или университетским преподавателем, но и переводчиком, актером, издателем и т.п.). Тем не менее, возрождение языка ограничено.

Прежде всего, оно ограничено в количественном плане. Несмотря на наглядный рост числа учащихся на двуязычных отделениях, общее число носителей языка, как было показано в первой части статьи, упало с 1 100 000 человек в 1946 году до 206 000 в 2007, причем в большинстве своем это люди старшего возраста. Сократилась и внутрисемейная передача языка: «60% детей получали бретонский язык от родителей в 1920-х годах и лишь 6% – в 1980-х» (Voëtté, 2003:21). Наконец, в 1999 году только 3% родителей, имевших детей моложе 25 лет, ответили на вопрос анкеты, что говорили с ними на бретонском языке. (Voëtté, 2003:22). И это еще не все: отношение к языку также представляет серьезную проблему, создавая идеологическую преграду на пути его возрождения.

В ходе опроса, проведенного в 2001 году, бретонцев спрашивали, что они думают о своем языке (Broudic s. d.).

Бретонский язык – это...	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не ответили
Старинный язык	94 %	6 %	
Наш региональный язык	82 %	18 %	
Обыкновенный язык	63 %	35 %	1 %
Фольклорный язык	61 %	38 %	1 %
Диалект	38 %	59 %	3 %

По данным опроса получается, что 61% бретонцев считают бретонский фольклорным языком. Эта цифра убийственна, если учесть, до какой степени слово «фольклор» носит во Франции уничижительный оттенок. Правда, в то же время 63% опрошенных утверждают, что бретонский ничем не отличается от других языков. Так все-таки: фольклорный язык или такой же, как остальные? Два высказывания, кажется, противоречат друг другу. Однако в этом противоречии можно, по-видимому, различить (как минимум) три уровня осознания проблемы. Благодаря усилиям активистов, сегодня только 38% опрошенных считают бретонский язык «диалектом». Символически он приобрел вес «настоящего» языка – в отличие от диалектов, которые общественное мнение рассматривает как «подвиды» языков.

Напротив, поскольку бретонский язык не имеет официального признания, не является государственным языком и не распространен в мире, он остается «фольклорным» языком. В таком отношении к языку ощущается, с одной стороны, давление государственной идеологии, в значительной степени базирующейся на французском языковом единстве (Dieckhoff, 1997), и с другой – влияние разговоров о глобализации.

Жак (47 лет, предприниматель), в 2002 году так ответил на вопрос о будущей судьбе языков: *Я думаю, что [через 20 лет] будет язык общения, и это будет язык первых экономик мира. Сегодня это английский язык, и я не вижу причин тому, чтобы через 20 лет это не был бы английский. Может быть, через сто лет его место займет какой-то другой. Так что региональные языки, в моем понимании, – это фольклор!* (Le Coadic, 2004:101).

Помимо идеологических преград, есть и иные препятствия к обновлению бретонского языка. Дж. Фишман справедливо отметил: «Большинство современных движений языкового возрождения быстро и вполне естественно, почти как к очевидной истине, пришли к признанию центральной роли школ и преподавания в этом процессе» (Fishman, 1991:368). Так случилось и в Бретани, где 56% носителей языка говорят, что он сохранится благодаря двуязычным школам (Broudic, 2009:159). Однако качество бретонского языка, преподаваемого детям, говорящим по-французски, старательными и увлеченными преподавателями, для большинства из которых, тем не менее, родным языком также является французский, наверное, пока недостаточно изучено. Пьер-Ив Ламбер, специалист в области кельтских языков, на недавней конференции в Ренне¹⁰, привел список основных специфических черт, отличающих кельтские языки от других индоевропейских языков¹¹. Вынужден признать, что среди девяти особенностей бретонского языка¹², составляющих в каком-то смысле его

¹⁰ Colloque “La langue bretonne des origines / Les origines de la langue bretonne” | Université Rennes 2 ». <http://www.univ-rennes2.fr/crbc/actualites/-colloque-langue-bretonne-origines-origines-langue-bretonne> (Consulté juin 15, 2011).

¹¹ Я выражаю глубокую признательность автору за предоставленный в мое распоряжение текст его выступления.

¹² Вот эти девять особенностей: 1). Мутации начальных согласных. 2). Личные местоимения, прикрепленные к предлогам (спрягаемые предлоги); обилие местоимений, прикрепленных к глагольным формам. 3). Так называемый безличный пассив, имеющий единственную форму в каждом времени; своего рода четвертое лицо глагола, как в финском языке. 4).

«сердцевину», большая часть в той или иной степени вызывает затруднения¹³ у значительной части студентов, которым я преподаю вот уже десять лет, и большинство из которых стали за эти годы учителями бретонского языка. Здесь есть о чем задуматься.

Быстрое сокращение практики бретонского языка, с одной стороны, и возрождение интереса к нему (преграды на пути к которому не следует недооценивать) создают, таким образом, эффект ножниц. Язык находится «на перепутье», согласно названию недавнего доклада:¹⁴ его будущее решается в среднесрочной перспективе.

Будущее в среднесрочной перспективе и роль всего общества

Начиная с середины XX века, политика французского государства в отношении региональных языков постепенно смягчается, и происходит это в тот самый момент, когда эти языки резко приходят в упадок. В 1951 году закон впервые разрешает преподавание четырех региональных языков, в числе которых – бретонский¹⁵; в 1975 новый закон устанавливает, что «преподавание региональных языков и культур может производиться на протяжении всего школьного обу-

---

Два глагола «быть»: один обозначает существование, другой представляет собой грамматический инструмент (так называемая связка, или копула), предназначенный для акцентирования внимания на основной мысли высказывания, а также для построения чрезвычайно распространенных в бретонском языке именных предложений, со связкой или без нее. 5). Отсутствие глагола «иметь», выражаемого с помощью глагола существования с косвенным указанием на персону обладателя. 6). Отсутствие активных причастий и развитое употребление отглагольных существительных. 7). Отсутствие относительных местоимений, вместо которых используются глагольные частицы (бриттские языки) или относительные частицы (гойдельские языки). 8). Преобладающий порядок слов в предложении: глагол-субъект-объект. 9) Наличие респонсива, т.е. краткого повторения вопроса в начале ответного высказывания. (Lambert 2010).

¹³ Трудность для студентов представляет не теоретический грамматический анализ, а практическое использование в речи этих особенностей бретонского языка, которые так сильно отличают его от французского.

¹⁴ « La langue bretonne à la croisée des chemins » (2007). Текст доклада доступен на сайте <http://www.fr.opab-oplb.org/46-situation-de-la-langue.htm>.

¹⁵ Речь идет о Законе 51-46 от 11 января 1951 года о преподавании локальных языков и диалектов (так называемый Закон Дейксона). Он стал первым законом, разрешающим преподавание региональных языков во Франции.

чения»¹⁶; в 1977 Президент Республики предоставляет Бретани Культурную хартию¹⁷; в 1981 открывается вузовская специализация по бретонскому языку, в 1985, введен квалификационный экзамен для преподавателей школ второй ступени – колледжей и лицеев (*Capès*)¹⁸. В то же время государство не отказывается от монолингвизма. Оно даже возводит его в конституционный принцип в 1992 году, когда обе палаты Парламента на своем конгрессе принимают поправку, гласящую: «языком Республики является французский язык» (ст. 2). Эта статья, теоретически предназначенная для противодействия влиянию английского языка на французское общество, служит в основном препятствием для любого существенного развития региональных языков. Действительно, она оправдывает отказ Конституционного совета ратифицировать Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств (1995) и отмену Государственным советом протокола соглашения, которое предусматривало превращение школ *Diwan* в государственные (2002)¹⁹. Государство больше не проявляет активной враждебности к региональным языкам, как это было в прошлом, но в той демографической ситуации, в которой находится сегодня бретонский язык, блокировать любую возможность существенного прогресса вполне достаточно, чтобы способствовать его краху (Le Coadic, 2010:353-356).

В 1999 году, как мы видели, три четверти носителей бретонского языка были старше пятидесяти и каждый второй – старше шестидесяти лет. Как следствие, за прошедшие с тех пор десять лет число носителей языка сократилось, попросту за счет ухода из жизни стариков. По данным Ф. Брудика, основанным не на общенациональном обследовании 1999 года, а на одном из предыдущих опросов, «в 1997 году две трети носителей языка были старше 60 лет. По оценкам, к 2007 году 46% из них, т.е. около 83 тысяч человек, умерли. За это же

---

¹⁶ Имеется в виду закон 75-620 от 11 июля 1975 года об образовании, называемом законом Аби, по имени Министра образования Франции Рене Аби.

¹⁷ 1970-е годы также отмечены накалом борьбы активистов бретонского движения за автономию и независимость, а также частыми взрывами террористического характера.

¹⁸ Сертификат Профессиональной Пригодности к преподаванию в школах второй ступени – профессиональный диплом, получаемый после прохождения конкурса и дающий право своему обладателю стать титулованным преподавателем коллежа или лицея.

¹⁹ Решение Государственного Совета №248192-248204 – Заседание 28 октября 2002 года, в редакции от 29 ноября 2002 года.

время двуязычные школы окончили 9 тысяч учащихся, чего явно недостаточно для восполнения потери» (Broudic, 2009:73). Учитывая, что доля носителей языка старше 60 лет непрерывно возрастает и составляет на сегодняшний день не менее 70%; что только 2 % жителей Нижней Бретани в возрасте от 20 до 39 лет говорят по-бретонски (Broudic, 2009:66) и что рост численности учащихся в двуязычных классах сокращается, можно прогнозировать лишь стремительное ускорение падения числа носителей языка.

Попытка прогноза

Основываясь на результатах общенационального исследования 1999 года, Бретонский культурный центр сделал попытку прогноза изменения численности носителей языка до конца XXI века. Исходя из констатации того факта, что ежегодные потери вплоть до 2020 года составят от шести до шести с половиной тысяч носителей, а также на анализе возможных способов пополнения их рядов, исследователи разработали три возможных сценария²⁰, представленные ниже в виде таблицы.

	Численность учащихся в двуязычных классах	Доля выпускников двуязычных классов, сохраняющих языковую практику после окончания школы	Новые взрослые носители языка	Число носителей языка к концу XXI века
Благоприятный сценарий: «поддержание языка»	Растет быстрыми темпами	75 %	Численность растет	250 000
Средний сценарий: «плывем по течению»	Прирост численности сокращается	33 %	400 человек в год	70 000
Неблагоприятный сценарий: «отток»	Прирост численности резко сокращается	20 %	«Мало»	20 000

²⁰ Ofis ar brezhoneg. 2007. «La langue bretonne à la croisée des chemins». <http://www.fr.opab-oplb.org/46-situation-de-la-langue.htm>.

Авторы доклада – которые, заметим, считают передачу языка в семье статистически пренебрежимой – полагают, что «наблюдаемые в настоящее время тенденции позволяют прогнозировать развитие бретонского языка на промежуточном уровне между неблагоприятным и средним сценарием», т.е. число его носителей к концу века будет составлять от 20 до 70 тысяч человек. Насколько этот мрачный прогноз соответствует общественным представлениям о будущем языка?

Чтобы повернуть вспять тенденцию языкового сдвига, нужно, прежде всего, осознать ее реальные масштабы. Защитники бретонского языка бьют во все колокола уже много лет, и, похоже, к концу 1990-х годов их услышали региональные депутаты. Об этом свидетельствует создание Бретонского культурного центра в 1999 году (он стал государственным в 2011), а также единогласно принятый в 2004 году двуязычный документ, определяющий региональную языковую политику, в котором, в частности, говорится: «Региональный Совет Бретани официально признает, наряду с французским, бретонский и галло как языки Бретани» – текст, имевший реальные последствия. Тем не менее, несмотря на все эти меры, часть населения все еще не осознала серьезность ситуации. Некоторые бретонцы, например, отказываются даже представить себе, что их язык может в один прекрасный день исчезнуть.

Давид (37 лет, рабочий, Финистер, интервью записано в 2002 году): Бретонский было бы, конечно, жаль... Но люди будут... Нет, нет, это невозможно! Невозможно представить себе, что бретонский язык может вот так взять и исчезнуть. Это невозможно!»

Опросы общественного мнения также обнаруживают подобные нереалистичные представления. Так, по данным опроса 2003 года, 29,8% бретонцев были «уверены» в будущем языка²¹. Это, конечно, меньшинство населения, но не пренебрежимо малая величина. Кроме того, поразительно, насколько эта уверенность зависит от возраста опрошенных: ее выражают 25,7 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и 33,4% среди тех, кому за 60. Такое впечатление, что пожилым людям, всю жизнь говорившим на языке, труднее представить

---

²¹ TMO-*Régions*. 2003. Опрос, проведенный по инициативе Р. Ле Коадика по заказу газеты Уэст-Франс, Регионального совета Бретани и Банка Креди Мютюэль (Бретань). Квотная выборка составила 1300 человек (тысяча – в административном регионе Бретань и триста человек в департаменте Атлантическая Луара).

себе его исчезновение, нежели молодым, выросшим в среде, где язык представлен слабо. Можно вспомнить в этой связи слова Дж. Фишмана по поводу эффективности взаимодействия со старшими поколениями: «Тысячам «ветеранов», присутствующих на первоклассно организованном конкурсе знатоков языка “икс”, трудно поверить в то, что на следующее утро этот язык будет не в лучшем состоянии, чем накануне» (Fishman 1991, 398). Другой формой ухода от реальности, свойственной отнюдь не только пожилым людям, является нежелание вообще задумываться о будущем, чтобы не предвидеть худшее. Эта страусиная политика достаточно распространена – я могу это утверждать, хотя у меня и нет точных цифр, – среди лиц, очень дорожащих бретонским языком и отказывающихся взглянуть в лицо проблеме и оценить размеры риска, чтобы «не думать о грустном». Возможно, это не лучшее решение, и правильное было бы, напротив, представить себе самый худший вариант, чтобы попытаться избежать его с помощью наиболее подходящих мер.

Что же делать? Прежде всего, позаботиться о качестве.

Специалистам известны проблемы, связанные с качеством языка у выпускников двуязычных школ: ошибки в синтаксисе, грамматике и особенно произношении (Broudic, 2011; Madeg, 2010; Robin, 2008; Le Ruyet, 2009)), однако эти проблемы сравнительно мало обсуждаются в обществе. Источники их, вполне понятные, можно разделить на три группы: слабый уровень внутрисемейной передачи языка; почти полное отсутствие бретонского в повседневной жизни, где абсолютно доминирует французский; а также уровень компетенции преподавателей бретонского языка. Последние, при всей преданности своей работе, обычно имеют те же трудности, что и их ученики: воспитанные с рождения на французском языке и продолжающие жить во франкоязычной среде, они не всегда могут четко провести границу между двумя языками: французским и бретонским. Эту ситуацию можно было бы исправить на разных уровнях: до начала преподавания, увеличив число часов, отводимых на изучение языка в программах университетов и центров подготовки учителей; и после, с помощью программы языковой стажировки для лиц, прошедших по конкурсу на должность преподавателя в двуязычных классах, а также регулярных курсов повышения квалификации учителей на протяжении всей их трудовой деятельности. Такое повышение языковой компетенции, основанное на серьезном анализе уровня языковой подготовки преподавателей, могло бы, вероятно, принести свои плоды. Однако не все зависит от учителей.

Дж. Фишман скептически относится к идее сохранения языков меньшинств с помощью общения молодежи с представителями старшего поколения. Он оценивает ее как успокоительное заблуждение (Fishman 1991, 397). Воздействие такого общения на динамику возрождения языков меньшинств, действительно, рискует быть не слишком эффективным: мы видели, что способность к реальной оценке языковой ситуации с возрастом сокращается. Тем не менее, в случае с бретонским языком вовлечение старших поколений в общение с молодежью представляется в высшей степени желательным. Действительно, сегодня образовалась культурная пропасть между двумя типами носителей языка. «Спонтанные» носители (те, для кого бретонский – родной язык) – в основном люди пожилые, малообразованные, сельские жители, в социальном плане – фермеры, рабочие или ремесленники. Язык, на котором они говорят, богат, музыкален и смачен. Они прекрасно владеют его синтаксисом, но не умеют на нем ни читать, ни писать, а их словарь мало подходит для реалий современной жизни. Напротив, «сознательные» носители – те, кто выучили язык (или чьи родители выучили его) – в основном молодые люди с высшим образованием, горожане, специалисты или работники третьего сектора. Их отличают широкий словарный запас и точное словоупотребление, они умеют читать и писать по-бретонски, но их синтаксис и речевые интонации часто оставляют желать лучшего. Контакты этих двух миров в лингвистическом отношении могут быть очень плодотворны, но в социальном отношении не всегда просты, поскольку их представители – выходцы из разных слоев общества – обладают разными социальными кодами. Существуют различные частные инициативы – например, встречи в школах, проект «искатели памяти», реализуемый уже шестой год в департаменте Финистер, а также несколько обучающих программ с участием представителей разных поколений, открытых для всех желающих. Тем не менее, учитывая, с одной стороны, проблему качества языка, а с другой – предсказуемые демографические изменения, наведение и укрепление мостов между этими двумя мирами должно рассматриваться как неотложная необходимость и приоритетная задача для будущего бретонского языка. Однако и это не самый главный приоритет. Задача номер один – поднять уровень внутрисемейной передачи языка. «Снова и снова сторонники обращения вспять речевого сдвига должны напоминать самим себе, что их цель – межпоколенная передача родного языка» (Fishman, 1991:12). Мы видели, как сильно упал уровень межпоколенной передачи. Мы также видели, что в 2007 году

только 2% жителей Нижней Бретани в возрасте от 20 до 39 лет говорили на бретонском языке. До настоящего времени общественное движение в поддержку бретонского языка прилагало все усилия к тому, чтобы язык нашел свое место в школе, в средствах массовой информации и в общественной жизни. Перед лицом государства, замыкавшего языки меньшинств (так же как религии или любые другие проявления культурной отличительности) в сфере частной жизни, где они задыхались, это было полезным. Тем не менее, сегодня мы стоим перед новым вызовом, перед необходимостью преодолеть еще одну преграду – а именно, возобновить передачу языка в семье. Для этого могут быть организованы информационные кампании, финансируемые территориальными сообществами, или установлены стипендии для родителей учеников двуязычных школ, которые сами захотят изучить бретонский язык. Наконец, можно инициировать общественное обсуждение возможного усиления «домашне-семейно-соседского сообщества, (которое) представляет собой ядро всего процесса межпоколенной трансмиссии языка», как справедливо отметил Дж. Фишман (Fishman, 1991:398).

Заключение

У бретонского языка на протяжении его истории было несколько врагов. Внешний враг – французское государство, в значительной мере базирующееся на общезападном языковом единстве – конечно, сыграл свою роль. Но существует и внутренний враг – сами бретонцы, подчинившиеся государственной идеологии монолингвизма, смирившиеся со своим коллективным положением угнетенного меньшинства и отказавшиеся от своего языка ради социальных выгод. Сегодня государство более не занимает враждебную позицию в отношении региональных языков как таковых. Оно лишь препятствует их возможной институционализации. Что же касается бретонцев, они сами становятся отчасти врагами бретонского языка, когда позволяют себе самоуспокоенность относительно его будущего, проявляют безразличие или недостаток инициативы. Нет спору, язык понес невосполнимые утраты, но еще не все потеряно: «к оценке успеха стоит подходить не с позиции абсолютных показателей, (...), но скорее с функциональной, ситуационной и контекстуальной точки зрения (...). Нет таких языков, для которых совсем ничего нельзя сделать» (Fishman 1991, 12).

Библиография

- AN DU, C. 2000. Histoire d'un interdit le breton a l'école. Lannion: Hor Yezh.
- BARÈRE, B. 1794. Rapport et projet de décret présentés au nom du comité de salut public, sur les idiomes étrangers, et l'enseignement de la langue française
- BLANCHET, P. 1995. « À propos de la pratique du breton de l'ancien régime à nos jours, de Fañch Broudic ». *La Linguistique* 31(2): 153-157
- BOËTTÉ, I. 2003. « Langue bretonne et autres langues : pratique et transmission ». *Octant* (92): 18-22
- BROUDIC, F. « L'opinion des Bretons sur leur langue ». <http://www.langue-bretonne.com/sondages/BretonOpinion.html> (Consulté juin 15, 2011)
- BROUDIC, F. 1993. « Évolution de la pratique du breton de la fin de l'ancien régime à nos jours »
- BROUDIC, F. 1995. *La pratique du breton de l'Ancien Régime à nos jours*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes (PUR)
- BROUDIC, F. 2009. *Parler breton au XXIe siècle : le nouveau sondage de TMO Régions*. Brest: Emgleo Breiz
- BROUDIC, F. 2011. *L'Enseignement du et en Breton*. Emgleo Breiz
- CHANET, J.-F. 1996. *L'école républicaine et les petites patries*. Aubier Montaigne
- DIECKHOFF, A. 1997. *La Nation dans tous ses états*. Flammarion
- FISHMAN, J. A. 1991. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. *Multilingual Matters*
- FLEURIOT, L. 1980. *Les Origines de la Bretagne : L'émigration*. Paris: Payot
- FLEURIOT, L. 1987. « Langue et société dans la Bretagne ancienne ». Dans *Histoire littéraire et culturelle de la Bretagne*, éd. Jean Balcou et Yves Le Gallo. Paris-Genève: Champion-Slatkine, p. 7-28
- GEMIE, S. *Brittany, 1750-1950: The Invisible Nation*. University of Wales Press, 2007
- HÉRAN, F., FILHON, A. et DEPREZ, Ch., 2002. « La dynamique des langues en France au fil du XXe siècle ». *Populations et société* (376): 1-4. См. в русском переводе: Эран Ф., Филон А., Депре К. Динамика языковой ситуации во Франции в XX веке. В кн.: Филиппова Е.И. Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. Сс. 150-155
- LAMBERT, P.-Y. 2010. « Le mirage des celtisants du XXe siècle: le "Celtique insulaire" »
- LE COADIC, R. 1998. *L'identité bretonne*. Rennes: Terre de brume et Presses universitaires de Rennes
- LE COADIC, R. 2001. « Langue et modernité ». *Klask* (7): 45-50
- LE COADIC, R. 2004. *La Bretagne dans 20 ans*. Brest: Éditions Le Télégramme

- LE COADIC, R. 2010. « La remise en question (1992-2000) ». Dans Histoire d'un siècle, Bretagne 1901-2000 : l'émancipation d'un monde, éd. Jean-Jacques Monnier. Morlaix: Skol Vreizh, p. 323-377
- LE GALLO, Y. 1987. « Basse-Bretagne et Bas-Bretons (1800-1870) ». Dans Histoire littéraire et culturelle de la Bretagne, éd. Jean Balcou et Yves Le Gallo. Paris-Genève: Champion-Slatkine
- MONNIER, J.-J. et Cassard, J.-Ch. (éd.) 1997. Toute l'histoire de Bretagne Des origines à la fin du Xxe siècle. Skol Vreizh
- MOSELEY, Ch. 2010. Atlas Des Langues En Danger Dans Le Monde. Spi. Paris: Unesco
- PIRIOU, Y.-B. 1971. Défense de cracher par terre et de parler breton. Poèmes de combats 1950-1970. Anthologie bilingue. Oswald Jean
- ROBIN, J.-D. 2008. « Priziadeg war ar brezhoneg miz even 2008. Klasoù CM2 divyezhek, Departamant Aodoù-an-Arvor. Renabl ha dielfennadenn ar mankoù pennañ ». Évaluation de la langue bretonne dans les classes de CM2 bilingues du département des Côtes-d'Armor. Inédit

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ НА КОРСИКЕ: итоги и перспективы

---

*Филипп Пестей*¹

Согласно официальному докладу «Языки Франции», подготовленному директором Национального института французского языка профессором Бернаром Черквиллини по заданию двух министерств – образования, науки и технологии и культуры и коммуникаций – в 1999 году в стране насчитывалось 75 региональных языков и языков меньшинств: 24 в метрополии и 51 на заморских территориях. Их межпоколенная передача, осуществлявшаяся раньше в основном в семье, повсеместно сокращается и сегодня происходит в первую очередь за счет преподавания и художественного творчества на этих языках. 13 из них² преподаются в государственных школах, в том числе и корсиканский. По количеству носителей, хотя и трудно оперировать точными цифрами на этот счет, корсиканский язык занимает, по оценкам, четвертое место среди региональных языков после окситанского, эльзасского и бретонского. Если же считать в процентах к численности населения, он выходит на второе, а то и на первое место со 120 тысячами носителей на 300 тысяч жителей

Вопрос о региональных языках, их признании, развитии, возможном преподавании и т. п. является предметом нескончаемых дискуссий в истории французской Республики. Хотя эти языки и сохранились на многих окраинах национальной территории, они никогда не пользовались благосклонностью правителей, сменявших друг друга у

---

¹© *Philippe Pesteil, Université de Corse Pascal Paoli, UMR CNRS Lisa 6240*

² Это баскский, бретонский, каталанский, окситанский, корсиканский, таитянский, гало, франкский, эльзасский, а также четыре меланезийских языка: аджиэ, дреху, ненгоне и паиси.

руля государства. Чтобы понять причины такого постоянства, сохранившегося на протяжении полутора веков (несмотря на заметные нюансы различных режимов), нужно напомнить об основах, заложенных еще Великой французской революцией. Затем мы рассмотрим различные формы преподавания региональных языков в рамках школьного образования, постепенный процесс их официального признания, обратимся к мнениям участников этого процесса и, наконец, попробуем нарисовать перспективу дальнейшего изменения ситуации.

Официальные рамки

Обзор политического контекста

Напомним вкратце историю региональных языков и их преподавания во Франции (и в частности – корсиканского языка), чтобы был лучше понятен контекст и суть дискуссий по этому поводу. Начнем рассказ с революции 1789 года. Корсика к этому времени была уже двадцать лет как выкуплена Францией у Наияснейшей Генуэзской Республики, но волнения и мятежи еще продолжались и окончательно утихли лишь к 1815 году. Поначалу отношение к региональным языкам было терпимым, о чем свидетельствует тот факт, что на них переводились законы и постановления, но потом ситуация изменилась в худшую сторону. Постепенно возобладала наиболее бескомпромиссная позиция, заключающаяся в стремлении сократить языковое многообразие населения страны. Во имя объединения нации и борьбы против феодализма был предписан переход на французский язык. Унификация языка и национальной системы образования рассматривались также как требование демократии: каждый должен был иметь возможность понимать и контролировать решения государства. В этот период языковой вопрос был поставлен ребром и стал предметом двух знаменитых докладов: Б. Барера и аббата Грегуара³. По мнению

---

³ Rapport du Comité de Salut public sur les idiomes, (8 pluviôse an II: 27 janvier 1794) par Bertrand Barère de Vieuzac et Rapport sur la nécessité et les moyens d'anéantir les patois et d'universaliser l'usage de la langue française, Par Grégoire, Séance du 16 prairial, l'an deuxième de la République, une et indivisible ; suivi du décret de la Convention nationale, imprimés par ordre de la Convention nationale, et envoyés aux autorités constituées, aux sociétés populaires et à toutes les communes de la République.

Текст документа доступен, в частности, на сайте: <http://www.tlfg-ulaval.ca/axl/francophonie>.

этих авторов, сохранение местных наречий противоречило установлению республиканских свобод, а потому целью Республики было их искоренение. Корсиканский язык был упомянут в этих документах как иностранный язык, испорченный вариант итальянского

Хотя эти тексты и утратили силу с затуханием революционного террора, они глубоко повлияли на сознание республиканцев, видевших в них ориентир для противодействия позиции жирондинцев, федералистов или монархистов. В дальнейшем языковой вопрос сошел с политической и идеологической авансцены. Французский язык распространялся и укреплял свои позиции по мере централизации и урбанизации. В период между правлением Наполеона I и Наполеона III (1802-1871) мало что было сделано для искоренения или, напротив, сохранения региональных языков, и вообще не было какой-либо специальной языковой политики. Такая политика, весьма суровая, появилась лишь с установлением Третьей Республики (1870-1940). Законы Ферри (1881) ввели в стране единое всеобщее обязательное школьное образование, что сделало невозможным преподавание региональных языков. Учителя, прозванные «черными гусарами Республики», как правило, сурово карали учеников за использование «диалектов» в школе. Наказания, в том числе телесные, другие формы унижения – все это должно было сделать использование местных наречий постыдным и презренным в глазах молодого поколения. Статья 14 Указа от 6 января 1881 года предписывала использовать в школах только французский язык. Политическим и идеологическим смыслом этого установления была борьба с влиянием церкви (антиклерикализм), прежде всего – в сельской местности, а также с ее позицией приспособления к местным языкам, а то и их поощрения.

Ни претензии муссолиниевской Италии на Корсику, поддержанные некоторыми регионалистами; ни постановление правительства Виши от 12 декабря 1941 года, разрешавшее факультативное преподавание «местных говоров» в начальной школе не способствовали изменению недоверчивого отношения республиканцев к региональным языкам, по-прежнему считавшимся архаичными и реакционными. Начало смягчения языковой политики связано с законом Дейксона от 1951 года, который стал официальным признанием существования региональных языков и позволил организовать, хотя и в крайне усеченном виде (два часа в неделю, не обязательно ни для ученика, ни для учителя, ни для школьной администрации), их преподавание в системе государственной школы. Закон касался только четырех языков: бретонского, окситанского, каталанского и баскско-

го. Его положения были распространены на корсиканский язык лишь в 1974 году в ответ на подъем регионалистского движения и на упорные требования общественных организаций. Длительное исключение корсиканского языка из системы образования объяснялось наличием нескольких локальных вариантов, некодифицированностью языка, а также сохраняющимся представлением о том, что корсиканский – это всего лишь «испорченный итальянский». К этому мы еще вернемся. В 1975 году закон Аби (дополненный в том же году законом Ба-Лориоль) сделал решающий шаг, постановив, что «Преподавание региональных языков и культур может осуществляться на всем протяжении школьного обучения» (ст. 12).

В настоящее время преподавание региональных языков во Франции регулируется Образовательным кодексом, принятым в 2000 году. К ранее существовавшему положению о преподавании региональных языков на всем протяжении школьного обучения в нем добавлены следующие уточнения, утвержденные в 2005 году законом Фийона об образовании: «... в форме, определенной путем соглашения между государством и территориальными образованиями, где используются эти языки»; «учителю разрешено использовать региональный язык в начальной школе и дошкольных образовательных учреждениях⁴ во всех случаях, когда это идет на пользу преподаванию, в частности, при изучении французского языка»; «корсиканский язык – учебный предмет, преподаваемый в общей сетке часов дошкольных учреждений и начальных школ на Корсике» (статьи L312-10, 11, 11-1).

В русле общей государственной политики Корсика с 1982 года идет по пути ускоренной децентрализации. На четыре года раньше других регионов, в 1991 году, она стала полноправной территорией местного самоуправления (СТК – Самоуправляемая Территория Корсика) с особым статусом, компетенциями и ресурсами, а также с собственным политическим органом – Ассамблеей Корсики. К ее компетенции отнесены, в частности, в сфере образования: распределение учеников по школам в соответствии с местом их жительства, а также строительство и финансирование колледжей и лицеев⁵. К сфере совместного ведения с государством относятся вопросы университетского образования и профессиональной подготовки для взрослых,

---

⁴ Во французской образовательной системе «начальная школа» состоит из двух ступеней: «материнская школа» (фр. *école maternelle*), необязательная, для детей от 3 до 6 лет и «элементарная школа» – от 6 до 11 лет. – прим. перев.

⁵ В колледже учатся дети с 11 до 14 лет, в лицее – с 14 до 17 – прим. перев.

сохранения культурного наследия и корсиканского языка.

Но французский парламент и Ассамблея Корсики – не единственные игроки на этом поле: Совет Европы представляет собой еще один, более высокий законодательный уровень. В 1992 году он принял Европейскую Хартию региональных языков и языков меньшинств, узаконивающую «неотъемлемое право использовать региональные языки в частной и общественной жизни». Представители Франции пытались помешать принятию этого документа, который, тем не менее, был принят большинством государств-членов Совета Европы. Однако официальное признание языков остается прерогативой государств, и Лиссабонская стратегия не дает Европе компетенций в этой сфере. Наконец, с 2010 года СТК является членом Сети развития языкового многообразия (NPLD)⁶.

Ратификация и имплементация европейских норм наталкивается на важную проблему их соответствия ныне действующей французской Конституции 1958 года. Первая статья Конституции гласит: Франция – единая, неделимая, светская, демократическая и социальная Республика. Она гарантирует равенство перед законом всем своим гражданам вне зависимости от происхождения, расы или религии». Вторая статья дополняет и уточняет: «Языком Республики является французский». 21 июля 2008 года в Конституцию было внесено дополнение: согласно статье 75-1, «региональные языки принадлежат к культурному наследию Франции». Первоначальный проект поправки предполагал ее включение в текст статьи 2, но Сенат отклонил это предложение, желая сохранить приоритет французского языка как языка Республики, а также опасаясь открыть зеленую улицу требованиям признания частичных идентичностей и коммунитаризму. Кроме того, французское государство признает регионы, но не признает меньшинств на своей территории⁷. А ведь именно последние защищены международными документами, исходящими от ООН и Юнеско, касающимися языковых и иных меньшинств и их прав. Признание Францией меньшинств повлекло бы за собой обра-

---

⁶ См : files.eke.org/pdf/topaketen.../reseau_npld. и <http://ec.europa.eu/education/languages/languages-of-europe/doc139>.

⁷ Единственным исключением являются Зоны приоритетного внимания к образованию и Свободные экономические зоны – временные территории, создаваемые и упраздняемые государством в зависимости от экономических потребностей и в интересах населения, не имеющего исторических корней на территории страны.

шение в международные инстанции различных групп населения страны, требующих признать их исторические права.

Таким образом, могущий показаться несущественным вопрос о региональных языках, их признании и распространении затрагивает самые основания Французской Республики, определенные в основополагающей декларации 1789 года и остающиеся незыблемыми вопреки всем превратностям истории. Государственный монолингвизм неразрывно связан с утверждением французского универсализма, а всякое внимание к местной специфике и культурным отличиям, дошедшим из дореволюционной эпохи, воспринимается как угроза национальному единству. Французский язык является скрепляющим цементом для людей и групп населения с разными историями и разным социальным статусом. В тот самый момент, когда остро стоит вопрос об интеграции недавних мигрантов, о действенности «республиканского пакта», открытие «второго фронта» с региональными языками может оказаться чрезвычайно рискованным и политически опасным решением.

Рассмотрев политические и административные рамки проблемы, обратимся теперь к системе школьного образования.

Корсиканский язык в системе местных институтов

Основополагающими текстами, проливающими свет на политику улучшения системы образования и профессиональной подготовки, являются Белая книга, принятая Европейской Комиссией в 1996 году, и Лиссабонская Стратегия, выработанная в 2000 году Евросоюзом. В этих документах открыто провозглашаются в качестве целей многоязычие и многокультурность. В 2005 году СТК избрала три стратегических направления деятельности в рамках Совета по корсиканскому языку и культуре: сохранение межпоколенной передачи языка в семье, определение места и функций корсиканского языка в современном корсиканском обществе; определение необходимых средств и организационных мер для поддержания развития использования языка во всех сферах. Так появилась Хартия корсиканского языка, адресованная предприятиям, муниципальным органам власти, общественным организациям и т.п. и ставящая своей целью вывести корсиканский язык из школьных стен, обеспечив его присутствие в публичном пространстве. Хартия включает 29 предложений по использованию корсиканского языка (вывески, прием населения...), разделенные на три уровня: каждая организация может выбрать для себя 5, 10 или 15 пунктов, из которых соответственно 1, 5 или 11 –

обязательных, в отношении которых она беретса соблюдать требование двуязычия. На момент написания этой статьи Хартию подписали 85 муниципалитетов⁸.

В сфере преподавания языка СТК получила большую свободу действий, что сделало возможным существенное продвижение вперед. Создание Управления корсиканского языка, открытие двуязычных классов, выделение средств из бюджета СТК и тому подобные меры способствуют полноценной реализации масштабной политики. Программа «Корсиканский язык 2011-2014» ставит задачу добиваться придания корсиканскому языку официального статуса. В сфере образования сформулирована цель: организовать доступ к двуязычному обучению для всех детей, посещающих школу. На момент написания статьи (2012-2013 учебный год) посещали занятия по корсиканскому языку 72% учеников 6 класса⁹, 50% учеников коллежей и 20% лицеев; 12% учеников коллежей получали образование на двух языках.

1 июля 2005 года Ассамблея Корсики единодушно высказалась за признание «важности корсиканского языка как инструмента социальных связей, культурного наследия и ресурса развития Корсики». Это признание лежит в основе нынешней политики, определяющей действия по развитию языка в различных сферах, в частности, разработку академией Корсики¹⁰ школьной программы по корсиканскому языку. На базе этой программы будут определены два главных направления развития преподавания: образовательная стратегия, целью которой является открыть перед каждым учеником перспективу билингвизма и, возможно, плюрилингвизма (так называемое «экстенсивное обучение»), а также внедрение преподавания корсиканского языка и культуры на всех образовательных ступенях (паритетное двуязычное образование с равным количеством учебных часов для обоих языков). Финансовые затраты на реализацию поставленных целей потребуют увеличения кредитов на образование (предоставляемых совместно государством и регионом) более чем на 50% по сравнению

---

⁸ Чтобы дать представление о разнообразии организаций, примкнувших к Хартии, назовем некоторые из них: Сообщество коммун Коста Верде, Корсиканское Бюро по защите окружающей среды, Генеральный Совет департамента Верхняя Корсика, Спортивный клуб Бастья, Атлетический клуб Аяччо, Корсиканская шахматная лига, Корсиканское туристическое агентство и т.п.

⁹ Заключительный класс школы первой ступени – прим. перев.

¹⁰ Академией во Франции называется территориальное подразделение Министерства образования, отвечающее за организацию образования всех ступеней – от дошкольного до высшего – в своем регионе – прим. перев.

с периодом 2000-2006 годов. Однако обобщенные цифры, будь то число учащихся или учебных часов на всех уровнях, от начальной школы до университета, скрывают большое разнообразие реальных ситуаций и затрудняют понимание конкретных педагогических проблем.

Язык находится сегодня на Корсике в особой ситуации, когда и левые, и правые силы готовы вместе работать над сохранением и развитием этого общего наследия, опираясь на европейские установления. Передача регионам широких полномочий, особенно в сфере наследия и культуры, а также финансовых ресурсов, делает не столь существенным отказ Франции от ратификации Европейской Хартии региональных языков, под некоторыми статьями которой она, к тому же, все-таки поставила свою подпись¹¹. Президент Ф. Олланд в ходе своей избирательной кампании обещал ратифицировать Хартию, и Министерство Культуры, по некоторым сведениям, готовит соответствующий закон. Однако на местном уровне остается важное административное и статусное препятствие: СТК не обладает юридическими средствами, соответствующими ее амбициозным планам. Персонал образовательных учреждений находится в подчинении национального Министерства образования и обязан действовать в соответствии с национальным законодательством. Самоуправляемая территория может влиять на содержание школьных программ, на финансирование, но она не обладает всей совокупностью необходимых полномочий в сфере образования и профессиональной подготовки.

Статус, которым обладают другие региональные языки, может сегодня послужить примером для политиков, так же, как раньше он вдохновлял активистов культурного движения: «В Европе есть заводы – каталонцы, например, всегда на шаг впереди» – сказал нам один из учителей.

Какой билингвизм нам нужен?

Реалии глоттополитики

Долгое время в лингвистике господствовала жесткая пирамидальная классификация языков. Ей на смену пришел новый взгляд, основанный на представлениях о глоттополюке, т.е. учитывающий «различ-

---

¹¹ Другие европейские страны, не ратифицировавшие Хартию: Ирландия, Португалия, Бельгия, три Балтийских государства, Болгария, Греция и, наконец, Мальта, подписавшая Хартию. Отметим, что французский язык находится под защитой Хартии в Италии.

ные осознанные или неосознанные способы воздействия общества на речевые практики» – язык, речь и дискурс – и позволяющий «выявить те случаи, когда такое воздействие принимает политический характер» (Marcellesi, Guespin 1986:5). Корсиканский язык долго оставался исключительно устным, в то время как письменным языком, языком науки и управления на острове был итальянский, или вернее – тосканский, который позже станет языком-крышей для будущего итальянского. Действие закона Дейксона не было распространено на корсиканский язык, поскольку он считался в тот момент диалектом итальянского языка. Хотя в рамках этой статьи невозможно подробно рассказать о длительных дискуссиях, предшествовавших признанию корсиканского полноправным языком и началу его преподавания, необходимо все же кратко резюмировать «основные теоретические достижения» (Fusina 1994:142) на этом пути.

Сегодня чаще всего корсиканский язык определяется понятием *полиномический*¹², хотя общепризнан факт постепенного сокращения расхождения между его вариантами. Современный контекст бытования языка, в котором разворачиваются все усилия по его поддержке, характеризуется термином *диглоссия*. Это означает, что два языка, сосуществующие на территории Корсики, в силу исторических и политических причин обладают разным социальным статусом и выполняют разные функции: французский является доминирующим языком, а корсиканский – подчиненным, или непризнанным¹³ (этот термин в последнее время употребляется охотнее, чем «язык меньшинства»). Термин *диглоссия* содержит указание на статусное неравенство двух языков, в отличие от термина *двуязычие*, или *билингвизм*.

Корсиканский язык входит, наряду с итальянскими диалектами: тосканским, сардинским и сицилийским, – в итало-романскую (или тиррено-романскую – Chiorboli 1991:5) подгруппу романских языков, объединяющую диалекты, основанные на латинском субстрате. Каждый из них за долгие годы своего развития приобрел характерные

¹² *Полиномическим языком* называют совокупность языковых вариантов, имеющих отличия в фонетике, синтаксисе или морфологии, но воспринимающихся их носителями как обладающие выраженным единством. Этот концепт впервые предложен лингвистом Ж.-Б. Марчеллези именно применительно к корсиканскому языку – прим. перев.

¹³ Фр. *langue minorée* – ограниченный, непризнанный, недооцененный, приниженный – прим. перев.

черты, отличающие его как от исходной латыни, так и от других языков подгруппы.

Требования нормализации корсиканского языка по образцу французской модели долгое время были препятствием и аргументом противников его преподавания. В результате возобладала позиция сохранения диалектных вариантов, которые могут в дальнейшем развиваться в ходе контактов и обменов между ними. Это решение позволило отказаться от иллюзорных и дискриминационных попыток создания «чистого» корсиканского языка, который должен был вытеснить «неправильные» и «искаженные» варианты, и его идеального носителя. Сами корсиканцы тоже долгое время верили в то, что их язык есть ничто иное как диалект итальянского, причем считалось, что север острова говорит на тосканском, а юг – на сардинском диалекте. Наличие двух вариантов (полиномия) считалось доказательством того, что корсиканский – не язык, а местное наречие¹⁴. Понадобилось много времени, чтобы пересмотреть отношение к нормализованным языкам и принять то, что считалось недостатком, как достоинство.

Сегодня в корсиканском языке различают: северный вариант (с особенностями, распространенными на мысе Кап-Корс); так называемый переходный вариант в центральной части острова (Порто, Аяччо, Фиуморбу); южный вариант (Тараву) и сартенский вариант (Сартена, Порто-Веккьо). Внутри каждой из этих зон существуют внутренние особенности (в том числе лексические), что позволяет определить географическое происхождение говорящего. Напряженность, встречавшаяся между носителями этих разных вариаций корсиканского языка в 1970-1980-е годы, постепенно сходит на нет в результате смены поколений и распространения местных говоров средствами массовой информации.

В сфере орфографии, долгое время служившей камнем преткновения для преподавания и передачи письменной формы языка, также был найден спасительный консенсус. На морфосинтаксическом уровне были выявлены «лингвистические особенности корсиканского языка, являющиеся результатом взаимодействия между правилами и практикой применения» (Chiorboli 1991:185). К услугам населения, желающего получить или углубить свои познания в корсиканском языке, различные методики обучения, книги, словари, цифровые носители. Рассмотрим теперь, как в реальности обстоит дело с корсиканским языком.

---

¹⁴ Фр. *patois* – прим. перев.

Социокультурное развитие

Если в начале XX столетия различные исследования показывали, что практически 100% населения Корсики говорило по-корсикански, то в дальнейшем ситуация изменилась в сторону сокращения языковой практики. В 1982 году исследование INSEE выявило, что 70% жителей острова (и 96% рожденных на острове) понимали корсиканский язык, причем 86% регулярно говорили на нем. Сегодня для многих молодых людей на острове корсиканский не является родным языком, большинство выучило его в возрасте после 18 лет, будучи активистами корсиканского движения либо просто находясь в поисках идентичности. Согласно опросу учащихся лицея Бастии¹⁵ (*L'Express*, 21 июня 2001), у 63% по-корсикански говорили бабушки и дедушки, у 60% – родители, и только у 13% – братья и сестры. Сегодня, в отсутствие достоверных данных, доля населения, еще говорящего на корсиканском языке, оценивается в интервале от 20% до 70%, что дает широкие возможности манипулирования этими весьма приблизительными цифрами. В официальной сфере люди чаще говорят по-французски, чем по-корсикански. Имеет значение и пространственно-географический фактор: в сельской местности язык сохраняется гораздо лучше благодаря высокому уровню социальной однородности населения и выраженному преобладанию местных уроженцев.

Оценить число носителей языка особенно сложно потому, что во Франции нет так называемой этнической статистики¹⁶, а владение языками меньшинств пока еще в значительной мере связано с происхождением носителей. Старение населения, в большинстве своем говорящего по-корсикански, является объективным фактором, связанным с низким уровнем рождаемости на острове, население которого растет только за счет миграции. На Корсике каждый десятый житель сегодня – иностранец. В порядке убывания наиболее крупные категории: марокканцы, португальцы, тунисцы. Существует очень мало цифр или исследований, характеризующих языковую компетенцию таких категорий населения, как иностранцы, натурализованные французы, французы с континента, проживающие на острове. Очевидно, что для иностранцев, не владеющих французским языком, приоритетом является изучение доминирующего языка, а не регионального языка, который используется только корсиканцами в обще-

---

¹⁵ Столица департамента Верхняя Корсика – прим. перев.

¹⁶ Эта позиция была еще раз подтверждена решением Конституционного Совета n° 2007-557 DC от 15 ноября 2007 г.

нии между собой. Примером может служить языковое поведение иммигрантов из Марокко. Взрослое население из их числа слабо владеет корсиканским языком. Диалектный арабский язык сохраняется в семьях вплоть до третьего поколения, знание французского становится основной целью и быстро прогрессирует, тогда как владение корсиканским языком, в том числе у поколения родившихся на Корсике и, следовательно, французов по рождению, не растет (Géa 2006:5). Проблема эта очень деликатная, и при ее обсуждении очень быстро становятся заметны идеологические позиции участников.

Но наличие «природных» носителей языка – не единственный фактор, влияющий на будущее языков меньшинств. Французский язык долгое время был, да и поныне в значительной мере остается «языком-кормильцем». С середины XIX в. многие корсиканцы делали выбор в пользу отъезда в колонии или на континент, теряя в результате язык и не передавая его своим детям. Разрыв между постоянным населением, не покидавшим остров с самого рождения и говорящим по-корсикански, с одной стороны, и корсиканцами, прожившими часть жизни за пределами Корсики, с другой способствовал углублению социальных и языковых различий. Близкое соседство и непосредственное общение разных социальных групп на протяжении длительного периода времени гарантировали языковую однородность населения острова. Аристократия и знать не могли отказаться от местного наречия, оно было необходимо для коммуникации с населением. Социальным различителем служил итальянский, устный и письменный, сохранявшийся на острове еще долгое время после его присоединения к Франции. Вплоть до 1850-х годов даже акты гражданского состояния мэры коммун зачастую писали по-итальянски, не говоря уже о различных документах частного характера – договорах, расписках, завещаниях.

По мере вытеснения итальянского новым господствующим языком стратегией корсиканской элиты, а затем и буржуазии в целом, стал частичный или полный переход на французский, а в дальнейшем урбанизация способствовала быстрому переходу на французский всего населения. В начале XX века типичной была ситуация, когда в одной семье прадеды и прабабки говорили только по-корсикански, деды и бабки были двуязычны, причем корсиканский был для них родным языком, отец и мать понимали по-корсикански, но не говорили на этом языке, а их дети знали только один язык – французский.

Лингвист Клод Ажеж уверен: «стыд за свой собственный язык, престиж языка иностранного объясняют смерть языков» (Hagège 2000).

Говорить на корсиканском языке детям запрещали не только в школе, но и дома, считая такую меру необходимым условием совершенного владения французским, а значит – гарантией их социального роста.

Движение за возвращение к культурным истокам (*Reacquistu*) во многом способствовало дестигматизации корсиканского языка, превратив его из пастушеского наречия и диалекта итальянского в полноценный язык – носитель культуры и идентичности народа. Агропасторализм, сельская община, архетипы бандита и мятежника были возведены в ранг вечных ценностей, а корсиканский язык стал главным культурным отличием, которое следовало защитить от унифицирующей политики Франции. Лишившись традиционных каналов социального продвижения за пределами острова (с потерей Францией своих колоний), мелкая сельская и городская буржуазия сменила свои идеологические ориентиры и вновь обратила внимание на местные ресурсы и сельскохозяйственные занятия. Образ не сдающегося языка (характерные лозунги: «потерянный язык – потерянный народ» или «смерть языка – смерть народа») вдохновлял активистов культурного и политического движения, как легального, так и подпольного, начиная с 1976 года. А после открытия в 1981 году университета на Корсике требование билингвизма стало лейтмотивом требований националистов.

Итак, из языка, на котором в начале века говорило все население острова, на тот момент в основном сельскохозяйственное и живущее в предгорьях, корсиканский стал языком населения городов и пригородов, занятого преимущественно в третьем секторе.

Итоги деятельности двуязычных школ

Обзор механизмов преподавания

Охарактеризуем кратко существующие на сегодня основные формы и механизмы преподавания языка. В дошкольных учреждениях (дети от 3 до 5 лет) предусмотрено «погружение в язык» без строгого указания количества часов. Организация занятий зависит от способности и желания учителя. В начальной школе при общей учебной нагрузке 26 часов в неделю двуязычная программа допускает языковой паритет: 13 часов преподавания на французском и 13 часов на корсиканском языке, причем на нем могут преподаваться все предметы, включая французский язык. Чаще всего на корсиканском языке и с уклоном в региональную специфику преподаются предметы художественно-артистического цикла, но чтобы использовать столь

большое количество часов, потребуется перейти к преподаванию на корсиканском и других предметах, не имеющих регионального аспекта. Судя по имеющейся школьной отчетности, около 23% учеников начальной школы посещают двуязычные классы. Во время итогового контроля успеваемости по окончании курса начальной школы ученики некоторых двуязычных классов на Корсике получают более высокие средние оценки по сравнению с общенациональным уровнем. Это влияет на увеличение количества родителей, желающих отдать своих детей в такие классы.

В «обычных» (не двуязычных) классах начальной школы с 2002 года все ученики в обязательном порядке должны посещать три часа корсиканского языка в неделю. Долгое время этому требованию следовали не везде, многое зависело от готовности и желания учителя. Результаты подобного преподавания были неудовлетворительными: по некоторым данным, дети, посещающие «обязательные» уроки корсиканского языка знают его хуже, чем те дети, которые вообще не посещают никаких уроков (устное сообщение С. Кено). Парадоксальным образом доля учителей, владеющих корсиканским языком, не растет, а уменьшается¹⁷. Трудности организации преподавания, неудобное расписание уроков, желание снизить нагрузку на учащихся – все это ведет к тому, что на всем протяжении средней школы (коллеж и лицей) численность изучающих корсиканский язык сокращается.

В средней школе двуязычное преподавание также существует, но, похоже, преподаватели не очень в нем заинтересованы. Распространение двуязычия на все учебные дисциплины налагает более высокие обязательства на школу и требует дополнительных людских ресурсов. Исследования на местах выявляют классическую диглоссию в использовании языков: корсиканский чаще используется в неформальном общении между учителем и учениками и реже – при объяснении материала и ответах учащихся. В целом с преподаванием корсиканского языка в средней школе дело обстоит хуже, чем в началь-

---

¹⁷ Например, даже владеющие корсиканским языком учителя иногда не заявляют об этом и не требуют присвоения им соответствующей квалификации, не желая увеличения нагрузки. В результате школы вынуждены приглашать учителей корсиканского языка со стороны, что не всегда гарантирует должное качество преподавания. В некоторых случаях даже после присвоения квалификации, дающей право преподавания корсиканского языка или на корсиканском языке (наличие такой квалификации открывает перед учителем лучшие перспективы служебного роста), учитель на практике не осуществляет двуязычное преподавание.

ной. Помимо формальных знаний, необходимых для перехода из класса в класс или для получения диплома, следует также учитывать использование языка в реальной жизни, которое остается слабым. Принцип педагогической свободы преподавателя в выборе языка обучения зачастую ограничивается многочисленными объективными препятствиями: такими как реальное знание корсиканского языка самими учителями, недостаток учебных пособий и т. п. С недавних пор учебники не просто переводят на корсиканский язык, но и приспособливают их к нуждам двуязычного преподавания, уделяя больше места истории, географии, природе Корсики.

В университете существует полный курс корсиканского языка и культуры (один год в рамках докторантуры), а также преподавание корсиканского языка как предмета, обязательное для всех студентов. На младших курсах предлагается 72-х часовой курс, по завершении которого студент получает сертификат. Этот курс не позволяет выучить язык «с нуля», но дает некоторые базовые знания, которые в дальнейшем могут побудить студента продолжить его изучение.

Накопленный опыт двуязычного преподавания еще недостаточен для того, чтобы оценить действенность тех или иных механизмов. Похоже, что быстрый рост возможностей для изучения языка не привел к столь же быстрому росту языковой компетенции населения. Сокращение численности учащихся на отделении корсиканского языка и культуры в университете, а также количества преподавательских ставок не сулят успеха амбициозной языковой политике. Ее возможности ограничены как на уровне законодательства, так и на практическом уровне.

Мнения участников процесса¹⁸

Важно узнать мнение о существующих механизмах двуязычного образования, его первых результатах и дальнейших перспективах «из первых рук», от непосредственных участников претворения официальных установлений в педагогическую практику. В целом можно сказать, что на смену длительному периоду сомнений пришел осторожный оптимизм, основанный на реальных достижениях.

Важные изменения наметились в семейном общении. Поколения родителей, рожденные в период или после движения *Reacquistu*, восприняли новый взгляд на корсиканский язык. Сегодня связь между

---

¹⁸ Мы благодарим г-на Т. Мариани и С. Кено – ответственных сотрудников Лингвистического совета при Управлении корсиканского языка, созданного в марте 2011 года.

передачей языка детям и сочувствием идеям националистов проследживается все меньше и меньше. Проникновение и утверждение корсиканского языка в СМИ способствовало снижению накала страстей: радио, телевизионные каналы (FR3, *Via Stella*), в меньшей степени – печатные СМИ на корсиканском языке пользуются все большим спросом среди населения. Похоже, в общественном сознании зреет убеждение в том, что корсиканский язык дети должны учить дома, а не в школе. В целом *«тот факт, что кто-то говорит по-корсикански, больше не дает основания судить о нем однозначно»*. Двухязычное образование привлекает родителей, которые считают, что владение несколькими языками открывает перед их детьми дополнительные социальные возможности: *«Двухязычный ребенок лучше успевает, в массе своей это так. Ребенку, который говорит на четырех языках, учеба дается гораздо легче, у него мозги работают лучше, у него выше способности к классификации»*

Это объясняет тот факт, что все большая доля семей, приехавших с континента, отправляет своих детей в двухязычные классы. Возможно, в таком поведении можно усмотреть, в духе постмодернизма, желание родителей создать у детей связь с определенной территорией и ее культурой. Перед лицом униформизации и культа потребления идентичность, символизируемая языком меньшинства, может скрывать в себе соблазн сопротивления мейнстриму. Что касается родителей-иностранцев, то они *«стремятся отдать детей в ближайшую к дому школу; если эта школа двухязычная, значит, дети будут учиться на двух языках; тут нет какого-то специального расчета»*.

На практике граница между двумя языками постепенно стирается. Контакты между населением из разных регионов создают навыки взаимопонимания: каждый говорит на своем языке и понимает язык другого. Как объяснил это один из наших собеседников:

«Прежнее поколение – те, кому было 70 тридцать лет назад, – испытывавшее на себе языковую ассимиляцию, ушло из жизни. Сегодняшние старики смотрят на вещи иначе, чем их родители, которым запрещали говорить по-корсикански. Затем идет наше поколение, поколение активных борцов, вовлекших в движение за возвращение языка массу симпатизирующих нам людей. С тех пор многие факторы изменились, сегодня, если человек учит язык или говорит на нем, о нем больше не скажут, что он националист, что корсиканский – это не язык Республики. За тридцать лет многое изменилось».

Однако есть одно обстоятельство, требующее к себе внимания: двуязычное образование, в том числе факультативное, в городской местности, а также школы с двумя отделениями – двуязычным и «классическим» – могут способствовать созданию или поддержанию сегрегации населения по этносоциальному признаку (Quenot 2010). Родители могут отдавать предпочтение двуязычному образованию, желая обеспечить этническую и/или социальную однородность среды, в которой будут находиться их дети. Введение обязательного преподавания корсиканского языка могло бы сделать невозможной эту стратегию избегания, но такое решение нарушает право свободы выбора, а потому является незаконным. Тот факт, что участники процесса двуязычного образования видят эту проблему и осознают ее важность, свидетельствует о большей открытости корсиканского общества и о готовности принять во внимание интересы не говорящих по-корсикански.

В целом участники языкового возрождения считают, что ситуация находится на подъеме, и признают достигнутый прогресс. Они ставят перед собой цель сделать двуязычными все учреждения дошкольного образования в 2013 году, а к 2030 году обеспечить возможность двуязычного обучения во всех школах острова. Сулит ли реализация этих планов превращение языка в основное средство общения между его носителями на всей территории острова, вне зависимости от их возраста и происхождения?

Что ждет нас в будущем?

Казалось бы, за последние годы многое изменилось, и все больше инициатив, направленных на поддержание корсиканского языка, исходит от школы и общества в целом. Тем не менее, будущее корсиканского языка, как и других региональных языков во Франции, не выглядит безоблачным, несмотря на все принимаемые меры как на официальном уровне, так и в практической жизни. «Естественный» корсиканский язык прежних поколений носителей вряд ли можно заменить «школьным» языком современной молодежи. Лингвист К Ажеж скептически оценивает благосклонность государства к региональным языкам:

Корсиканская идентичность, выражающаяся в корсиканском языке, заслуживает, на мой взгляд, всяческого уважения. Напротив, введение обязательного преподавания корсиканского языка по реше-

нию сверху кажется мне бесполезным, если оно не будет сопровождаться ускоренным экономическим развитием острова. Особенно в такой якобинской стране, как Франция. Вопрос о языках во Франции – очень серьезный вопрос. И когда якобинское государство предлагает меры в поддержку регионального языка, это наводит на разные мысли... (интервью журналу L'Express, 02.11.2000).

Это замечание может быть тем более справедливым, что сегодня принят специальный закон для защиты французского языка против «злоупотребления» английским (закон Тубона). Тем самым признается, что французский язык находится под угрозой на национальной территории, и что требуются неотложные меры в поддержку франкофонии. Могущество английского языка сильнее всего проявляется именно в том, что ему удается потеснить национальные языки на их собственной территории. Возьмем для примера ситуацию за пределами Франции, а именно в Ирландии.

Конституция провозгласила ирландский язык государственным и первым официальным языком в стране, английский считается вторым официальным. С самого обретения независимости реализуется активная и настойчивая языковая политика, но и сегодня, более полувека спустя, в стране остается 2% кельтоязычного населения, около 5% владеют языком на уровне, необходимом для уверенного поддержания разговора, 40% обладают пассивным знанием языка. Английский язык является родным для 95% ирландцев, а ирландский – только для 1,1% (от 60 000 до 70 000 носителей). К тому же носители языка неравномерно расселены по территории страны: в графствах юго-запада их гораздо больше, чем городах востока. Две трети ирландцев признаются, что говорят на «своем» языке менее одного раза в неделю или не говорят никогда. Эти невысокие результаты нельзя списать на отсутствие «государственной воли». Во всех школах ирландский и английский языки должны преподаваться с первого и до последнего года обучения. Однако реальное владение ирландским языком не соответствует 13 годам изучения его в среднем каждым учеником. Между тем, ирландцы продолжают принимать различные меры для поддержки кельтского языка, хотя большинство населения, похоже, не рассматривает его как средство коммуникации. Несмотря на символическое значение официального признания двуязычия и организацию преподавания языка, на фоне по-прежнему сохраняющихся языковых требований реальное владение языком продолжает сокращаться.

Даже если сравнение – не доказательство, ничто не гарантирует, что на Корсике не повторится тот же сценарий, какие бы меры не принимались в поддержку языка. Сегодня сфера его использования сужается, ограничиваясь функциями игры, экспрессии, а также временного отгораживания носителей языка от остальных (с целью скрыть смысл разговора от непосвященных), и все более отдаляется от «нормального» языкового поведения, свойственного говорящим на родном языке.

Школьного преподавания, следовательно, недостаточно. Есть определенные количественные достижения (рост числа двуязычных классов и количества учеников, изучающих корсиканский язык), но основное внимание должно уделяться качеству преподавания. Борцы за сохранение языка провозгласили своей целью создание механизма, делающего невозможным получение работы на Корсике без минимального владения корсиканским языком, удостоверяемого сертификатом. Но даже если бы это требование было реализовано, его невозможно было бы удовлетворить ввиду отсутствия необходимого числа людей с требуемой квалификацией. Тем не менее, создается все больше и больше рабочих мест, для занятия которых требуется знание корсиканского языка, что создает дискриминацию по языковому принципу внутри страны. Если корсиканский язык станет обязательным в начальной школе, это может привести к увольнению учителей, не владеющих этим языком или не желающих преподавать на нем. Таким образом, некоторые цели, сформулированные на уровне самоуправляемой территории, являются противозаконными, а значит, могут быть опротестованы органами власти национального уровня (например, Префектом) или правозащитными организациями, борющимися с дискриминацией (LDH, HALDE¹⁹). Не стоит забывать и о том, что вопрос о региональных языках, и особенно – вопрос их официального признания остается чувствительной проблемой для политических партий. Это ведет к расколу внутри правящих инстанций, где редко можно наблюдать единодушие правых и левых по данному поводу. Так, ассоциация Франция-Корсика настаивает на том, что официальное признание корсиканского языка наряду с французским является по сути антиреспубликанским, если не анти-

---

¹⁹ LDH - Лига по правам человека; HALDE - Верховная инстанция по борьбе против дискриминации и за обеспечение равенства – прим. перев..

французским, а также нарушает принцип равенства граждан²⁰. Только изменение Конституции могло бы положить конец этой ситуации, к которой государство в настоящий момент проявляет терпимость. Таким образом, как мы видим, вопрос о региональном языке влечет за собой вопрос о статусе острова внутри французского государства. Очевидно, стратегия, целью которой является усиление противоречий между центром и регионом, направлена на ускорение средствами языковой политики вялотекущих политических и административных изменений с опорой на зарождающийся в обществе консенсус по поводу необходимости сохранения языка.

Библиография

- CHIORBOLI J., *La langue des Corses ; notes linguistiques et glottopolitiques*, Bastia, JPC
- FUSINA J., 1994, *L'enseignement du corse ; Histoire, développements, perspectives*, Ajaccio, A Squadra di u Finusellu
- GÉA J.-M., 2006, « Marocains de Corse : entre deux pays et trois langues », *Langues et cité ; Bulletin de l'observatoire des pratiques linguistiques*, n°8, p. 5
- HAGÈGE Cl., *Halte à la mort des langues*, Paris, Odile Jacob, 2001
- MARCELLESI J.-B., GUESPIN L., (1986), « Pour la glottopolitique », *Langages*, n°83, pp. 5-34
- QUENOT S., 2010, « Structuration de l'Ecole bilingue en Corse Processus et stratégies scolaires d'intégration et de différenciation dans l'enseignement primaire », Thèse Cultures et langues régionales, 13 déc. 2010, (ss. la dir. de A. di Meglio), Université de Corse

Интернет-сайты:

Самоуправляемая территория Корсика: www.corse.fr
www.tlfq.ulaval.ca/axl/europe/france-3politik_minorites.htm
files.eke.org/pdf/topaketen.../reseau_npld
<http://ec.europa.eu/education/languages/languages-of-europe/doc139>
www.dglff.culture.gouv.fr/.../rapport_cerquiglini/langues-France.html

²⁰ См. дискуссию между руководством ассоциации и членом исполнительного совета Ассамблеи Корсика, президентом Совета по корсиканскому языку П. Гионга, опубликованную газетой *Corse matin* 5 ноября 2012 г.

ТАМИЛЬСКИЙ ЯЗЫК – ЯЗЫК ИММИГРАНТОВ В ПАРИЖСКОМ РЕГИОНЕ: «Вы говорите на фрамильском?»

---

*Мелоди Бюр*¹

Введение

В этой статье речь пойдет о тамильском языке во Франции как языке иммиграции. Она основана на собственных полевых материалах, собранных автором в Парижском регионе² и на юге Индии, в штате Тамил-Наду, в рамках продолжающегося диссертационного исследования, выполняемого в русле урбанистической антропологии с выраженной эстетико-этической составляющей³. После краткого представления многообразия тамильского населения, проживающего в Иль-де-Франс, и основных характеристик тамильского языка будут рассмотрены различные способы его взаимодействия с французским языком, а также с другими языками меньшинств. Это взаимодействие включает в себя, кроме того, контакты «сенсорных культур» и культурных кодов, понимаемых нами как «невидимые очевидности»⁴. Мы попытаемся проникнуть в скрытый смысл рассказов раз-

---

¹ © *Mélody Buhr, Doctorante en Anthropologie, UR 12 « Identités et territoires des populations », Institut National des Etudes Démographiques (INED) / Sophiapol, Université de Paris Ouest Nanterre La Défense*

² Другое название Парижского региона - Иль-де-Франс – прим. перев.

³ Фр. «*anthropologie sensible de l'urbain*» - подход, основы которого заложены работами Ф. Лаплантина (Laplantine F. *Le social et le sensible. Introduction à une anthropologie modale*. Paris: Téraèdre, 2005) и Л. Тевено (Thévenot L. *L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement*. Paris : La découverte, 2007) – прим. пер.

⁴ Я заимствую термин, использованный Р. Кэрролл (Carroll, 1991) – прим. авт.

ных людей, повстречавшихся мне за время работы в поле, в глубинное содержание их высказываний и символических ориентиров. Мы будем лавировать между публичным пространством, осваиваемым совместно как своего рода этническая территория⁵, и интимным пространством частной, семейной жизни; между неизбежным несовершенством перевода и правом языка на существование (затрагивая и проблему его статуса как языка меньшинства); между ломаной речью старших и выразительностью и изобретательностью языка молодых, рожденных в тамильских семьях во Франции. Этот способ повествования подсказан мне опытом работы в поле, где сначала приходилось разделять языки между собой – именно для того, чтобы понять, что их связывает.

Тамильское население Иль-де-Франс образует малоизученную, слабо сплоченную и глубоко фрагментированную диаспору. Такие ее характеристики подводят к необходимости изучения существующих адаптационных моделей, выстраивающихся вокруг множественных определений легитимности различных групп и принадлежности к этим группам. Что дает изучение языковых практик в этом контексте? С его помощью я пытаюсь объяснить механизм возникновения потребности не дать исчезнуть языку, передать его детям – потребности, порождающей многочисленные противоречия между поколениями, между частной и общественной сферами, между близким и далеким.

Тамильское население Иль-де-Франс

Термин «тамил» обозначает обобщенно всех носителей тамильского языка. Более точно он относится к жителям региона Тамил-Наду на юге Индии (границы которого были установлены в 1956 году по языковому принципу), а также северо-восточных и центральных районов острова Шри-Ланка. Тамильский язык является официальным региональным языком в Индии и официальным языком в Сингапуре и на Шри-Ланке. Общее число его носителей в мире превышает 60 мил-

---

⁵ Автор использует термин «*centralité minoritaire*», впервые введенный в оборот французской социальной антропологии А. Ролэн и определяемый как этнически маркированная часть городского пространства, где, в частности, концентрируется торговля товарами и продуктами питания соответствующего происхождения. – см.: Raulin, A. *L'ethnique est quotidien. Diasporas, marchés et cultures métropolitaines*, Paris, L'Harmattan, 2000 – прим. перев.

лионов человек, во Франции, по оценкам, оно составляет около 125 тысяч человек. Тамильское присутствие во Франции – результат огромного разнообразия жизненных судеб и ситуаций (беженцы, нелегалы, иностранцы, натурализованные французы, родившиеся во Франции), и в дальнейшем мы увидим, что это разнообразие оказывает весьма существенное влияние на формы существования тамильского языка как языка иммиграции. Большинство тамиллов прибывают во Францию из Индии или со Шри-Ланки, поэтому в дальнейшем изложении я сосредоточусь на миграционной истории этих двух групп, оставив за кадром выходцев из других государств и граждан других стран.

Среди тамиллов со Шри-Ланки выделяются потомки населения исторического королевства Джафна и лиц, переселенных британцами из Индии в 1830-1840 для работы на сельскохозяйственных землях центральной части острова. Начавшаяся на Шри-Ланке в 1970-е годы гражданская война спровоцировала потоки беженцев, направлявшиеся в бывшую метрополию – Великобританию. Однако в результате ужесточения режима предоставления убежища в этой стране многие из них оказались блокированы во Франции. Первые беженцы поселились в квартале Ля Шапель, около Северного вокзала. Их социально-экономическое положение было очень тяжелым. После 1983 года смягчение французской политики в отношении беженцев сделало возможным их массовый приток, причем «воротами» во Францию для большинства из них стал квартал Ля Шапель. На протяжении 1990-2000 годов формируются миграционные сети, в страну приезжают жены и дети первых иммигрантов. Воссоединяющиеся семьи селятся в парижских предместьях, куда с Северного вокзала легко добраться на пригородных поездах или даже на метро. Квартал Ля Шапель превращается таким образом в своего рода тамильский центр, где действуют сети взаимопомощи, ассоциации, здесь же иммигранты ищут и находят работу. Сегодня, по разным оценкам, во Франции проживает от 70 до 110 тысяч тамиллов – выходцев со Шри-Ланки (эти оценки следует принимать с осторожностью, учитывая большое количество нелегальных мигрантов, тех, кому отказано в статусе беженца, а также натурализованных французов и французов по рождению). Иммиграция продолжается и после официального окончания гражданской войны в мае 2009 года: казни, изнасилования, похищения людей и другие формы насилия и дискриминации по-прежнему остаются повседневной реальностью для тамильского меньшинства на острове. Тамилы Шри-Ланки, подвергшиеся изгна-

нию и геноциду со стороны правительства, ведут политическую борьбу за независимость, которую они считают единственной гарантией выживания меньшинства, чьи права нарушаются на его исконной земле. Их отличает воинствующая «тамильская» идентичность.

Тамилы – выходцы из штата Тамил-Наду в южной Индии, так же как из бывших французских владений (в частности, Пондишери и Карайкала), напротив, более охотно идентифицируют себя как индийцы. Они стали переселяться во Францию намного раньше, начиная с 1950-х годов, и не привлекая к себе особого внимания. К ним надо добавить тамилы, переселившиеся во Вьетнам после декрета 1881 года для работы во французской колониальной администрации в Индокитае. Этот миграционный поток не иссякал вплоть до падения Дьен-Бьен-Фу в 1954 году, в результате которого тамилы покинули страну, причем часть из них была отправлена во Францию. После победы коммунистов в 1975 году и свержения сайгонского режима из Вьетнама во Францию переселились и тамильские торговцы. Именно эти индо-вьетнамские тамильские семьи сыграли важную роль в судьбе выходцев со Шри-Ланки, в отношении которых они выступили в качестве «этнических» работодателей. Что касается иммиграции тамилы из Индии, здесь роль «спускового крючка» сыграл подписанный Францией в 1956 году договор о возвращении Пондишери Индии. Выходцам из этого штата в 1962 году было предложено получить французское гражданство, если они того пожелают. Тамилы из бывших французских владений традиционно направляются именно во Францию, в силу прочной исторической связи между этими территориями (Пондишери стал французским еще в 1674 году). В отличие от выходцев со Шри Ланки, для которых Франция – неведомая страна-убежище, индийские тамилы хорошо знают французский язык и культуру, а потому их стратегией является не дифференциация и «сохранение культуры», а различные гибридные культурные формы под видом «интеграции» в бывшей колониальной державе⁶.

Эта миграционная история тесно связана с трансформацией городского ландшафта, которая заставляет задуматься о роли визуального присутствия в городском пространстве. Действительно, появление беженцев со Шри-Ланки привело к постепенному формированию «этнического квартала» - коммерческой зоны вокруг Северного

---

⁶ Отметим все же, что сказанное верно только для тех иммигрантов, которые получили образование во французских учебных заведениях в Пондишери и Карайкале. Тамилы из штата Тамил-Наду, напротив, ориентированы на Великобританию как бывшую метрополию.

вокзала. Расположенный здесь квартал Ля Шапель стал «воротами» не только для прибывающих в город новых и новых мигрантов, но и для не принадлежащих к этой группе парижан, отправляющихся на поиски «этнических» продуктов и товаров. В этом квартале концентрируются лавки и магазинчики, где можно купить привезенные из Индии и со Шри-Ланки продукты и специи, индийские фильмы и музыку, здесь же расположены парикмахерские для мужчин и косметические кабинеты для женщин, туристические агентства, магазины одежды и украшений, а также многочисленные рестораны. Вывески и внешний вид торговых точек создают особую атмосферу, в которой каждый посетитель находит что-то свое, в зависимости от того, к какой группе он принадлежит.

Хотя квартал Ля Шапель представляет собой центр тамильской жизни в Париже, он все же является для тамиллов лишь местом временного пребывания. Большинство из них живет в северных и восточных предместьях столицы (многие – в департаменте Сена-Сен-Дени), где существует плотная сеть тамильских ассоциаций. Кстати, еще один тамильский коммерческий центр образовался около конечной станции метро Ля Курнев.

Многообразие тамильского населения Парижского региона требует сравнительного подхода: необходимо принимать во внимание различные направления миграционных потоков, последовательные волны иммиграции одного и того же географического происхождения, различное колониальное наследие.

Краткое знакомство с тамильским языком

Тамильский язык также наводит на мысли о множественности, подвижности и неустойчивости его реального положения. Многие его носители без устали поют хвалу этому языку, существующему более двух миллионов лет, но несколько не устаревшему. Некоторые даже шутят, что на тамильском языке говорили еще древние Кроманьонцы. Мы не будем излагать здесь в подробностях эту долгую историю, но все же дадим некоторую ключевую информацию, без которой нельзя понять современное положение языка. Тамильский язык относится к дравидийской семье языков, распространенных в Южной Индии, и характеризуется диглоссией между письменной и устной формами⁷. Многие носители языка говорят на нем, но не умеют пи-

---

⁷ Разница эта представляет собой явление даже более сложное, чем диглоссия, поскольку некоторые детали (часто связанные с повседневной жиз-

сать. Если письменный язык подчиняется единым грамматическим нормам, то устный распадается на бесчисленное множество диалектов, характерных для тех или иных географических единиц (регионов, городов, деревень), социальных категорий (каст), а нередко и семейных групп. К этому добавляются заимствования из иностранных языков, в частности – английского, которые постепенно проникли во все диалекты, в средства массовой информации и т.п. Достаточно просмотреть женские журналы, распространяемые в Тамил-Наду и среди тамильской диаспоры во всем мире: на странице текста до трех четвертей слов – английские, транслитерированные буквами тамильского алфавита (особенно в статьях, посвященных макияжу, поскольку в тамильском языке попросту отсутствует соответствующая лексика).

Интересно проследить, каким образом это многообразие языковых практик подвергается переосмыслению во Франции. «Языковые различия» используются в качестве маркеров межгрупповых границ. Так, язык является одним из критериев, разделяющих индийских и шри-ланкийских тамилгов в их бесконечных спорах о «чистоте» языка: считается, что последние в меньшей степени подверглись влиянию английского языка, а значит – говорят на «чистом» тамильском. Благодаря лексическим и фонетическим различиям, каждый носитель языка может сразу определить географическое происхождение, а иногда и касту своего собеседника (в частности, брахманский диалект отличается от диалекта «парий»).

Разница лингвистических структур тамильского и европейских языков предопределяет несоответствия в «манере говорить». Эти несоответствия я отчетливо ощущаю в своей работе, поскольку уже несколько лет изучаю тамильский язык. В отличие от французского, тамильский язык мало концептуален (абстрактные понятия не являются концептами), зато изобилует метафорами и идиоматическими выражениями. Такие понятия, как целостность, универсальность, приватность не имеют эквивалентов и могут быть выражены только парафрастически. Синтаксические конструкции также существенно отличаются. Обычный порядок слов в тамильском предложении: подлежащее – дополнение – сказуемое; не существует относительных местоимений (их роль исполняют причастия и отглагольные су-

---

ныю) могут быть выражены только в устной речи и, напротив, другие существуют только в письменном варианте языка. Иными словами, устный и письменный языки имеют разные выразительные возможности.

ществительные). Существительные изменяются по восьми падежам. Личные местоимения в именительном падеже часто опускаются и заменяются местоимениями в косвенных падежах. Так, для выражения отношений владения используется не местоимение в именительном падеже с глаголом «иметь» («я имею»), а местоимение в косвенном падеже с глаголом «быть» («у меня есть»). То же самое имеет место при выражении эмоций (например, говорящий по-тамилски не скажет «я грустный»⁸, но «мне грустно»). Таким образом, сферы существования субъекта и личной субъективности в двух языковых универсумах существенно различаются. Формы обращения в тамильском языке подчиняются правилам возрастной иерархии (к более старшим собеседникам всегда обращаются на «вы», называя их «старший брат», «старшая сестра», «дядя», «тетя» и т.д.), внутрисемейных отношений (жена должна говорить мужу «вы», тогда как последний обращается к ней на «ты») и кастовой принадлежности. Если в европейских языках выбор формы местоимения при обращении к собеседнику подчиняется негласным нормам уважения и вежливости, то в тамильском языке он жестко предопределен статусом человека внутри группы и полагающимся ему по статусу уважением. Использование различных форм местоимений при обращении четко очерчивает границу между принадлежащими и не принадлежащими к той или иной социальной категории.

Этнографическое поле и проблема перевода

Проблема языка с самого начала занимала центральное место в моем диссертационном исследовании и в моей полевой работе. Будучи «аутсайдером» по отношению к изучаемой группе, я сразу начала учить тамильский язык, преследуя две цели: во-первых, чтобы иметь возможность не прибегать к помощи посредников при записи интервью, во-вторых – чтобы на собственном опыте ощутить взаимодействие двух форм восприятия и высказывания. Изучению языка способствовали два полевых выезда в штат Тамил-Наду.

Интересные параллели существуют между опытом этнографической полевой работы и переводом. Разве исследователь не занимает-

---

⁸ По-французски эмоции выражаются с помощью личных местоимений в именительном падеже: «мне грустно» - «*je suis triste*» (букв. «я грустный»); «ему страшно» - «*il a peur*» (букв. «он имеет страх»). В этом отношении русский синтаксис ближе к тамильскому, чем к французскому – прим. перев.

ся переводом того, что и как люди делают и говорят, переводом атмосферы, восприятий, воображаемого? Разве он не является посредником, чья цель – сопоставить различные точки зрения и попытаться найти общий язык? А написание научного текста – что это как не перевод в словесную форму множества встреч, эмоций, пережитого с тем, чтобы сделать их достоянием других? И непонимание, возникающее, увы, чаще, чем хотелось бы – не связано ли оно с невыразимостью, непереводаемостью, своего рода сопротивлением «другого, кроющегося в языке», который часто сбивает исследователя с толку и вызывает у него самые неожиданные эмоции? Этот вопрос перекликается с размышлениями Ж. Фавре-Саада относительно способности «поддаваться эмоциям как главной составляющей любого этнологического исследования» (Favret-Saada, 2008). Речь идет о создании мостиков между системами ориентиров, о признании неизбежности недомолвок и недопонимания в процессе общения, и в то же время – о стремлении к эмоциональному взаимопроникновению с людьми, которых мы встречаем в поле. Антрополог должен уметь передать смыслы других, понять, к чему они стремятся и на что направлены их действия. Изучение языка – занятие тем более волнующее и вдохновляющее, что оно сопровождает этнографа на всем его пути, который состоит в попытках соединить, связать, постичь то, что он видит и слышит. В процессе перевода создается и рождается смысл.

Эта параллель с переводом позволяет также по-иному взглянуть на жизненный опыт иммигрантов во Франции: они постоянно испытывают потребность в переводе, балансируя между двумя языковыми средами, отличающимися между собой способом выражения мыслей. В особенно сложном положении оказываются тамильские беженцы со Шри-Ланки, до переезда имевшие опыт взаимодействия не с французским, а с английским языком. Трудности перевода оборачиваются для них страхами, ранимостью, изломанными судьбами.

Как исследователю, так и иммигранту необходимо научиться выражать себя не только на своем или только на чужом языках, разделенных между собой непреодолимой пропастью, но примирить их, приблизить один к другому, чтобы из этого сближения родился новый, третий способ самовыражения – подобно тому, как при кино-монтаже из наложения двух кадров рождается третий.

В этой перспективе я рассмотрю ниже проблемы существования тамильского языка как языка иммиграции во Франции, основываясь на информации, полученной от моих собеседников. Сначала речь пойдет о роли языка в символическом освоении «тамильского квар-

тала» Ля Шапель и создании там особой атмосферы. Затем будут рассмотрены различные формы сосуществования тамильского и французского языков в процессе взаимодействия меньшинства с большинством в публичной сфере. Мы увидим также, что изучение отношения к языку может стать основой для размышлений о частной сфере жизни иммигрантов. Наконец, в продолжение этих размышлений, мы затронем проблему внутрисемейной трансмиссии языка в зависимости от взаимоотношений между поколениями.

Освоение публичного пространства: тамильский язык в квартале Ля Шапель

Любое погружение в особую атмосферу городского квартала, играющего роль центра притяжения для какого-либо меньшинства и делающего таким образом заметным специфическое население, сразу ставит на повестку дня вопрос о языке. Действительно, языковая разница подобна раскаленным углям, бесконечно раздуваемым в обжигающем пламени столкновения с непохожим. Не случайно не известный нам язык называется «чужим»⁹. Множество языков – одно из самых сильных городских ощущений, заставляющее осознать, сколь широк поток незнакомых слов и надписей, смысл которых навсегда останется нам недоступным. О так называемых «этнических кварталах» часто говорят, что в них можно бродить часами, «не услышав ни одного французского слова». Непохожесть и ее верный спутник – экзотизм здесь зашкаливают.

Впервые оказавшись в квартале Ля Шапель, я была поражена тем, что станет затем центральной проблематикой моей диссертации: особой атмосферой. Ее создает нечто большее, чем визуальность. В создании атмосферы участвуют и специфическое узнаваемое оформление торговых точек, и индийская музыка, и легкий дымок ладана, курящегося в лавках. Одним словом, мы воспринимаем ее всеми органами чувств, а язык как яркий маркер довершает символическое присвоение этой части городского пространства.

На каком же языке говорит квартал? Тамильский создает основной звуковой фон в этом торговом пространстве. Толпы говорящих по-тамильски, бродящих от лавки к лавке, производят настоящий

---

⁹ Французское слово «étranger», помимо значения «иностранный», имеет и такие значения, как «посторонний», «чуждый», «инородный», «чужой» - прим. перев.

водопад слов, скачущих, словно мячики, звуков. Но главное – это небольшие группы мужчин, стоящих прямо на тротуарах и ведущих длинные дискуссии о переустройстве мира, заставляя прохожих невольно прислушиваться к непривычной речи. Конечно, в течение дня звуковая среда меняется: тамилы в основном появляются в квартале ближе к вечеру и особенно в выходные. Тамильский язык звучит также во всех магазинчиках, продавцы которых постоянно крутят песни из кинофильмов (в основном тамильских, хотя песни из фильмов на хинди, произведенных в Северной Индии, тоже можно услышать достаточно часто).

Визуальный облик квартала также сильно окрашен тамильским присутствием, но все же не столь заметно. Нужно быть внимательным, чтобы разглядеть его за нагромождением товаров на прилавках. Все магазинчики носят тамильские названия, написанные латиницей (это могут быть имена индуистских божеств, названия местностей, расположенных в Индии или на Шри-Ланке, или просто имя владельца). Стены домов обклеены афишами и листками, исключительно на тамильском языке, содержащими информацию о праздниках и других общественных мероприятиях, рекламу, а также извещения о похоронах – обычная практика в странах исхода, но во Франции это выглядит непривычно. Небольшие группы женщин раздают у входа в магазинчики рекламные проспекты, также исключительно на тамильском, приглашающие посетить гадалку или астролога: две важнейшие составляющие повседневной жизни, наряду с такими событиями, как свадьбы, рождение детей, похороны. Наконец, в самих магазинах информация о товарах, скидках и т.п. также написана на тамильском, и даже надписи на этикетках выполнены буквами тамильского алфавита (обычно они дублируются по-английски).

Торговля печатной продукцией позволяет понять, сколь важную роль играет язык в том, что Б. Латур называет «формой выражения привязанности». Если миграция заставляет задуматься о том, что, кроме общего географического происхождения, связывает людей между собой, то чтобы лучше понять логику их сближения и отталкивания, полезно обратить внимание на то, что имеет хождение внутри тех или иных групп. Магазинчики квартала Ля Шапель предлагают своим покупателям те же фильмы, музыкальные записи, книги, журналы и пр., которые продаются в Индии и в других странах, где массово проживают тамилы. Львиную долю продукции составляют фильмы, что отражает ту роль, которую играет кинематограф в повседневной жизни населения Индии или Шри-Ланки. Фотографи-

ями культовых артистов индийского кино обклеены витрины магазинов, здесь же можно увидеть афиши, анонсирующие выход нового тамильского фильма на экраны кинотеатров Парижского региона. В квартале расположены также два книжных магазина, полки которых буквально ломятся от широкого ассортимента книг и журналов. Здесь же распространяются несколько тамильских журналов, издающихся в Иль-де-Франс (журналы политической направленности, содержащие информацию о ситуации на Шри-Ланке, а также выходящие раз в два или три месяца издания, публикующие новости из французской жизни или из мира искусства). Перевод занимает центральное место в жизни квартала: здесь множество переводческих контор, а объявления, предлагающие услуги «сертифицированного переводчика», встречаются на каждом шагу.

Итак, тамильский язык слышен, виден, на нем читают. Его звучание создает особый ритм, которому подчинено движение людской толпы. Его буквы украшают витрины, оживляют стены; напечатанные на бумаге, они переходят из рук в руки, заключая в себе идеи, которыми люди постоянно обмениваются, разделяя их, осуждая или превознося. Если язык играет центральную роль в создании атмосферы квартала, он также позволяет заметить подвижные контуры публичного пространства, включающего в себя (или исключаящего) индивидов в зависимости от их социальной и культурной принадлежности. Тамилы снова обретают здесь свои привычные ориентиры, свои «невидимые очевидности», тогда как посторонние имеют доступ лишь к небольшой и строго очерченной части этого пространства: декору, экзотизму, «этническому» потреблению – одним словом, пространство становится для них местом встречи с непохожим. Место каждого определено в зависимости от того, владеет ли он языком, на котором «говорит квартал». Особая атмосфера квартала создает некий «общеразделяемый минимум», базирующийся на распространенных стереотипах, но присутствие тамильского языка, маркирующего «освоенное пространство», проводит черту между непересекающимися мирами.

**От языка меньшинства к языку большинства и обратно:
как тамильский уживается с французским**

Обратимся теперь к вопросу о том, какое место занимает тамильский язык в повседневной жизни людей и о том, как он сосуществует с французским языком в идеологических и нормативных рамках фран-

цузской образовательной системы. Тамильский язык – один из «редких живых языков», который можно выбрать в качестве третьего языка для сдачи экзамена на бакалавра по окончании средней школы (факультативный письменный экзамен). Однако преподавание тамильского существует только в системе высшего образования: полный курс в Институте восточных языков и цивилизаций - INALCO, а также ознакомительный курс на факультете угнетенных языков и культур в Университете Париж-8. Интересно, что тамильский там преподается наряду с региональными языками Франции, а также берберским и языками американских индейцев. Его статус «угнетенного языка» основан в данном случае на фактах преследования тамильского населения на Шри-Ланке. Мы видим таким образом, как политическая составляющая, которой обладает тамильский язык в сознании выходцев со Шри-Ланки, проникла во французскую университетскую систему, способствуя привлечению общественного внимания к тамильской проблеме с помощью смыслового дрейфа от «языков меньшинств» к «угнетенным языкам».

О значении тамильского языка в регионе Иль-де-Франс можно судить по созданному недавно (в начале 2011 года) достаточно крупному фонду в сети медиатек Сообщества агломерации Плен Коммюнь, объединяющего восемь муниципалитетов северной окраины Парижа и департамента Сена-Сен-Дени. Этот фонд включает более сотни романов, около двухсот документальных изданий, детские книги, а также учебники тамильского языка. Его создание отражает массовое присутствие тамиллов в этих пригородах. Формирование тамилоязычного библиотечного фонда напоминает аналогичный процесс, инициированный китайской диаспорой в XIII округе Парижа. Здесь с начала 1980-х годов по инициативе религиозных объединений в библиотеках начали создаваться азиатские фонды, рассчитанные на удовлетворение потребностей все более многочисленных среди жителей квартала китайцев,

В многочисленных тамильских ассоциациях, разбросанных по всему парижскому региону, тамильскому языку отведена разная роль по отношению к французскому, в зависимости от того, к какой группе принадлежат их члены. Плотная сеть тамильских ассоциаций создавалась постепенно по мере роста числа беженцев со Шри-Ланки, поначалу с целью взаимопомощи и взаимной поддержки, позже к этому добавились образовательная функция, а также «защита и сохранение культуры». Язык здесь является синонимом «тамильской идентичности», а также каналом передачи находящейся в опасности

и преследуемой культуры. Поэтому эти ассоциации организуют курсы тамильского языка для самых маленьких, а также курсы по подготовке старшеклассников к сдаче факультативного экзамена на бакалавра. В действительности разговоры о «сохранении» скрывают реальные трудности тамильской молодежи, родившейся во Франции и пытающейся совместить программы обучения, преследующие зачастую противоположные цели (к этому вопросу мы вернемся ниже). На периферии этой мощной сети действуют несколько индийских ассоциаций, в частности – франко-пондишерийских, не поддерживающих отношения со шриланкийскими ассоциациями. Они пропагандируют и продвигают тамильский язык в контексте дискурса о гибридности, бикультурности и взаимообогащении культур. Данные ассоциации – плод частной инициативы отдельных лиц, движимых духом открытости, обмена и познания. Для большинства из них – выходцев из Пондишери – французская культура является неотъемлемой частью их жизни. Можно сказать, что эти ассоциации символизируют стремление к переводу культур, частью которого является желание познакомить французов не тамильского происхождения с литературными произведениями, историей и народными знаниями, представляемыми как «неизвестное наследие французов». Среди этих ассоциаций – Культурный кружок пондишерийцев, основанный в 1991 году с целью «создать площадку для встреч и общения между проживающими в регионе пондишерийцами, познакомить местное население с их культурой и способствовать лучшему всеобщему взаимопониманию». Этот кружок публикует ежеквартальный бюллетень, посвященный истории Пондишери, а также переводы тамильских литературных текстов на французский язык и наоборот – переводы французских литературных произведений на тамильский.

Частная жизнь иммигрантов и контакты между языками

Язык очевидностей

Теперь мне хотелось бы обратиться к более конкретному аспекту моего исследования, связанному с изучением «частной жизни» иммигрантов. Этнографическое поле – это не только череда встреч и опыт разделения эмоций (Laplantine, 2005), это также прекрасная возможность антропологического изучения самих этих понятий. От личного опыта встреч, переходов и переводов из одного чувственного универсума в другой перейдем к проблематике частной жизни и пере-

плетений «сенсорных культур» в повседневной жизни людей, встретившихся мне в поле.

Язык – это форма, в которую отливается наш мир. Мигрировать означает, прежде всего, оказаться лицом к лицу с незнакомым языком, с новыми ландшафтами, впервые в жизни испытать новые, неведомые эмоции и ощущения. Привычные ориентиры не работают, нужно искать другие, при том что готовых ключей к пониманию окружающего под рукой нет. Изучение интимного пространства иммигрантов сводится к пристальному наблюдению процесса обозначения прежде неизвестных или существовавших только в воображении реалий. Язык меняется, и нужно понять, где находятся точки соприкосновения между языками, эти мостики между разными воображаемыми мирами. Одна из моих собеседниц, Лакшми, выросшая во Франции, но в семье, где родители по-французски не говорили, рассказывает: «Я начала понимать истории, которые рассказывала нам учительница, только лет с шести-семи¹⁰. И очень долго, пока не вышла замуж за француза, я не знала, как называются многие вещи вокруг – например, половник или подоконник! Мы их называли просто «эта штука» или «вещь». И... мои братья до сих пор не знают их названий». Другая женщина поведала мне о том, что ее трехлетняя дочь постоянно изобретает слова, чтобы обозначить незнакомые вещи. Так, рассказывая о занятиях на школьном огороде, она упоминала «большую вилку», поскольку в ее картине мира этот предмет еще не был связан с названием «вилы». Мужчина, приехавший из Пондишери, рассказал такой случай. Однажды он пригласил во Францию знакомого писателя из Тамил Наду. На следующий день по приезду гостя он сопровождал его на место назначенной лекции. Писатель, никогда прежде не бывавший во Франции, внимательно смотрел по сторонам и вдруг воскликнул: «почему все прохожие ходят с палками в руке? Они что, собираются драться?» Двум приятелям просто-напросто попались на пути несколько булочных. Так в лексиконе писателя появилось первое французское слово: багет. Этот забавный случай хорошо иллюстрирует недоразумения, неизбежные при встрече разных культур, когда вещь и слово существуют как бы отдельно друг от друга, особенно если речь идет о вещах незнакомых.

Р. Кэрролл в книге, посвященной культурным несоответствиям между французами и американцами, говорит о «невидимых очевид-

---

¹⁰ Во Франции дети с трехлетнего возраста посещают так называемую материнскую школу (*école maternelle*) – прим. перев.

ностях». Они представляют собой культурные коды, выраженные в языковых формулах и запечатленные в телодвижениях. В качестве примера такого «языка жестов» можно упомянуть качание головой из стороны в сторону, которым во многих регионах Индии сопровождают любую беседу. Оно может выражать согласие с говорящим или просто удовлетворение от общения. Во Франции же этот жест выражает несогласие или отказ.

Культурные нормы находят выражение в языке, вот почему так важно проанализировать, каким образом язык иммигрантов переплетается с языком, на котором говорит население принимающей страны. Межкультурное взаимодействие – это приспособление к переменам, и именно сквозь эту призму я рассматриваю изобретательность и способность к созданию гибридных форм. С первых дней и месяцев работы в поле стала очевидной важность языковой компетенции и для меня как исследователя (люди, с которыми я встречалась, за исключением родившейся во Франции молодежи, говорят по-французски очень плохо, а то и вовсе не говорят), и для самих тамиллов: незнание французского языка всегда связано с различными формами исключения из жизни общества, особенно для женщин, обычно замкнутых в домашнем кругу. Граница между частной и общественной сферами устанавливается в зависимости от языковой квалификации, причем эта зависимость особенно заметна при взаимодействии с различными государственными учреждениями, для которых знание французского языка является синонимом интеграции.

В ходе наблюдений и интервью в семьях, в домашней обстановке мне нередко приходилось встречаться с людьми, приехавшими во Францию десять, двадцать, а то и тридцать лет назад и не говорящими ни слова по-французски. Языком частной, семейной жизни остается тамильский, французский же образует своего рода барьер между домашним пространством и внешним миром. Дети, родившиеся во Франции, оказываются в ситуации достаточно жесткого противопоставления: французский язык для школы, тамильский – для дома. К тому же у них, как правило, два имени: одним их зовут в школе, другим – в семье и, более широко, при общении в тамильской среде. Таким образом, язык обозначает границу между приватным и публичным, внутренним и внешним, включением и исключением. Это раздвоение воспроизводится на уровне групповых идентификаций, а также в рутинной повседневности. Тамильский – язык для внутреннего употребления, язык близкий, интимный, язык привычек и «невидимых очевидностей». В домах людей, с которыми я встречалась,

тамильским буквально пропитаны стены, он будто проник во все щели и трещины (ветхие квартиры в пригородных многоэтажках – привычная среда обитания тамильских семей). Повсюду виден тамильский шрифт: газеты, журналы, книги, настенные календари, где на каждый день припасена своя поговорка, афоризмы из Тируккурала – одной из древнейших книг классической тамильской литературы, приклеенные на стены в туалете. Звучит тамильская речь: разговоры домочадцев, поток слов из телевизионного приемника (гигантский экран – средоточие жизни квартиры – традиционно занимает центральное место в гостиной), радио, компьютера или проигрывателя. Все говорится и делается на тамильском языке. Для любого чувства и ощущения есть в нем свои слова или свои умолчания (ведь то, что говорится и о чем умалчивается – на разных языках разное). Люди, с которыми я общалась в поле, признавались, что переходят на тамильский, если нужно выразить эмоции, чувства, ощущения – «потому что только в тамильском есть такие слова». Таким образом, тамильский – язык для выражения эмоций, человеческих отношений – будь то нежность, привязанность или ссора. Несколько информаторов даже не без юмора утверждали, что самые распространенные в среде иммигрантов тамильские слова – это ругательства.

Между двумя культурами: взаимопроникновение языков

Отношение к французскому языку несколько усложняет это наблюдение, поскольку он делает видимыми те очевидности, которые более таковыми не являются. Благодаря новому поколению рожденных во Франции (или приехавших сюда детьми) тамильский язык приобретает черты гибридности, становится инструментом особой выразительности. Чтобы рассмотреть роль каждого из языков в повседневном межкультурном взаимодействии, обратимся к некоторым формам артистического творчества. Последнее позволяет обнаружить те формы выразительности, которые сознательно направлены на выражение эмоций и передачу своих ощущений. В основном сферой такого творчества является кинематограф, представляющий собой знаковый вид искусства для тамилы. Им пропитаны повседневная жизнь, воображаемое, культ героев, его ритму подчинена даже политическая жизнь (в Тамил Наду многие киноактеры являются также активистами политических партий). Каждый год силами живущей во Франции тамильской молодежи организуется фестиваль короткометражных фильмов, победители получают призы. В сфере музыки та-

мильская культурная продукция воспроизводит стили, характерные для молодежи парижских предместий, в частности – рэп (я подробнее остановлюсь на этом в заключительной части статьи). В области танца взаимопроникновение культур выражено слабее, наиболее распространенной практикой являются школы индийского классического танца (Бхаратанатьям). Исключение составляет творчество Сарата Амарасингама (*Sarath Amarasingham*). В 2010 году он создал направление, сочетающее в себе индийский танец, хип-хоп и современный танец, отдавая предпочтение «поискам гибридного жеста и аутентичного танцевального языка, вдохновленным размышлениями о сути межкультурного взаимодействия»¹¹. В представлении, озглавленном «Письмо как территория, язык как страна», артист создает танцевальный язык, движения которого навеяны тамильской графикой. Он объясняет: «Быть тамилом – значит отождествлять себя с языком, а не с территорией. Но если смотреть дальше и глубже этой сконструированной идентичности: какая идентичность заложена в нашем теле»? Тамильский язык становится отправной точкой для размышлений о телесном и о жестах, впитавших в себя его графику. Таким образом, артистическое произведение предлагает иной взгляд на проблему идентичности, понимая ее не как ответ на вопрос «что мне принадлежит?», но «что у меня еще осталось?».

Невозможность выразить себя?

Теперь хотелось бы затронуть вопрос об ограниченности возможностей перевода: что из того, что можно выразить по-тамильски, невозможно сказать по-французски и наоборот. Мне нередко приходилось слышать от моих собеседников: «Ну, это невыразимо по-французски... Это типично тамильское!». Часто такие трудности возникали при переводе абстрактных понятий или выявляли различия в культурных референциях двух языков. Тамильский язык пропитан индуистской мифологией, его правила вежливости и уважения к собеседнику отсылают к семейным и социальным иерархиям, среди которых первостепенное значение имеет принадлежность к касте. Уже имя и фамилия ясно указывают на такую принадлежность, а также диалект говорящего и употребление в его речи некоторых дискурсивных слов, местоимений и окончаний. Таким образом, практики социальной категоризации в тамильском языке очень сильно вы-

---

¹¹ URL : <http://sarathamarasingham.com>. Дата посещения: 28/01/2013.

ражены, но заметны они только самим его носителям. Это создает большие трудности при чтении и переводе текстов, поскольку тамильские авторы не уделяют достаточного внимания социальным характеристикам и описанию своих персонажей: их имя и манера говорить безошибочно указывают на их социальное положение (а значит и на то, кто они такие, поскольку индивид в этой культуре полностью определяется социальным статусом). Другой пример непереводимости дискурсивных слов касается табу и умолчаний, связанных в основном именно с интимной сферой и конкретно с сексуальностью.

В рассказе современного индийского писателя Д. Кумара¹² описаны эти трудности выражения сексуальности на тамильском и других языках Индии. Он объясняет, что на тамильском языке легко сказать что-нибудь вроде «Мы можем пойти на рынок, заперев дверь на ключ», но для того, чтобы выразить свои любовные переживания или сексуальное влечение, приходится переходить на английский. Во многих тамильских фильмах можно увидеть, что когда двое объясняются в любви (при этом всегда мужчина обращается к женщине, не говоря уже о том, что гомосексуальность остается абсолютным табу в индийском кинематографе), они прибегают к английской формуле «*I love you*», произнесенной с сильным акцентом. Д. Кумар приводит в качестве еще одного примера английское слово «*shit*» и объясняет, что если на Западе нет никакой проблемы в том, чтобы употребить его прилюдно в общественном месте, то в Индии осмелившийся сделать такое был бы буквально вышвырнут за шиворот! Речь идет, таким образом, о проблеме допустимого речевого поведения в том или ином обществе, зависящего от местных табу, цензуры и пр. Английский язык в данном случае используется как стыдливое прикрытие, позволяющее публичное выражение табуированных чувств и поведения, в то время как использование в подобных случаях тамильского языка выглядело бы гораздо более грубым и прямолинейным, а значит — непозволительным. Между языками возникает пространство несоответствия, но дело тут не в принципиальной невыразимости одного языка средствами другого, а в балансировании между близким и далеким, дозволенным и недозволенным.

---

¹² Dilip Kumar, «*Oumavum Ramavum*», Sandhya Publications, Chennai, Tamil Nadu, 2011

Споры о сохранении ценностей: можно ли сказать по-другому то, о чем не принято говорить?

Языки и проблема дозволенного

Посмотрим теперь, что можно сказать о способах передачи языка на основании форм самовыражения молодежи, родившейся в тамильских семьях во Франции. Наблюдая за тем, как молодые тамилы творчески и каждый по-своему осваивают язык, как соотносятся между собой школьное и семейное воспитание, можно многое узнать о взаимоотношениях между поколениями. Речь молодых тамиллов часто отражает раздвоенность их сознания, обозначает противоречия в чувствах, ощущениях, жизненном опыте, а также в высказываниях: закрытость противопоставляется открытости, свобода – контролю со стороны общины, прогрессизм – консерватизму. Франко-тамильские информационные порталы, в частности, *Tamilexpress.fr*, изобилуют комментариями на тему «дикости», «дремучести» тамиллов, которые предстают в обличе «обитателей джунглей»¹³). Эта бинарность культурных кодов коренится отчасти в постколониальном коллективном воображаемом. Например, оппозиция Восток / Запад воспроизводится терминами «*Kizhnâdu*» et «*Mêlnâdu*»¹⁴. Цвет кожи играет важнейшую роль в межличностных взаимодействиях. Люди в целом делятся на три категории: белые («*vellaikârar*»), черные («*karuppu*») и промежуточную категорию полу-белых полу-черных («*mânîram*»). Эта составляющая особенно значима для девушек, поскольку «светлая кожа» является одним из критериев выбора брачного партнера (в индийских газетах на страницах брачных объявлений цвет кожи неизменно указывается наряду с кастой). Вот что рассказала мне одна из информанток во время интервью: «В Индии все девушки употребляют косметические средства с эффектом «осветления» кожи. Моя мать часто повторяла мне, что если я трижды в день буду умывать лицо таким средством, то стану красивой и смогу найти себе хорошего мужа! С самого рождения в нас видят не людей, а только цвет кожи. Я помню, как пришла навестить в больнице кузину, которая только что родила девочку, и она специально подносила ее поближе к окну, чтобы сфотографировать, надеясь, что тогда на

¹³ Перевод тамильского слова *Kâttumirandikal*.

¹⁴ Оба слова имеют одновременно пространственно-географический и социально-статусный смысл, означая, соответственно, «Восток» и «низшие страны» и «Запад» и «высшие страны».

фотографии кожа ребенка будет казаться более светлой!». Когда идентичность навечно зафиксирована в цвете кожи, любое прикосновение к ней становится болезненным...

Соотношение сил, влияющих на представления о дозволенном, определяются рамками мышления. Какой язык, какие культурные коды, какие членства разрешены? Английский и французский считаются «полезными» языками, и родители всячески поощряют их изучение (особенно английского, поскольку представления о материальном и социальном преуспевании тесно связаны в коллективном воображаемом с Соединенным Королевством), в отличие от изучения тамильского языка. В результате большая часть молодежи не умеет ни читать, ни писать на тамильском, а говорят на нем только со своими родными или знакомыми. Можно привести в пример основателя компании Шанкара Тим, занимающейся производством французских субтитров к тамильским кинофильмам. В интервью на сайте *Tamil Express*¹⁵ он говорит следующее: «Сейчас основной проблемой для нас является перевод песен, это самая сложная часть нашей работы. У нас нет необходимой компетенции для их перевода, для этого нужен человек, в совершенстве владеющий литературным тамильским языком. Среди нас таких нет, поскольку мы все родились во Франции и выучили тамильский, слушая, как на нем говорят наши родители».

Конструирование зоны дозволенного, отношения господства и подчинения, отпечаток которых лежит на иллюзиях и устремлениях каждого, избылуют противоречивыми предписаниями. Они вынуждают разрываться на части, ставят перед бесконечным выбором, как если бы идентичность была пирогом, от которого каждому позволено отрезать только строго определенные куски. Тот, кто в определенных обстоятельствах презрительно отзывается о тамильском языке как признаке социальной и культурной отсталости, никогда не позволит себе подобных высказываний в присутствии других тамилев. Напротив, в этой среде самоидентификация с «западными ценностями» воспринимается как предательство по отношению к своим «корням». Слова и поступки человека, находящегося в положении меньшинства, никогда не воспринимаются беспристрастно, они переносятся на всю группу. Те, кто, как считается, «строит из себя западного человека», получили название «баунти»¹⁶: «черные» снаружи, «белые»

¹⁵ Интервью опубликовано 21 октября 2012 г. URL: <http://tamilexpress.fr>.

¹⁶ Этот термин первыми начали использовать жители заморских департаментов и территорий Франции.

изнутри... Сомнительного вкуса определение. Молодые тамилы, родившиеся во Франции, вынуждены все время ходить по лезвию бритвы, балансируя между идеальным представлением о «тамильской идентичности», которому нужно соответствовать, и необходимостью придерживаться в повседневной жизни культурных кодов и поведенческих стандартов, принятых во Франции.

В ходе полевых наблюдений и интервью я много раз сталкивалась с разного рода умолчаниями, недомолвками, трудностями в выражении плохо сочетающихся друг с другом культурных кодов. Эта привычка к умолчанию воспитывается в семье и касается преимущественно наиболее важных коллективных ценностей, лежащих в основе тамильской идентичности: полового воспитания и брака. Контроль группы над взаимоотношениями между полами гарантирует воспроизводство жизненного цикла в неизменном виде, что, в свою очередь, является условием единства и внутреннего согласия этой группы в чужой стране. Купюры в речи становятся препятствиями на жизненном пути девушек, еще одной формой давления, которому они подвергаются. В ходе многочисленных бесед с молодыми женщинами, родившимися во Франции либо приехавшими с родителями в раннем возрасте, я неоднократно обнаруживала отсутствие взаимопонимания и конфликтные ситуации, о которых не говорят вслух и которые буквально замешены на недомолвках и умолчаниях. Так, женщина 24-х лет, рассказывает о своих родителях – иммигрантах со Шри-Ланки: «Мои родители совсем не говорят по-французски. И вот я до сих пор живу с ними, но это просто жизнь под одной крышей. Я больше с ними не разговариваю. Это все из-за брака. Я встречаюсь с одним человеком, мы вместе вот уже пять лет. Его родители тоже со Шри-Ланки. Но мой отец против, потому что он из другой касты. Отец говорит, что это вопрос чести. Честь, жизнь с оглядкой на общину, пусть даже ради этого нужно пожертвовать счастьем собственной дочери... У них только это на уме! Вот так... Я думаю, что нам придется терпеть, но наши дети смогут жить свободно, потому что мы воспитаем их по-другому». Этот рассказ свидетельствует о готовности отказаться от стремления к эмансипации, не встречающего никакого понимания со стороны старшего поколения, поскольку оно основано на чуждых ему ценностях (примат индивида, свободы выбора, личной автономии и пр.). Многие респонденты говорили о том, что родители «не понимают, что их дети – французы, что они научились жить и думать по-другому. Они сами продолжают жить, как раньше жили у себя, и хотят, чтобы дети жили так же».

Говорите ли вы «по-фрамильски»?

Анализ форм самовыражения, распространяющихся через социальные сети, в частности - *Facebook* позволяет заметить поиски способа «сказать иначе» о том, что обычно обходится молчанием и что заставляет отдельных людей вести себя определенным образом под давлением группы. Интересно наблюдать, как тамильская молодежь, выросшая в парижских пригородах, перенимает идентификационные коды, выработанные другими мигрантскими меньшинствами. Они используют разные словечки, характерные для речи выходцев из стран Магриба или из заморских департаментов Франции, сочиняют рэп. Один из молодых музыкантов тамильского происхождения, живущий в местечке Эпинэ-сюр-Сен в департаменте Сена-Сен-Дени, рассказал в интервью, опубликованном, кстати, на трех языках – английском, французском и тамильском – на уже упоминавшемся сайте *Tamilexpress.fr*¹⁷: «В старших классах я слушал только рэп. Некоторые рэперы рассказывали в своих композициях об их «корнях», но я себя в этом не узнавал. Поэтому я начал сначала сочинять, а спустя какое-то время и записывать свой собственный рэп». СЛК-Лемиссиль (таков сценический псевдоним артиста, отсылающий к гражданской войне на Шри-Ланке¹⁸) сочиняет свои композиции по-французски, он не хочет писать на тамильском, именно потому, что ему важно рассказать о себе и своем народе другим, выступая перед разной аудиторией, в том числе в других городах. Еще один артист, Кришант, использует рэп в интересах «своего народа Тамил Илам», чтобы «осудить то, что творится в стране»¹⁹. Рэп с его провокационными текстами, бросающими вызов различным формам доминирования, помогает молодым тамилам выразить свои переживания, связанные с гражданской войной. Эта война, даже если она не коснулась их напрямую, подпитывает чувство принадлежности к угнетенному народу. Отметим, что тексты тамильских рэперов свидетельствуют о трудностях освоения французского языка, в частности, это касается употребления артиклей или определения рода существительных (в тамильском языке эти грамматические категории отсутствуют). В данном случае речь идет не об осознанном нарушении орфографиче-

¹⁷ Интервью опубликовано 9 декабря 2012 г. URL: <http://tamilexpress.fr>.

¹⁸ Ле миссиль (Le Missile) по-французски – реактивный снаряд (прим. перев.)

¹⁹ <http://www.dailymotion.com/krishanth932#video=xazshf>. Дата посещения: 30/01/2013.

ских и грамматических норм, свойственном молодежным субкультурам, а о действительных трудностях и непреднамеренных ошибках, проистекающих из недостаточного владения языком.

Помимо культурных кодов, перенятых в результате контактов с другими группами меньшинств, населяющих предместья Парижа, некоторые формируются в среде самой тамильской молодежи при посредстве *Facebook*. Здесь проявляется особая форма рефлексивности – юмор как способ дистанцирования от очевидностей, переставших быть «невидимыми». «Фрамильский» – это гибридный язык, родившийся в социальных сетях. Интересно понять, как он конструируется, в каких ситуациях используется, что на нем говорят и кому. Он допускает чередование языков, создавая таким образом пространство коммуникации тамильской молодежи, доверительность и взаимопонимание в котором обусловлены общими для этой среды проблемами: конфликт между двумя культурами, между поколениями, между традицией и современностью. Юмор, ирония, насмешка позволяют выразить в сети неловкости, тревоги, раздражение или отчаяние, о которых говорить не принято. «Фрамильский», таким образом, представляет собой рефлексивное использование языка: он тесно связан с тамильским, но ставит под сомнение его очевидности, предположения и предубеждения. Короткие истории или рисунки с юмором рассказывают о ежедневно переживаемых несовпадениях между двумя сенсорными культурами с их различными поведенческими кодами и ценностями. Помимо обычного для молодежи несколько насмешливого отношения к родителям, эти рассказы отражают определенные языковые и поведенческие нормы: правила, устанавливающие дистанцию между мужчиной и женщиной; нормы жестикуляции; пищевые привычки; представления и ожидания относительно социального статуса и успеха. Принадлежность к определенной социальной группе воспринимается как обуза, как изоциренная система давления, избавиться от которой можно только в таких виртуальных сетях общения. Используя слова, которых нет в лексиконе их родителей или иных людей из их окружения, молодежь тем самым создает реальность, которая для них также не существует.

Анализ встречающихся в социальных сетях текстов и рисунков позволяет понять суть «фрамильского» языка. Это не смесь двух равноправных языков, а тамильский, приправленный французским. Французские слова вставляют в речь, чтобы выразить незнакомые понятия или назвать незнакомые предметы; используются также французские топонимы, специальные термины, связанные с офици-

альными институтами (в частности, школой или социальными пособиями). Иногда французские и тамильские слова комбинируются. Например, тамильское слово «*rapna*» («делать») присоединяется к французскому таким образом: «зажечь *rapna*», «записать *rapna*», и так далее до бесконечности. Этот способ комбинирования воспроизводит форму, существующую в речи тамиллов, говорящих по-английски. Другой часто встречающийся пример комбинирования - «*romba* устал» (что означает «очень устал»). Кстати, употребление этой формулы привело к тому, что многие молодые тамилы уже не помнят, каким словом выражается «усталость» на тамильском. Еще одна характерная особенность текстов, имеющих хождение в Интернете: основная история рассказывается по-французски, но термины родства и эмоциональные восклицания передаются транслитерированным на латиницу тамильским. Хотя существуют компьютерные программы, позволяющие легко и просто печатать буквы тамильского алфавита, к ним почти никогда не прибегают при переписке в Интернете или в телефонных текстовых сообщениях. Транслитерация вошла в привычку, что еще больше затрудняет взаимопонимание, поскольку она не подчиняется строгим правилам. Вдобавок к тому, что молодые тамилы часто не умеют ни читать, ни писать на тамильском языке, они создают собственную письменность, которая, в свою очередь, непонятна их родителям или другим людям старшего поколения.

Заключение

В этой статье я попыталась представить различные проблемы, связанные с тамильским языком как языком иммиграции во Францию. Многообразие тамильского населения, живущего в Иль-де-Франс, а также внутренняя неоднородность самого языка умножают формы взаимодействия между двумя сенсорными мирами, культурными кодами, укорененными привычками и ориентирами коллективного воображаемого. Жизненные истории отдельных людей и обстоятельства их миграции изначально ставят их в разное положение. Этим, в частности, объясняется различие в использовании тамильского языка в публичном пространстве и в семье между беженцами со Шри-Ланки и остальными тамилами – в основном выходцами из Индии. Контрасты и вариации языковых практик делают заметными диаспорные модели адаптации мигрантов во Франции и их современную динамику: языки (и различия) не являются более делом частной

жизни, как того требует классическая республиканская модель. Они стали приметой общественной жизни, они создают особую атмосферу в так называемых «этнических» кварталах, они ткут свою особую паутину в виртуальных социальных сетях.

Интересно наблюдать за тем, как молодые тамилы, рожденные во Франции и не имеющие миграционного опыта, существуют и ощущают себя в тамильской и французской языковых средах. Проблема межпоколенной передачи языка тесно связана с вопросом легитимности членства в различных группах. Подчас противоположные побуждения образовательных учреждений затрудняют самовыражение и взаимопонимание. В таком случае приходится искать возможность выразить себя по-другому и в другом месте. Я рассмотрела здесь сферу художественного творчества и социальные сети как примеры пространств самовыражения, создаваемых молодежью. Юмор оказывается действенным средством против взаимонепонимания и тяжеловесности отношений власти и подчинения, замыкающих индивидов в рамках членств, считающихся несовместимыми. «Фрагментальный» стиль речи может стать стилем жизни: один из способов оставаться в кругу «своих», не упуская из виду окружающий мир и предоставляемые им возможности...

Библиография

- CARROLL R., 1991. *Les évidences invisibles. Américains et Français au quotidien*, Seuil
- СНАЇБ S., 2001 «Les familles immigrées, terrain de recherche», Dossier «Mémoires familiales et immigrations», *Informations sociales*, n°89, p. 54-63
- DEPREZ Ch., 2006. «Ouvertures Nouveaux regards sur les migrations, nouvelles approches des questions langagières», *Langage et société*, 2006/2 n°116, p. 119-126
- FAVRET-SAADA J. et ISNART C, 2008. «En marge du dossier sur l'empathie en anthropologie», *Journal des anthropologues* (En ligne), n°114-115, mis en ligne le 01 décembre 2009, consulté le 27 septembre 2012. URL : <http://jda.revues.org/323>
- FAVRET-SAADA J., 2004. «Glissements de terrains», Entretien publié dans *Vacarme*, n°28, été. URL : <http://vacarme.org/artcile449.html>
- GADET F., 2004. «Le style comme perspective sur la dynamique des langues» Introduction, *Langage et société*, 3, n°109, p. 1-8

- KALLMEYER W., 2004. « Variation multilingue et styles sociaux communicatifs. L'exemple de jeunes migrants turcs en Allemagne », *Langage et société*, 3, n°109, p. 75-93
- KIWAN N., 2007. « Le refus de l'hybridité culturelle chez les femmes musulmanes en France et en Grande-Bretagne : repli communautaire ou esquisse d'un projet politique ? », *Les cahiers du MIMMOC* (En ligne), n°4, mis en ligne le 20 novembre 2007, consulté le 16 janvier 2013. URL : <http://mimmoc.revues.org/306>
- LAPLANTINE F., 2005. *Le social et le sensible. Introduction à une anthropologie modale*, Téraèdre
- MAÏLAT M., 2001. « Langues vivantes », Dossier « Mémoires familiales et migrations », *Informations sociales*, n°89, p. 48-53
- MAURER S., 2001. « Des transmissions silencieuses », Dossier « Mémoires familiales et migrations », *Informations sociales*, n°89, p. 72-79
- MURUGAIYAN A., 2007 « Le tamoul, langue classique et langue de diaspora », dans « Diasporas indiennes dans la ville », *Hommes et migrations*, n°1268-1269, juillet-octobre, p. 92-95
- PRIEUR J.-M., 2006 « Contact de langues et positions subjectives », *Langage et société*, 2, n° 116, p. 111-118
- RUTHERFORD J., 1990. « The Third Space. Interview with Homi Bhabha, in Ders. (Hg) : "Identity : Community, culture, difference", London: Lawrence and Wishart, 207-221

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПЕРЕДАЧА АРАБСКОГО И БЕРБЕРСКОГО ЯЗЫКОВ ВО ФРАНЦИИ

Александра Филон¹

Франция издавна была землей иммиграции. В 2009 году в стране насчитывалось более 5 миллионов иммигрантов, в том числе примерно 3,8 млн. иностранных граждан². Таким образом, последние составляют не менее 6% населения страны. С середины XIX века географическое происхождение иммигрантов, постоянно проживающих во Франции, регулярно менялось: на смену преимущественно европейской иммиграции пришли миграционные потоки из более отдаленных стран. Однако только несколько миграционных волн были значительными и заметными. В настоящее время наиболее многочисленными категориями иммигрантов во Франции являются выходцы из Северной Африки и Европы. Конечно, сегодня стало больше иммигрантов из государств Азии и Африки южнее Сахары, но они еще не скоро превысят численность алжирцев и марокканцев, достигая соответственно более 700 000 и более 650 000 человек. Выходцы из Туниса менее многочисленны, по данным переписи 2009 года их около 200 000 человек. Поэтому, хотя во Франции представлено множество различных языков, лишь на нескольких из них гово-

---

¹ © *Alexandra Filhon, Université Rennes 2 / UR 12 « Identités et territoires des populations », Institut National des Etudes Démographiques (INED)*

² *Иммигрантом* считается человек, рожденный за границей от родителей-иностранцев. Этот статус не меняется, даже если человек приобретает французское гражданство. *Иностранец* может родиться как во Франции, так и в другой стране, но он не является гражданином Франции. Таким образом, этот статус может измениться при приобретении гражданства

рит большое количество людей. Арабский язык занимает первое место по количеству носителей³, берберский – седьмое (Héran, Filhon et Deprez, 2002).

Постоянно проживающие во Франции семьи иммигрантского происхождения обычно изучаются под углом зрения интеграции в так называемое принимающее общество, причем исследователи, как правило, ограничиваются констатацией более или менее выраженной утраты культурного капитала, в том числе – языкового наследия. Действительно, французская традиция ассимиляции подталкивает родителей-мигрантов, как и их детей, обучающихся в школах на территории Франции, к отказу от их исходного(ых) языка(ов) в пользу французского как единственного языка (Haut Conseil à l'Intégration ; 1995). Однако в данном случае нас интересует передача культурного и языкового капитала от родителей к детям и то, каким образом поддерживается использование языков иммиграции, то есть какие факторы в основном способствуют их бытованию в семье. Речь идет, таким образом, об изучении того, как арабский и берберский языки передаются от поколения к поколению в стране, где французский язык доминирует и где эти языки, в отличие, например, от английского, не слишком социально престижны (Fihon, 2009a). Несмотря на то, что как арабский, так и берберский – языки интернациональные, во Франции они относятся к «языкам меньшинств», т.е. языкам, традиционно представленным на территории страны, но не обладающим ни тем же статусом, что французский язык, ни тем же общественным признанием, что английский или немецкий языки.

До отъезда из Марокко, Туниса или Алжира формы межпоколенной трансмиссии языков в семьях определялись социально-политическим контекстом каждой страны, сравнительным статусом арабского и берберского языков и, наконец, социальным положением и местом жительства семей. Затем, уже во Франции – стране, где использование французского языка непрерывно расширялось на всем протяжении XX века, сохранение этих языков последующими поколениями зависит от уровня владения французским языком потенциальных учителей, а также от того, насколько важными они считают каждый язык. Поэтому, кратко напомнив читателю о том, какое место занимают арабский и берберский языки в лингвистическом пейзаже Северной Африки, мы рассмотрим основные формы внутрисемейной коммуникации, а также то, какой смысл придается передаче

---

³ Не считая французского – прим. перев.

арабского и берберского языков после иммиграции во французской метрополии.

Статья основана на материалах интервью с родителями-мигрантами – выходцами из Северной Африки и их детьми, записанных автором в начале 2000-х годов, а также на результатах массового социолого-демографического исследования «Изучение семейной истории» (ЕНФ), проведенного в 1999 году⁴, в ходе которого впервые на общенациональной выборке были поставлены вопросы о языках семейного общения. До настоящего времени эти данные сохраняют свою актуальность, т.к. более поздних исследований общенационального масштаба на эту тему не проводилось.

Положение берберского языка в Северной Африке

В каждой из трех североафриканских стран сосуществуют несколько языков. С одной стороны, это языки, выучиваемые в детстве и используемые в семье. Это берберский язык и арабский диалектный язык. На этих бесписьменных языках⁵, или вернее на бесчисленном множестве скрывающихся за этими названиями диалектов, говорят не только в Алжире, Тунисе и Марокко, но и в ряде других стран. С

---

⁴ Выборка исследования «Изучение семейной истории», организованного в 1999 году (Lefèvre et Filhon, 2005) составила 360 000 человек в возрасте от 18 лет, живущих во французской метрополии (без заморских территорий и департаментов – прим. перев.). Вопросник распространялся одновременно с анкетой Переписи населения. Отсутствие верхнего возрастного ограничения позволило получить ответы от лиц, родившихся до первой мировой войны. Языковой блок анкеты состоял из трех основных вопросов. Первый касался языков, «полученных» в детстве респондентом от отца и матери (оба ответа записывались отдельно). Для дальнейших интервью мы отобрали взрослых респондентов, родившихся в Марокко, Тунисе или Алжире, имеющих детей и воспитанных на арабском или (и) берберском языках. Второй вопрос был сформулирован следующим образом: «на каких языках, диалектах или наречиях разговаривали вы со своими детьми, когда им было 5 лет?» Наконец, последний, более широкий вопрос относился к языкам (кроме французского), на которых респондент в настоящее время общается с близкими людьми, причем не только в семье.

⁵ Однако система письменности на берберском языке, называемая тифинаг, существует уже более двух тысячелетий. Кроме того, в последнее время некоторые берберские писатели и поэты используют латинский или арабский алфавит.

другой стороны, французский и классический арабский являются в основном языками обучения и реже – языками семейного общения в Северной Африке. Эти два наднациональных языка имеют высокую символическую ценность, хотя мало используются в повседневной жизни.

Слово «бербер» происходит, судя по всему, от греческого *barbaroi*, заимствованного сначала римлянами (*barbarus*), затем арабами (*barbar*) и наконец – французами (*berbère*). Сами берберы используют термин «амазиг», чтобы подчеркнуть свою принадлежность к трансграничной общности. Свой язык они называют *тамазигхтским*.

Не углубляясь в прошлое ареала бытования берберского языка, скажем лишь, что сегодня его следы можно найти, в частности, в Египте и Мавритании, а также, еще более заметные, в Нигере или в Мали, где на нем говорят туареги. В Марокко бербероязычное население концентрируется преимущественно в сельских провинциях и в горной местности, в основном в трех зонах. На юге и юго-западе, от Высокого Атласа до Сусса, распространены языки шильхов (*ташельхит*). В центре (Средний Атлас) широко распространен тамазигхтский говор и, наконец, на севере страны – рифский (тарифитский) говор.

В Алжире кабилские земли, расположенные к востоку от столицы – г. Алжира (небольшая по площади, но густонаселенная территория), а также в горном массиве Орес (говор шауйя), на границе с Тунисом, вмещают самую большую по численности и самую активную в языковом отношении (т. е. наиболее активно использующую берберский язык) часть берберского населения. Наконец, Тунис из всех трех стран подвергся наиболее ранней (с момента завоевания Карфагена арабами в 695 году н. э.) и наиболее массовой арабизации. Поэтому здесь сохранились лишь несколько бербероязычных островков: на пустынном юге страны и на острове Джерба (Chaker, 1999). Эта раздробленность берберского населения отчасти объясняет тот факт, что берберский язык остался, прежде всего, локальным, народным говором, оставившим мало письменных следов, поскольку он в первую очередь является языком устной традиции. Хотя оба они отнесены к разряду диалектов, арабский диалектный и берберский языки имеют, тем не менее, разный социальный статус. Тунисский, марокканский и алжирский диалекты арабского языка гораздо чаще используются в печатных СМИ, на телевидении и радио (Aït Lemkadem, 1999). Это касается, в частности, количества телефиль-

мов, спектаклей или театральных постановок. Кроме того, в официальных инстанциях также используется диалектный арабский, так что берберский остается наиболее социально приниженным языком. Поскольку государства сделали основой своей национальной идеологии связь между арабским языком и исламом⁶, берберский во всех трех странах социально менее престижен, хотя в последние десятилетия его положение постепенно упрочилось. Это относится прежде всего к Алжиру и Марокко, поскольку в Тунисе бербероязычного населения уже давно почти не осталось. После обретения независимости и установления политики языковой унификации на базе классического арабского языка начались выступления берберского населения в Марокко и Алжире. «Берберская весна» 1980 года стала знаком решительного наступления и началом требований официального признания берберского (*тамазигхтского*) языка. Результатом этих требований стало закрепление за берберским языком статуса национального (но не официального, в отличие от классического арабского) в Алжире в апреле 2002 года, а в Марокко – с начала 2003 учебного года. Тамазигхтский язык преподается во многих начальных школах. Процесс официализации языка еще продолжается, идет работа по его стандартизации, подготовка учителей; в Марокко его признание в 2011 году закреплено в Конституции (Aït Mous, 2011), в Алжире этого пока не произошло, несмотря на петиции и требования.

Миграционные истории

Чтобы понять, как изменялось место обоих языков во Франции и их передача в семье, следует кратко рассмотреть разные «этапы» (Sayad, 1977) иммиграции из Магриба.

Первыми среди выходцев из трех стран во Франции появились берберы из Алжира. Их миграция была вызвана в первую очередь экономическими и демографическими факторами. Это были мужчины, сельские жители, большей частью неграмотные. Пролетаризация крестьянства заставила их устремиться во Францию в надежде на более высокий социальный статус и зарплату, но эти молодые оди-

---

⁶ Превосходство арабского языка над берберским объясняется, в частности, связью между классическим арабским и исламом. Арабский – священный язык, позволяющий читать Коран, что придает ему высокую символическую ценность и что способствовало его распространению и сохранению на протяжении веков.

нокие мужчины приезжали и уезжали обратно, постоянно мигрируя между Францией и Алжиром. Эта миграция получила во Франции название *norïa*. Начиная с 1914 года, поток алжирской иммиграции расширяется. Нужды армии, а также потребность в промышленной рабочей силе вынуждают французское правительство отменить «разрешения на перемещение», введенные в 1874 году. Как и до войны, среди прибывающих мигрантов абсолютное большинство составляют кабилы. В 1923 году, по оценкам, они составляли 84,1% рабочей эмиграции из Алжира (Meunier, 1981). Постепенно и другое алжирское население включилось в миграционный процесс: арабоязычные мигранты, в большей мере горожане, переселяются во Францию, начиная с 1940-х и особенно в 1960-е годы.

Берберы были первыми и в потоке марокканской иммиграции во Францию, хотя она началась гораздо позже. В 1950-е годы 95% рабочих, прибывших из Марокко (т.е. около 20 000 чел) – преимущественно выходцы из Сусса, а также из Рифа и с гор Среднего Атласа, т.е. из бербероязычных регионов (Direche-Slimani, 1997). В период между первой и второй мировыми войнами марокканская иммиграция почти полностью ограничивалась югом страны. В отличие от густонаселенной алжирской Кабилии, эмиграция с марокканского юга не была вызвана демографической ситуацией. Другие регионы страны имели в ту пору большую плотность населения, однако они не становились очагами эмиграции. В Марокко основным выталкивающим фактором было колониальное насилие. Принимая во внимание непрекращающееся сопротивление на юге страны, Юбер Лиотэ, первый генеральный резидент Франции в Марокко (1912-1925), принял решение, что только уроженцы Сусса в возрасте от 25 до 50 лет имеют право эмигрировать во Францию (Atouf, 2002). С 1950-х годов началась бербероязычная эмиграция во Францию из региона Риф на севере Марокко. Риф стал вторым очагом эмиграции. К середине 1970-х годов эмиграция охватила всю территорию Марокко, причем в потоке миграции стала расти доля арабоязычного населения, а также горожан. Касабланка и Фес стали крупными центрами исхода. Что касается выходцев из Туниса, почти полностью арабоязычных, они появились во Франции раньше мигрантов из Марокко, но позже мигрантов из Алжира: мужчины начали приезжать в конце 1960-х годов. Первое двустороннее соглашение с Францией о перемещении рабочей силы было подписано в 1963 году, но его реализация началась только в 1969.

Таким образом, бербероязычная миграция во Францию предшествовала арабоязычной. Первыми среди выходцев из трех североафриканских стран стали мигранты из Алжира, а среди них – бербероязычные мужчины. Миграционные истории, как мы видим, различаются как географическим происхождением мигрантов, так и мотивами, вынудившими их к миграции; они имеют также разные социальные характеристики, поскольку более поздние миграционные потоки, преимущественно городского населения, в среднем состоят из более образованных людей. Кроме того, мужчины первых «этапов» миграции (Sayad, 1977), выходцы из сельской местности, часто уезжали в одиночку. Их дети иногда по несколько лет жили без отцов, прежде чем воссоединиться с ними вместе с матерями, которые также оставались на родине, чтобы обрабатывать землю. Затем миграционные траектории приняли иную форму, воссоединение семей стало более быстрым, а отъезд чаще стал рассматриваться как окончательный. Эти изменения объясняются как глубокими трансформациями стран исхода, в частности – их сельского общества, так и индивидуальными чаяниями самих мигрантов. Очевидно, такое многообразие семейных и миграционных ситуаций оказывает существенное влияние на внутрисемейную межпоколенную передачу арабского и берберского языков (Filion, 2009b).

Язык: семейная история

Внутрисемейное общение: смешение жанров

И на другом берегу Средиземного моря арабский и берберский языки для некоторых мигрантов остаются главным инструментом коммуникации, но для многих они становятся одним из маркеров их идентичности.

Почти три четверти арабоязычных и половина бербероязычных родителей, живущих во Франции, заявили в ходе опроса, что говорили с детьми на родном языке. В то же время, эти языки являются единственными языками общения в абсолютном меньшинстве семей: только 18% утверждают, что говорят дома только по-арабски, и 12% – только по-берберски. Внутрисемейное общение чаще всего дву- или трехязычно, причем наряду с родными языками часто используется французский язык, что свидетельствует как о «проникновении французского» в лоно семей, так и о «сохранении родного языка родителей» (Deprez, 1994).

Независимо от страны происхождения арабоязычные родители чаще всего передают детям свой родной язык, арабский, наряду с французским. Напротив, в бербероязычных семьях тип билингвизма несколько различается от страны к стране. В Алжире бербероязычные родители достаточно часто передают свой родной язык вместе с французским, тогда как в Марокко часть таких родителей делают выбор в пользу французского и арабского (Fihon, 2007).

Как и до миграции, после приезда во Францию берберский язык чаще передается наряду с арабским, чем наоборот. Неодинаковый статус двух языков в странах происхождения, похоже, сохраняется и во Франции, что объясняет такое преимущество одного языка перед другим. С другой стороны, многие родители, воспитанные с детства на берберском языке, научились в то же время и арабскому, который использовали для внешних коммуникаций (обратная ситуация встречается гораздо реже), и считают важным передать детям именно арабский, как интернациональный язык и язык Корана. Так, среди тех родителей, кто в детстве говорил на двух языках – берберском и арабском – две трети передают своим детям только арабский и менее половины – только берберский. Берберский язык, который некоторые из его носителей считают «говором», похоже, тяжелее передается детям в мигрантских семьях.

Сказанное, впрочем, не всегда верно в отношении берберов из Алжира, в частности – кабилы, которые еще до эмиграции подчеркивали свое берберское происхождение, а во Франции стремятся частично передать детям эту культуру, говоря с ними по-берберски. Поэтому частота передачи берберского языка выше среди иммигрантов из Алжира, чем из Марокко. Языковые практики в семьях мигрантов из этих двух стран заметно отличаются. Помимо берберского, бербероязычные выходцы из Алжира очень часто передают своим детям французский язык, а около трети из них передают только французский, что гораздо реже случается в бербероязычных семьях из Марокко. Напротив, каждая вторая такая семья передает детям, как минимум, арабский язык (среди берберов из Алжира так поступают только 15%).

Таким образом, в зависимости от страны происхождения бербероязычные родители передают своим детям арабский, французский и берберский в разных пропорциях. Эта разница – результат, с одной стороны, длительной колониальной истории Алжира, особенно сильно затронувшей отдельные провинции страны, среди которых – Кабилия. С другой стороны – более или менее насильственной полити-

ки арабизации каждой из стран, сопровождавшейся различными формами притеснений. Наконец, более раннего появления во Франции алжирцев по сравнению с марокканцами. Выраженная кабилльская идентичность, сформировавшаяся еще до миграции, *a priori* хотя бы частично сохраняется и во Франции. Миграция влечет за собой потрясения и перемены, и можно было бы ожидать, что в новом контексте такая форма идентификации ослабнет или даже вовсе исчезнет. Однако, хотя языковые практики и изменяются, идентичность нередко сохраняется.

Знание французского языка родителями-мигрантами, равно как использование этого языка в семье, сильнейшим образом зависит от их уровня образования. Чем более образованы отцы и матери, тем лучше они знают государственный язык и тем чаще говорят на нем со своими детьми. Такое поведение можно рассматривать как осознанную стратегию, но чаще всего дело просто в том, что люди предпочитают говорить на том языке, который они знают лучше всего. Внутрисемейная передача языков – в первую очередь следствие языковой компетенции родителей, а не их осмысленного выбора. Поэтому языковые практики видоизменяются с течением времени, и коммуникация между детьми и родителями может принимать различные формы в различных семьях. Если поначалу в «простых» семьях родители чаще говорят с детьми на своем родном языке, то с годами нередко французский берет верх над арабским или берберским. В итоге в одной и той же семье старшие и младшие дети получают от родителей разное языковое наследие. Младшие часто хуже знают арабский и берберский по сравнению со старшими. Кроме того, с момента поступления в школу дети начинают большую часть дня говорить по-французски и по привычке продолжают говорить на этом же языке, вернувшись из школы домой. Братья и сестры редко говорят между собой на другом языке.

Языки семейного общения преподаются во французских школах с 1970-х годов в рамках программы *Elco* – «Преподавание языков и культур стран происхождения»⁷. В числе первых были включены в эту программу языки стран Южной Европы и Северной Африки. Эти занятия факультативны, группы организуются в школах при условии, что не менее 15 учащихся готовы их посещать. Если в середине 1970-х годов такие уроки проводились в часы школьных занятий, то сегодня, как правило, они организуются во внеурочное время, иногда

---

⁷ Мигрантов – прим. перев.

даже по выходным (Boughnim, 2011). Поэтому посещаемость занятий слабая, а полученные на них знания ценятся в школе невысоко. Тем не менее, число детей, записанных на курсы *Elco*, постоянно растет. В 2009 году, по данным Министерства образования, 49 650 учащихся начальных классов и 2 589 учащихся колледжей и лицеев⁸ пожелали изучать арабский язык (Dumas, 2011).

В конечном счете, сохранение арабского и берберского языков во втором поколении семей мигрантов объясняется в первую очередь тем, что родители в таких семьях плохо владеют французским. Если родители продолжают говорить между собой на родном языке, трудно ожидать, что они не будут обращаться на этом языке к детям. Если же один из родителей не является выходцем из стран Магриба и не говорит по-арабски или по-берберски, в таком случае передача этих языков единственным родителем-носителем становится менее вероятной: действительно, более половины среди них заявили, что говорят с детьми только на французском.

Наконец, безусловно, хотя роль родителя в передаче языка является основной, понять этот процесс до конца нельзя, не принимая во внимание того, кому язык передается – а именно, ребенка. Поскольку во всех публичных пространствах, где бывают дети мигрантов, общение происходит только на французском, им не всегда представляется возможность использовать тот культурный капитал, который они получают от родителей – арабский или берберский языки, особенно если в семье наряду с ними говорят и по-французски. Большинство детей понимают родительский язык, но не говорят на нем. Это «пассивное» двуязычие может, однако, активизироваться в процессе жизни, в случае, например, более или менее регулярных поездок в страну происхождения, а также в зависимости от круга друзей или происхождения будущего супруга или супруги.

Сила связи: возвращение в страну

Использование арабского и берберского языков в сфере семейного общения не является, таким образом, результатом рационального выбора родителей, принявших в тот или иной момент решение передать или не передавать детям языковой капитал. Речь идет, прежде всего, о спонтанном поведении, которое не может рассматриваться как стратегия. Тем не менее, родителям нередко приходится в разных

---

⁸ См. сноски 4 и 5 на стр. 128.

ситуациях (поступление детей в школу, возвращение в страну происхождения, беседы с коллегами) обосновывать свой выбор.

Мотивы передачи родного языка могут быть связаны с ожиданиями по поводу будущего детей, но в большей степени они свидетельствуют о прошлых привязанностях, о потребности сохранить семейные воспоминания с помощью, в частности, сохранения родного языка, культурных практик и религиозных ценностей.

Арабский язык иногда упоминался в качестве потенциального ресурса будущего профессионального роста детей, или, более широко, в качестве дополнительного «богатства», которое может пригодиться в путешествиях. Еще одной проективной ситуацией, объясняющей, почему родители разговаривали с детьми по-арабски или по-берберски, является наличие у них в прошлом намерения в скором будущем вернуться на родину и восприятие своего пребывания во Франции как временного. Тем не менее, большинство таких семей так никогда и не уехали назад. Даже после принятия в 1977 году специальной политики, направленной на стимулирование возвращения мигрантов на родину с помощью материальной помощи или предоставления возможности получения профессионального образования, немногие мигранты из Алжира, Марокко и Туниса заинтересовались этими возможностями (Lebon, 1979). Таким образом, даже если передача арабского и берберского языков могла происходить с прицелом на возможное возвращение на родину, постепенно родители начинали осознавать, что будущее их детей будет строиться во Франции. Тогда возвращение стало планироваться без детей, но даже в этом случае приходится согласовывать планы между супругами, поскольку зачастую у них могут быть разные намерения. Чаще речь идет о далеких и неясных планах, нежели о тщательно выношенном решении. Самым распространенным ответом на вопрос анкеты исследования «Изучение семейных историй»: «хотите ли вы однажды вернуться жить туда, где прошло ваше детство?» был ответ «не знаю» (37% опрошенных).

Итак, на протяжении всех этих десятилетий передача арабского и берберского языков осуществлялась не только в расчете на возвращение на родину, хотя на начальном этапе пребывания во Франции это могло быть очевидным мотивом. Действительно, исследование показало, что именно те родители, которые не исключали вероятности возвращения, чаще других заявляли, что говорили со своими детьми на родном языке. Как минимум 50% среди тех, кто заявил о желании передать своим детям арабский, берберский или оба эти

языка без французского, выразили желание вернуться когда-нибудь в родную страну (против всего 20% среди говорящих с детьми только по-французски).

Даже если окончательное возвращение не предполагается, регулярные сезонные поездки на родину помогают родителям и их детям сохранять тесную связь с оставшимися на месте родственниками и представляют собой сильную мотивацию для передачи родного языка. Эти регулярные летние поездки в Алжир, Марокко или Тунис дают детям возможность погрузиться на месяц или два в языковую среду. Если общение с родителями представляет собой основной источник знакомства с языком, то длительное пребывание в родной стране одного или обоих родителей является, очевидно, вторым важнейшим каналом передачи, способствуя активизации полученных знаний. Действительно, оказавшись среди людей, не говорящих по-французски, дети должны как-то умудриться взаимодействовать с ними. Частота поездок – важный, но не единственный фактор, способствующий изучению родительского языка. Разнообразие языков, на котором говорит ближайшее социальное окружение, не менее важно. А поскольку среди нынешнего поколения жителей стран Северной Африки растет доля франкоговорящих, это не способствует более тесному знакомству с арабским или берберским языками молодых французов, приезжающих на каникулы.

Заключение

Носители берберского и арабского языков имеют различные миграционные траектории в зависимости от их географического происхождения (в частности, выходцы из городов и сельской местности), года прибытия и процесса обустройства во Франции. Вписав миграцию в пространственно-временные рамки, а именно принимая во внимание разницу миграционных профилей каждой из трех североафриканских стран, в разные периоды времени и на разных «этапах» миграции (Sayad, 1977), мы сможем понять те разные формы, которые может принимать внутрисемейная передача арабского и берберского языков. Конечно, большинство родителей хотят говорить с детьми на своем родном языке. Но в зависимости от того, существует ли этот язык в семье параллельно с другими языками, подкрепляется ли его изучение более или менее регулярными поездками в страну

исхода, способность молодого поколения активно использовать полученное от родителей языковое наследие существенно варьирует.

Для многих родителей этот языковой капитал представляет собой один из ярких маркеров коллективной идентичности, нередко демонстративно афишируемой. Передать детям родной язык означает не отречься от своих «истоков», даже в том случае, если от идеи о возвращении пришлось отказаться. В эмиграции, которая часто ведет к разрыву непрерывности семейной истории, сохранение родного языка (или родных языков) предков и передача их последующим поколениям является в конечном итоге именно знаком «преемственности». Родной язык, сохраненный и переданный следующим поколениям мигрантов во Франции, заменяет собой покинутую землю и близких, с которыми пришлось расстаться.

Библиография

- AÏT LEMKADEM Y., 1999, « Le Berbère dans le paysage linguistique et culturel marocain », in Francis Manzano (dir.) *Langues du Maghreb et du Sud méditerranéen*, Rennes, Presses universitaires de Rennes, pp. 25-36
- AÏT MOUS F., 2011, « Les enjeux de l'amazighité au Maroc », *Confluences Méditerranée*, n°78
- ATOUF E., 2002, *Les Marocains en France de 1910 à 1965. L'histoire d'une émigration programmée*, thèse de sciences humaines et sociales (dir. Jean-Marcel Goger), université de Perpignan, 2 vol.
- BOUGHNIM A., 2011, « L'enseignement de l'arabe en France dans les cours de langue et culture d'origine : le malaise », *Revue Diversité*, n°164, pp. 110-115
- CHAKER S., 1999, « La langue berbère : entre marginalisation et affirmation », in Manzano Francis *Langues du Maghreb et du Sud méditerranéen*, Cahiers de Sociolinguistique, n° 4, Presses Universitaires de Rennes, pp. 11-24
- DEPREZ C., 1994, *Les enfants bilingues : langues et familles*, Paris, Didier, Crefidif
- Direche-Slimani K., 1997, *Histoire de l'émigration kabyle en France au XXe siècle*, Paris, L'Harmattan
- DUMAS R., 2011, « Enseignement de langues et cultures d'origine. Le cas de l'arabe » *Revue Diversité*, n°164, pp 142-145
- FILHON A. 2007, « Parler berbère en famille, une revendication identitaire ? », *Revue européenne des migrations internationales*, 23(1), p. 95-115
- FILHON A., 2009a, « Plurilinguisme et hiérarchie sociale entre les langues en France », in Guerin-Pace F. Samuel O., Ville I. (coord.), *En quête d'appartenances: l'enquête Histoire de vie sur la construction des Identités*, Ined, chapitre 8, pp. 167-180

- FILHON A., 2009b, *Langues d'ici et d'ailleurs. Transmettre l'arabe et le berbère en France*, INED, Collection les Cahiers de l'ined n°163
- HERAN F., FILHON A., DEPREZ C., 2002, « La dynamique des langues en France au Fil du xxe siècle », *Population et Sociétés*, 376. См. в русском переводе: Эран Ф., Филон А., Депре К. Динамика языковой ситуации во Франции в XX веке. В кн.: Филиппова Е.И. Французские тетради. Диалоги и переводы. М., 2008. Сс. 150-155
- LEBON A., 1979, « L'aide au retour des travailleurs étrangers », *Économie et Statistique*, 113, juillet-août, p. 37-46
- LEFEVRE C. et FILHON A. (dir.), 2005, *Histoires de familles, histoires familiales. Les Résultats de l'enquête Famille 1999*, Paris, Ined, coll. « Les Cahiers de l'Ined »
- MEYNIER G ., 1981, *L'Algérie révélée : la guerre de 1914-1918 et le premier quart du XXe siècle*, Genève, Droz
- SAYAD A., 1977, « Les trois "âges" » de l'émigration algérienne en France », *Actes de la recherche en sciences sociales*, 15, p. 59-79

ОТ КОЛОНИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ К ШКОЛЕ АЛЖИРСКОЙ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, РЕЛИГИИ И ИСТОРИИ

---

*Камель Катеб*¹

Алжирская образовательная система наследует двум противоположным традициям: первая – французская, основанная на светской концепции образования (результат законов Ферри от 1882 и 1883 годов, а также закона 1905 года об отделении церкви от государства). Она была призвана обеспечить потребности колониального режима, а потому языком образования, как и на территории метрополии, стал французский язык. Арабскому языку в этой роли было отказано. Вторая традиция – магрибинская, считающая целью образования обучение религии и заучивание сур Корана, знание которых необходимо для соблюдения религиозных ритуалов и предписаний.

Два фактора способствовали сохранению светского характера образования в постколониальном Алжире. Первый – острая нехватка учительских кадров в первые годы независимости, второй – потребности модернизирующейся экономики. Открытие массового доступа к образованию девочек и введение в 1968 году смешанного обучения на всех образовательных ступенях можно трактовать как выбор в пользу реорганизации общественного пространства, идущей вразрез с нормами ислама, предполагающими разделение полов в публичной, а иногда и в частной сфере.

Вскоре, однако, нежелание политической власти и части общества допустить в стране свободомыслие и индивидуальную свободу граждан поставило на повестку дня вопрос о «реисламизации». Религия как символический капитал оказалась востребована на политической сцене и получила юридическое признание (семей-

---

¹ © *Kamel Kateb, UR 12 « Identités et territoires des populations », Institut National des Etudes Démographiques (INED)*

ный кодекс 1984 года). Принятая в 1976 году Конституция с поправками от 1989 и 1996 годов провозглашает ислам государственной религией и требует, чтобы президент страны был мусульманином. В 1984 году решением Центрального комитета Фронта национального освобождения (правящей и единственной в то время партии) религиозное образование было введено на всех ступенях образовательной системы.

В поисках новой национальной идентичности и в стремлении противопоставить что-то «колониальному отчуждению» сменявшие друг друга руководители алжирского государства использовали два инструмента: арабский язык и религиозное образование. Способствует ли такой выбор выполнению школой своей основной функции – передачи знаний и социализации новых поколений? Отвечает ли система образования независимого Алжира растущей потребности страны в технических кадрах и квалифицированной рабочей силе? Или, напротив, на первый план выходит идеологическая составляющая, превращающая образовательную систему в механизм конструирования коллективной идентичности алжирцев?

Колониальное наследие: государственная школа, бесплатная и обязательная для всех детей школьного возраста

Светский характер образования

Одним из столпов французской системы школьного образования является, без сомнения, ее светский характер. Изначально школы создавались под эгидой церкви, но государственная школа постепенно вытеснила религиозные конгрегации, контролировавшие систему образования. В 1882 году на смену религиозному пришло гражданское образование, а в 1886 году оно было доверено светским учителям. Катехизис и религия отныне преподавались вне школьной программы и во внеурочные часы.

Закон 1905 года об отделении церкви от государства сделал светский характер последнего одной из фундаментальных ценностей французской Республики. Религия была вытеснена в сферу частной жизни и стала чисто семейным делом. Главным аргументом в пользу такого подхода была необходимость научить учеников мыслить самостоятельно, чего невозможно добиться, если образование построено на вере в незыблемые истины, провозглашаемые религией. Республиканцы стремились к тому, чтобы разум господствовал над ве-

рованиями, над «прописными истинами», хотя бы в школе. «Школьная война» между сторонниками различных политических течений завершилась победой приверженцев светского образования.

Слабый охват образовательной системой детей-аборигенов

С конца XIX века обязательное школьное образование, принятое во Франции, было распространено на различные категории населения Алжира, за исключением так называемых «аборигенов». Были предприняты значительные усилия, направленные на образование детей европейских иммигрантов – испанцев, итальянцев и прочих, с целью ускорить их ассимиляцию. Главнейшим условием успешной ассимиляции новых поколений, само собой, считалось овладение французским языком и отказ от языка родителей. Такой подход вписывался в общую стратегию Третьей Республики (1871-1939) по вытеснению местных языков (корсиканского, бретонского, баскского, а на территории Алжира – арабского, а также языков иммигрантов – испанского и итальянского) за пределы публичного пространства. В 1908-1910 годах при генерал-губернаторе Алжира действовала Комиссия по вопросам образования аборигенов, однако приоритетной задачей было признано образование детей европейского происхождения. В итоге уровень охвата детей-европейцев в возрасте от 6 до 13 лет школьным образованием быстро рос и к исходу второй мировой войны превысил 80% (во Франции этот уровень был достигнут еще в начале XX века). В то же самое время доля детей-аборигенов, охваченных школьным образованием, была одной из самых низких среди стран средиземноморского бассейна и составила к 1954 году 16,7%. Более низкие показатели были зафиксированы в том же году только в Марокко и Иране. Столь низкий уровень охвата детей-аборигенов школьным образованием отчасти объясняется демографическими факторами: перепись 1911 года в Алжире было зафиксировано более миллиона детей школьного возраста, и даже если принимать во внимание только мальчиков (вопрос об образовании девочек в то время еще не поднимался), каждый год нужно было бы сажать за парты около полумиллиона учеников. Ежегодный прирост мусульманского населения страны, темпы которого были одними из самых высоких в мире, а также дисперсный характер его расселения, преимущественно в сельской местности, не оставлял надежды на быстрое решение проблемы. Накануне второй мировой войны каждый год открывались 89 новых классов, тогда как нужно было открывать в

три раза больше. Огромная и неравномерно заселенная территория страны, быстрый рост численности населения сыграли отрицательную роль в распространении школьного образования.

Особенно плачевной была ситуация с образованием девочек-аборигенок. В начале XX века только 1% из них ходили в школу, перед второй мировой войной этот показатель дорос до 3%, к 1954 году – до 10%. В абсолютных цифрах это увеличение соответствует 2500 человекам в начале XX века и 250000 накануне войны за независимость, в 1960-м. В это же время на 100 учеников-мальчиков приходилось только 50 учениц-девочек. Французская колониальная администрация предпринимала попытки организации начального школьного образования для девочек-мусульманок, включая предоставление стипендий, но больших успехов на этом поприще достигнуто не было, а девочек-мусульманок в учреждениях среднего образования и вовсе можно было пересчитать по пальцам одной руки. Присутствие девушек-мусульманок среди студентов высших учреждений становится постоянным (но очень слабым, не превышающим десяти человек) лишь к началу 1940-х годов.

Трудное строительство алжирской школы: прагматическая секулярность

Деколонизация спровоцировала исход европейского христианского населения, а также евреев, веками живших на территории Алжира. Среди последних были как испанские евреи, бежавшие в свое время от инквизиции и нашедшие убежище в крупных городах на севере Магриба, так и евреи берберского происхождения, получившие французское гражданство в 1870 году по декрету Кремье. В результате в Алжире образовалось однородное в религиозном отношении население, на 99,9% состоящее из мусульман-суннитов маликитского мазхаба. Небольшая группа берберов-ибадитов сконцентрирована на юго-востоке Сахары. Такая однородность населения не способствовала бдительному отношению к нетерпимости и расистским идеям. Школа, вопреки своей воле, отчасти оказалась повинна в распространении нетерпимости.

Если на бумаге официальный Алжир – мусульманское государство, то в реальности светские практики господствуют во многих сферах общественной жизни, подвергшихся модернизации. Особенно трудно достичь компромисса между религиозностью и светско-

стью, приемлемого для всех членов общества (как индивидов, так и семейных и социальных групп), в сфере гражданского права. Попытки комбинировать правовую систему, унаследованную от колониального периода и затем дополненную подписанием и ратификацией ряда международных документов (в частности, конвенций о правах женщин и правах ребенка), с элементами исламского права, берущего начало в Коране и шариате, особенно осложняются тем, что проект развития и модернизации, на который алжирское общество вступило после обретения независимости, зашел в тупик. По оценкам специалистов, «алжирская политическая и социальная система является религиозной в своем юридическом выражении и светской в повседневных практиках живущих в стране людей» (Sanson 1983, Rouadja 1997).

Действительно, модернистские силы в правительстве способствовали секуляризации общества, не только не ссылаясь на принцип светскости, но и используя религию для достижения своих политических целей. Они опирались на модернистские течения в исламе, чтобы заставить массы населения принять их политическую программу и нейтрализовать консервативные круги мусульман. Это объясняет фактическое отсутствие общественных дебатов относительно светского характера образования. В 1970 году государственная комиссия по реформе образования постановила, что «алжирская школа не может быть светской», поскольку светское образование является иностранным заимствованием, следы которого надлежит устранить.

Созыв в 2000 году новой государственной комиссии по реформе образования повлек за собой мобилизацию легальных исламистов и консерваторов из бывшей единственной партии, выступивших против предложенного проекта реформы, который они расценили как попытку возврата к светской школе. Главная проблема, однако, не в религиозном образовании как таковом, а в содержании этого образования.

Религиозное образование

Уже в 1970 году первая государственная комиссия по реформе образования (CNRE) задавалась вопросом: какой ислам следует преподавать детям? Ответ, данный членами комиссии, был близок к позиции фундаменталистов. А. Мехри² в докладе подкомиссии «Демократи-

---

² Абдельхамид Мехри (Abdelhamid Mehri) – один из руководителей Фронта национального освобождения, первый секретарь этой партии вплоть до 1996 года, сторонник союза с исламистами ради сохранения власти.

зация школы», представленном на второй сессии CNRE 27-30 апреля 1970 года, сформулировал его так: «Ислам, как известно, это одновременно религия и система организации общества. [...] В настоящее время в преподавании акцент делается на религиозной составляющей: оно сконцентрировано на отношении человека к Богу и не уделяет должного внимания той стороне ислама, которая связана с социальной организацией, [...] Какова позиция образованных мусульман по таким важным вопросам, как война и мир, опасности ядерной войны, голод, неравномерность экономического развития, расизм, развитие науки и техники, семья, молодежь и т.п.? А ведь в исламе содержатся исчерпывающие и очевидные ответы на все эти вопросы».

В конечном счете, речь идет не просто об отказе от светского характера образования, но о принятии на вооружение тезисов религиозного фундаментализма. Именно этим объясняется жесткая реакция исламистов и консерваторов на доклад второй комиссии по образовательной реформе. В докладе говорилось о необходимости изменить содержание религиозного образования, сделав его более терпимым, а также ориентированным на изучение религии, а не на обучение религиозным практикам – эту задачу, по мнению комиссии, могли бы взять на себя семьи или уполномоченные на то лица или организации.

Школы, существовавшие в Алжире до прихода французов, не исчезли с установлением колониального режима и распространением французской системы образования. Слабый охват детей-мусульман этой системой, последовательное исключение арабского языка как языка преподавания привели к развитию параллельной системы обучения. Она включала в себя остатки доколониальных образовательных учреждений (коранические школы и завии), а с 1931 года также медресе³, основанные ассоциацией улемов. Эти образовательные учреждения существовали на периферии республиканского закона, не имея финансовой поддержки или помощи со стороны государства. Они находились под постоянным полицейским наблюдением и подвергались административным придирам. Тем не менее, традицион-

---

³ Название «медресе» применимо к трем типам школ: в традиционной системе образования оно обозначает школу второй ступени; французской администрацией были созданы три двуязычных *медресе* (в городах Алжир, Константина и Тлемсен) для подготовки необходимых ей религиозных и юридических кадров; наконец, *медресе*, созданные ассоциацией улемов.

ная система обучения сосуществовала бок о бок с французской вплоть до обретения Алжиром независимости.

Религиозные братства и улемы: две судьбы

Традиционное (кораническое) образование осуществлялось под руководством улемов или в завиях религиозных братств. Судьба этих двух ветвей в независимом Алжире сложилась по-разному. Улемы, наследники ассоциации, основанной шейхом Бен Бадисом, вошли в структуры власти и по сей день используют в своих политико-религиозных целях аппарат Министерства по делам религии. Они сформировали группу в рамках правящей партии Фронт национального освобождения (так называемую «группу бородачей»), неизменно поддерживавшую исламистов, одними из основных сторонников которых были именно улемы.

За сорок лет независимости Алжира они сформировали сеть исламских культурных центров (по одному в каждом вилайете) и исламских институтов, которые нередко становились базой для пропаганды религиозного фундаментализма. В дискуссии по проблеме образования улемы выступали за полный и немедленный переход на арабский язык и за исключение французского и берберского языков из образовательных учреждений. Позиция по вопросу арабизации привела их к союзу с панарабистским течением «Баатистов» (Lacheraf, 1998) и участию в студенческих волнениях середины 1970-х – начала 1980-х годов. Занимая прочные позиции в правительстве и в руководстве системы образования, улемы поддержали введение религиозного образования в начальной школе. Не афишируя своих намерений, они добились изменения программы обучения в обновленных медресе (арабизация, кораническое образование, исключение иностранных языков и т. п.). Это придало идеологии образования выраженную религиозную коннотацию, что позволяет говорить о проникновении политики исламизма в систему народного образования.

Вторая ветвь традиционного образования – завии религиозных братств. Начиная с 1930-х годов, они подвергались нападкам со стороны Ассоциации улемов, обвинявших их в пособничестве колониализму и отходе от *подлинного* ислама, выразившемся в формировании культа святых (марабутов). Фронт национального освобождения, стремясь сосредоточить в своих руках политическую, культурную и духовную жизнь, отеснил завии на периферию. Не прибегая к прямым гонениям, он фактически вынудил их действовать полулегаль-

но. Вооруженные группировки исламистов сделали завии своей основной мишенью, разрушая их мавзолеи и убивая адептов. К тому же аграрная реформа начала 1970-х годов лишила завии сельскохозяйственных земель, доходы от которых шли на финансирование их деятельности. Родители отдавали своих детей в завии только в безвыходных ситуациях: если государственная школа была очень далеко или если ребенка исключали из нее за неуспеваемость. Тем не менее, завии по-прежнему существуют в некоторых регионах, где традиционно они были широко распространены (так, в регионе Адрар в Сахаре насчитывается 240 завий).

В ситуации утраты большей частью молодежи культурных и религиозных ориентиров некоторые политики видят в завиях и религиозных братствах преграду на пути радикального ислама. Поэтому в 2000 году государство поддержало создание их общенациональной ассоциации, учредительный съезд которой открыл своей речью лично президент республики.

Выбор языковых стратегий

Арабизация образования: предмет политических и идеологических противоречий

Независимость Алжира изменила статус арабского языка. Из «иностранный» он стал официальным языком нового государства⁴. Руководство единственной партии (ФНО) навязало классический литературный арабский язык обществу, где в ходу были различные ближневосточные арабские диалекты, весьма далекие от «официального государственного языка». Таким образом, этот язык стал языком власти, иногда непонятным большинству населения. Однако он не господствует безраздельно: в повседневной жизни люди продолжают говорить на арабских и берберских диалектах. В административной и юридической сферах арабский язык долгое время соперничал с французским⁵. В экономике последний по-прежнему занимает господствующие позиции ввиду тесных торгово-экономических отношений с Францией и наличествующих людских ресурсов.

В сфере образования отказ от двуязычия, а также распространение с первых лет независимости арабоязычных лицеев и отделений в

⁴ Этот статус закреплен Конституциями 1963, 1976, 1989 и 1996 годов.

⁵ Декретом президента революционного совета от 1968 года предписывался переход государственных учреждений на арабский язык в течение трех лет.

университетах привели к появлению на рынке труда большого количества молодых специалистов с высшим и средним образованием, не владеющих другими языками, кроме арабского, или недостаточно хорошо знающими французский язык для того, чтобы использовать его в профессиональной деятельности. Эти специалисты оказывались в невыгодном положении, не находя себе применения за пределами сферы образования⁶. Все более многочисленные арабоязычные студенты не имели возможности социального продвижения, поскольку в сфере экономики, да и в государственном аппарате (за исключением политических инстанций) предпочтение по-прежнему отдавалось французскому языку. Подоплекой политической борьбы против культурного доминирования французского языка было желание арабоязычных специалистов получить более широкий доступ к ответственным постам в государственном аппарате и в экономике. В 1980 году эта борьба завершилась переходом на арабский язык всех звеньев образовательной системы, включая университеты. Только некоторые университетские специальности, такие как медицина, информатика, архитектура и различные инженерные факультеты, избежали этой участи.

Каков же итог этой политики арабизации образования спустя сорок лет после обретения независимости? Согласно статистике, население сегодняшнего Алжира достигло небывалого за всю свою историю уровня арабизации. По данным переписи 1987 года, 8 400 000 человек в возрасте от 10 лет, т. е. 54,2% этой возрастной категории, заявили об умении читать и писать по-арабски. Если бы были доступны результаты переписи 1998 года, вероятно, они показали бы еще более высокий процент «заявивших». По сравнению с ситуацией накануне обретения независимости можно утверждать, что процесс распространения и использования арабского языка зашел достаточно далеко. Однако эти впечатляющие в количественном отношении результаты, судя по всему, не подкреплены качеством! Бывший министр народного образования Ахмед Джеббар⁷ утверждает, что преподаваемый арабский язык – это «утилитарный, очень бедный язык

---

⁶ Между 1962 и 1978 годами число арабоязычных преподавателей выросло с 3500 из 20000 до 54000 из 70000. Цифры взяты из доклада Министерства планирования: « Evolution 1966-1977 de la scolarisation dans les wilayas, février 1980, 58 p.

⁷ Ахмед Джеббар, бывший министр народного образования Алжира (1992-1994), ныне преподает в университете Париж-юг.

[...] Это бездушный язык, не имеющий почти никаких культурных ориентиров» (Djebbar, 1995). Это мнение разделяют также один из предшественников Джеббара на посту министра Мустафа Лашраф (Lacheraf, 1998) и педагог Малика Грифу (Griffou, 1989).

Причины невысокого качества преподавания кроются в уровне квалификации учительского корпуса. Все более многочисленные поколения учеников, поступающих ежегодно в школы, потребовали массового набора учителей⁸, которых бывший министр образования охарактеризовал следующим образом «эти преподаватели были преданны своему делу, у них было желание работать, но их серьезным недостатком был крайне низкий уровень образования, не позволявший им овладеть минимально необходимыми учителю основами профессии...» (Lacheraf, 1998).

Не следует забывать о том, что алжирские власти сделали выбор в пользу преподавания языка, непонятного большинству населения, говорившего на различных местных диалектах (Grandguillaume, 1983, 1997). Тем самым они преследовали цель не столько реабилитации арабского языка, сколько «реставрации идентичности», подразумевая при этом прошлую идентичность, которую алжирский народ якобы утратил под гнетом колониализма. Поэтому следовало не только возложить на арабский язык все те функции, которые выполнял французский язык в колониальную эпоху, но и сделать это немедленно и повсеместно. Уступая давлению сторонников немедленной арабизации, эта политика должна была положить конец фактическому двуязычию алжирского общества и тем самым спасти «аутентичную» алжирскую идентичность от угрозы, которую представляло присутствие французского языка.

---

⁸ Потребность в преподавателях арабского языка вынудила алжирские власти нанимать на работу выходцев из стран Ближнего Востока, в основном египтян и сирийцев. Тогдашний президент Египта Насер воспользовался этой ситуацией для высылки из страны своих политических оппонентов, принадлежащих к организации «Братья-мусульмане». Некоторые полагают, что они стояли у истоков распространения политического исламизма в Алжире, однако имеющихся в распоряжении исследователей источников недостаточно для подобных утверждений, которые могут рассматриваться исключительно как политические и целиком лежат на совести их авторов. Эту точку зрения выражает, в частности, франкоязычный алжирский писатель и профессор Высшей школы коммерции г. Алжира Рашид Минуни (см.: Rachid Mimouni. *De la barbarie en général et de l'intégrisme en particulier*, France, Le pré aux clercs, 173 p.).

Именно по этой причине из двух возможных подходов: «арабизации-перевода или арабизации-обращения»⁹ (Grandguillaume, 1997), возобладал второй, тот, который должен был привести к монолингвизму. Принятие последним съездом единственной партии закона о всеобщем распространении арабского языка (закон n°91-05 от 16 января 1991 года) стало прямым продолжением этой политики. Этот закон предписывал всем организациям, администрациям, предприятиям и ассоциациям, независимо от сферы их деятельности, использовать только арабский язык. К тому же организациям вменялось в обязанность «заниматься продвижением и защитой арабского языка и следить за его чистотой...». Закон предусматривал санкции в виде штрафов за любое нарушение этих установлений. Он должен был вступить в силу не позднее 5 июля 1992 года, но его применение было заморожено и вновь внесено в повестку дня лишь пять лет спустя (17 декабря 1996 года) переходным Национальным советом – ассамблеей, временно заменившей Законодательное собрание, которое не было сформировано в результате отмены выборов в январе 1992 года. Исходя из политической конъюнктуры, в которой принимались эти законы, их невозможно интерпретировать иначе, чем стремление правящего режима к альянсу с исламистами и консервативными силами общества (Grandguillaume, 1997).

Французский: «язык ремесла и хлеба»

У французского – языка колонизаторов – не было защитников в новом независимом государстве. Все были согласны с тем, что арабскому языку необходимо обеспечить господствующее положение в образовании. Однако если арабский алжирцы считали языком, открывающим двери рая, то французский открывал доступ на рынок труда. Он позволял получить постоянную зарплату, а следовательно – обеспечить существование семьи в стране, где с голодом было покончено только к середине XX века.

К моменту обретения независимости в 1962 году французским языком свободно владела лишь небольшая часть населения Алжира. 750 000 алжирских детей посещали французскую школу. По данным переписи населения 1954 года, около 7% «французов-мусульман» (каждый десятый мужчина и каждая тридцатая женщина) умели читать и писать по-французски; 5% из них были исключительно фран-

---

⁹ Фр. « arabisation-traduction », « arabisation-conversion » - прим. перев.

коязычны. Доля алжирцев, умеющих читать и писать только по-арабски, составляла менее 3% населения. Таким образом, по статистике было больше грамотных во французском языке, чем в арабском. Наличие современных и функциональных образовательных средств было немаловажным условием, способствовавшим развитию образования на французском языке и, как следствие, распространению этого языка среди населения.

Для организации всеобщего образования на арабском языке все нужно было создавать с нуля: книги, программы, методики, инфраструктуру. Для новой политической элиты, в большинстве своем франкоязычной, не могло быть и речи о возврате к доколониальной системе образования. Последним, но не менее важным козырем в пользу образования на французском языке было большее количество учителей, готовых преподавать на французском языке, чем на арабском, а также наличие прекрасно себя зарекомендовавшей системы подготовки учительских кадров¹⁰. Таким образом, ситуация в первые годы после обретения независимости складывалась в пользу франкоязычного образования.

За истекшие сорок лет алжирская система образования произвела больше франкофонов, чем за 130 лет ассимиляторской политики колониальной Франции. По данным переписи населения 1987 года, т. е. через 25 лет после обретения независимости, и в абсолютных числах, и в процентах больше алжирцев заявили, что они умеют читать и писать по-французски, чем сразу после свержения колониального режима: это более половины населения в возрасте от 10 лет, т.е. чуть меньше 8 миллионов человек. Лишь небольшая часть из них (262 000 человек) знают только французский, остальные заявили, что могут читать и писать на двух языках. В 1954 году 330 000 человек заявили, что могут читать и писать только по-французски, 106 000 назвали себя двуязычными.

Таким образом, всеобщее образование на арабском языке не мешало присутствию и росту использования французского языка в алжирском обществе. Французский сохранил особое положение в образовательной системе. Он преподается начиная с третьего класса начальной школы и до конца средней. В университетах на факульте-

---

¹⁰ В 1962 г. Алжир унаследовал 4 педагогических института, в которых могли одновременно обучаться от 350 до 400 будущих учителей начальной школы, и высший учительский институт, готовивший учителей для средней школы.

тах естественных, технических наук и медицины преподавание ведется на французском, арабский же язык стал единственным языком преподавания на гуманитарных факультетах. С другой стороны, книг, учебников и других материалов, необходимых для преподавания, на арабском языке все еще очень мало по всем дисциплинам. Доклад 2003 года по человеческому развитию в арабском мире обращает внимание на то, что количество переводов книг, осуществляемых ежегодно во всех арабских странах вместе взятых, меньше, чем в таких странах, как Греция или Испания¹¹. У студентов, по сути, нет выбора: они должны знать иностранный язык (французский или английский), чтобы иметь доступ к необходимой научной и учебной литературе.

Помимо системы образования, социальная и экономическая среда (банки, предприятия и пр.) также пропитана французским языком. У прессы на французском языке, по крайней мере, в крупных городах, читателей не меньше, а то и больше, чем у арабоязычной. Тиражи ежедневных газет, а также различные опросы общественного мнения свидетельствуют о глубине этой привязанности. Кроме того, в Алжире существует благоприятная среда для изучения французского языка, которой лишены иные иностранные языки. Чтобы иметь возможность регулярно практиковаться во французском языке, алжирцам нет никакой необходимости выезжать из своей страны, тогда как для изучения других языков, помимо начальных затрат – подготовки учителей и учебных пособий – необходимы еще и стажировки за рубежом.

Тамазигх в школе: преподавание берберского языка

Берберский – третий язык, бытующий в Алжире. В мае 2002 года он получил конституционное признание как национальный язык (однако арабский остается единственным официальным языком алжирского государства). Создан верховный совет по берберским проблемам¹² и разрешено преподавание берберского языка в регионах компактного проживания берберов (Кабилии, горах Ореса и долине Мзаб). Статус национального, но не официального языка не обязывает алжирское государство переводить на берберский законы, административные и юридические акты, хотя немалая часть населения страны исключительно бербероязычна.

---

¹¹ United Nation Development programme, 2003, Arab human development report 2003, Building a knowledge society, 190 p. www.undp.org.

¹² Фр. «Haut conseil à l'amazighité» - прим. перев.

Население Алжира издревле состоит из арабофонов и берберофонов, численное соотношение между которыми постоянно меняется. В отсутствие результатов последней переписи населения мы можем оперировать только результатами предыдущих переписей или массовых обследований. Так, по данным переписи 1966 года почти каждый пятый житель Алжира был бербероязычен. При этом, несмотря на рост в абсолютных цифрах, в процентном отношении доля этой части населения сократилась. Обследование, проведенное в 1860 году, выявило, что берберский язык был родным для трети населения Алжира. Сокращение доли берберского языка и рост доли арабских диалектов, зафиксированные еще исследованием 1910 года, продолжились после обретения независимости, о чем свидетельствуют результаты переписей 1954 и 1966 годов. В 1998 году численность бербероязычного населения оценивалась приблизительно в 4 700 000 человек, что составляло одну шестую часть всех жителей Алжира.

Это сокращение доли носителей берберского языка напрямую не связано с политикой арабизации образования. Действительно, на протяжении всей колониальной эпохи преподавание велось на французском языке, арабский же считался языком иностранным, и тем не менее, берберский постепенно уступал свои позиции арабским диалектам Алжира. С обретением независимости преподавание арабского языка постепенно проникло сначала в начальную, а затем и в среднюю школу, однако французский оставался основным языком обучения вплоть до начала 1970-х годов. Только после декрета 1976 года арабский стал основным языком начального и среднего образования, а французский – первым иностранным языком, преподавание которого вводилось в начальной школе.

Требование кабиллов признать берберский язык национальным и официальным имело целью вовлечь алжирское государство в деятельность по защите и развитию этого языка посредством внедрения его в образовательную, административную, судебную и политическую сферы. Забастовка кабилльских школьников в 1994-1995 годах вынудила правительство разрешить преподавание берберского языка в регионах компактного проживания берберов, а непрекращающиеся с апреля 2001 года беспорядки в Кабилии увенчались конституционным признанием берберского языка в качестве национального, но пока еще не официального. Население других бербероязычных регионов Алжира – горного массива Орес, Ахаггарского нагорья, долины Мзаб и плато Тассилин – осталось в стороне от берберского культурного движения.

Библиография

- AGERON Ch.-R., 1964, *Histoire de l'Algérie contemporaine*, PUF, collection « Que sais-je »
- AYNARD R., 1913, *L'œuvre française en Algérie*, Paris, Hachette
- AZAN P., 1903, *Recherche d'une solution de la question indigène en Algérie*, Paris
- A. Challamel, 87 p.
- BEGARRA J., 1953, « La scolarisation en Algérie », *La Revue socialiste*, pp.147-156, Paris
- BENOIST Ch., 1892, *Enquête algérienne*, Paris, Lecène, Oudin & Cie, éditeurs, 330 p.
- BURDEAU A. L., 1892, *L'Algérie en 1891 : rapport et discours à la chambre des députés*, Paris, Librairie Hachette et Cie, 406 p.
- BURDEAU A. L., 1916, *Rapport sur le budget général de l'exercice 1892*, Service de l'Algérie, Alger Jourdan
- CAMBON J., 1918, *Le Gouverneur général d'Algérie, 1891-1897*, Paris, H. & E. Champion, Alger, Jourdan & Carbonnel, 448 p.
- CARRET J., 1959, *Le réformisme en Islam, l'association des Oulama d'Algérie*, Alger, Imprimerie officielle, 39 p.
- COLONNA F., 1975, *Instituteurs Algériens 1883-1939*, Paris, Presses de la fondation nationale des sciences politiques, 238 p.
- COMBES, E. 1894, *Rapport sur l'enseignement supérieur musulman (les Médersas)*, Sénat, S. O., n°15 (annexe au procès-verbal de la séance du 2 février 1894), 340 p.
- DOUTTÉ, E. 1900, *L'islam algérien en 1900*, Alger-Mustapha, Giralt, 185 p.
- EMERIT M., 1954, « L'état intellectuel et moral de l'Algérie en 1830 », *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*, tome 1, juillet-septembre, Paris, P.U.F.
- EMIN J.-C., & ESQUIEU P., 1998, « Un siècle d'éducation », *Education & formation* n° 54, éditions du Ministère de l'éducation nationale, de la recherche et de la technologie
- FERROUKHI D., 1995, *L'état de l'éducation en Algérie*, Collection Statistiques n°56, ONS, Alger
- GRANDGUILLAUME G., 1995, *Arabisation et politique linguistique au Maghreb*, Paris, Maisonneuve et Larose, 214 p.
- GRANDGUILLAUME G., 1997, « Arabisation et démagogie en Algérie », www.monde-diplomatique.fr
- GRIFFOU M., 1989, *De Benbadis à Pavlov*, Alger, SNED

- IBN KHALDOUN A., 1968, *Discours sur l'histoire universelle*, traduction Vincent Monteil, tome 3, Beyrouth, Commission libanaise pour la traduction des chefs-d'œuvre, pp. 931-1435
- KATEB K., 2000, « Les politiques françaises d'assimilation en Algérie », *Biologie et invention des populations*, Paris, éditeur Odile Jacob, pp. 201-222
- KATEB K., 2005, *École, population et société en Algérie*, Paris, les éditions L'Harmattan, collection Perspectives méditerranéennes, 240 p.
- KHAÏRALLAH B. M., 1908, « L'enseignement primaire des indigènes en Tunisie », intervention au Congrès de l'Afrique du Nord à Paris, in *Tunisie actualité*, spécial 1973, publié par le Centre de documentation nationale, Tunis 1973, pp. 43-79
- LACHERAF M., 1978, *Débat gouvernemental autour du rapport du ministre de l'éducation relatif au système scolaire*, Alger, le 6 mai 1978, 38 p.
- LELIÈVRE C., 1990, *Histoire des institutions scolaires 1789-1989*, Paris, éditions Nathan, 238 p.
- LELIÈVRE C., & NIQUE Ch., 1993, *La république n'éduquera plus. La fin du Mythe Ferry*, Paris, Plon
- LÉON A., 1991, *Colonisation, enseignement et éducation*, Paris, l'Harmattan
- LEROY-BEAULIEU P., 1887, *L'Algérie et la Tunisie*, Paris, Librairie Guillaumin, 472 p.
- MAZOUNI A., 1969, *Culture et enseignement en Algérie et au Maghreb*, Paris, édition Maspero, 247 p.
- PERVILLÉ, G., 1984, *Les étudiants algériens de l'université française 1880-1962*, Paris, édition du C.N.R.S., 346 p.
- Questions diplomatiques et coloniales*, 1er août 1901 p.159, 1er octobre 1901 p. 403
- ROUADJIA A., 1997, « La sacralisation des espaces politiques et du droit au Maghreb » in J.-L. Thireau (éd.), *Le droit entre Laïcisation et néo-sacralisation*, Paris, PUF, pp. 267-295
- SANSON H., 1983, *Laïcité islamique en Algérie*, Paris, CNRS, 176 p.
- THÉLOT C., 1993, *L'évaluation du système éducatif*, Paris, Nathan université
- TOCQUEVILLE A., 1988, *De la colonie en Algérie*. Présentation de Tzvetan Todorov, édition Complexe, 180 p.
- TSOURIKOFF Z., 1935, *L'enseignement des filles en Afrique du Nord*, Paris, éditions A. Pédone, 184 p.

ОБ АВТОРАХ

АЛОС и ФОНТ Эктор (ALÒS i FONT Hèctor) – научный сотрудник отдела этнологии и социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук. Россия, Чебоксары
hectoralos@gmail.com

БАБИЧ Ирина Леонидовна – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, д.и.н. Россия, Москва
irina@babich1.net

БЮР Мелоди (BUHR Mélody) – антрополог, докторант Национального демографического института Франции (INED) и Университета Париж – Нантерр – Ля Дефанс. Париж, Франция
melody.buhr@ined.fr

КАТЕБ Камель (КАТЕВ Kamel) – демограф, научный сотрудник Национального демографического института Франции (INED). Париж, Франция
kateb@ined.fr

ЛЕ КОАДИК Ронан (LE COADIC Ronan) – социолог, профессор Университета Ренн-2. Ренн, Франция
ronan.lecoadic@univ-rennes2.fr

ПЕСТЕЙ Филипп (PESTEIL Philippe) – антрополог, доцент Университета Корсики. Кортэ, Франция
pesteil@univ-corse.fr

ПОДЛЕСНЫХ Ольга Николаевна – научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Россия, Москва
olga_podlesnyh@mail.ru

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, главный редактор журнала “Этнографическое обозрение”, д.и.н. Россия, Москва
sokolovskiserg@mail.ru

ФИЛИПОВА Елена Ивановна – ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, зам. главного редактора журнала “Этнографическое обозрение”, д.и.н. Россия, Москва
elena_filipova89@yahoo.fr

ФИЛОН Александра (FILHON Alexandra) – социолог, доцент Университета Ренн-2, ассоциированный исследователь Национального демографического института Франции (INED). Париж, Франция
filhon@ined.fr

ЯРЛЫКАПОВ Ахмет Аминович – старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, к.и.н. Россия, Москва
itbal@mail.ru